

70 коп.
Индекс 70798

Фото Александра БОМЗЫ

РОДИНА

ISSN 0235—7089
2/90

1,5 ТЫСЯЧИ ДЕТЕЙ ОБЪЯВЛЕНЫ ПРОПАВШИМИ БЕЗ ВЕСТИ

НАЙДИТЕ НАС

Под блеск алмазов

Фото Александра БОМЗЫ

Многих наверняка удивит подобная арифметика, но факт есть факт: по своей территории Якутская АССР почти равна Индии, то есть составляет 3 103 200 квадратных километров (Индия — 3 288 000). Дальнейшие аналогии, вероятно, просто некорректны, потому хотя бы, что в Индии постоянного населения раз в 700 больше и омывает ее не мрачноватый Северный Ледовитый, а теплый в любое время года Индийский океан.

Наверное, по этим причинам название северной автономии в сотни раз реже встречается на страницах газет и журналов, изредка мелькает в передачах телевидения. В результате рядовой советский гражданин недурно ориентируется в социальных, политических, национальных, экономических, экологических и прочих нюансах индийского бытия и плохо представляет себе, как живут якутяне в своей огромной автономной республике. А может быть, и нет там никаких проблем? Но давайте-ка совершим небольшое фотопутешествие на берега Вилюя.

Река эта, хоть и является левым притоком Лены, на 450 километров длиннее Днепра и всего на 200 километров короче Дуная. В 50-х годах именно здесь было открыто месторождение якутских алмазов — сенсация мирового значения. И, казалось бы, добыча столь редкого и даже драгоценного минерала должна была принести процветание в этот суровый край. Но вот отрывок из письма старого учителя И. Семенова (на снимке), жителя села Сунтар.

«Открытие и разработка алмазных месторождений обернулись для коренного населения Вилюя бедой. В Вилюй сбрасываются минерализованная вода из рудника «Мирный», канализационная вода города Мирного и отработанная вода с обогатительных фабрик... Вода Вилюя отравлена настолько, что при поливе этой водой погибают растения на приусадебном участке, погибают рыбы в реке».

Вот еще одна история. Рассказывает вв Евдокия Алексеевнв Баторава, учительница из города Мирного:

«9 ноября по улице Гагарина, 83, затопило грунтовыми водами семью работника орса Хоборковой Р. Ш. В семьв этой трое детей, младшей девочке 2 года, а местные власти не нашли для жилья пострадавших людей никвкого другого помещения, кромв красного уголка в мужском общежитии, где семья проживает по сей день, несмотря на многочисленные хождения в исполком и другие инстанции».

Барак, который вы видите на снимке, можно смвло назвать историческим памятником. Для убедительности приводим акт, составленный техническим инспвктором труда ЦК профсоюза медработников по Якутской АССР И. Андрвевым: «Бывшее деревянное здание тюрьмы, построенное вще до Советской власти бвз какого-либо благоустройства, в настоящее время эксплуатирувтся под межрвйонную психоневрологическую больницу при ЦРБ и находится в аварийном состоянии, восстановительному ремонту зданив не подлежит ввиду ветхости.

Использование подобного здания для содержания и лечения психических больных можвт расцвниввться только как издевательство над больными и медицинским персоналом».

Русский революционер-демократ Николай Гаврилович Чернышевский отбывал ссылку в этих краях. Сохранился любопытный документ, относящийся к тем временам.

Вилюйский окружной исправник
январь 1872 г. № 13. Вилюйск
Адъютанту жандармского управления штабс-капитану Зейферту.

Ваше превосходительство.

Препровожденной ко мне инструкции для наблюдения за государственным првступником Чврнышевским (параграф 14) я имею честь уведомить Ваше благородие, что содвржание в месяц обойдется по исчислению моему на продукты, примерно:

1 фунт чая, 2 фунта сахара — 3 руб.
1 пуд 20 фунтов муки ржаной по ценв 1 руб. 91 коп.— 2 руб. 87 коп.
1 пуд 20 фунтов мяса по цене 3 руб. за пуд — 4 р. 50 коп.
10 фунтов масла коровьего — 2 руб. 50 коп.
10 фунтов соли — 25 коп.
А всего в месяц причитается 17 руб. 12 коп.».

Только не сравнивайте, пожалуйста, цены. В те времвна корова в Вилюйске, говорят, стоила около пяти рублей. Гораздо интервсней сравнить нормы питвния государственного преступника со справкой, которую любезно предоставил нам Сунтарский сельсоввт.

«Список продовольственных товаров, отпускаемых на 1 члена семьи на один месяц.

1. Масло — 0,5 кг.
2. Мясо — 1,0 кг.
3. Сахар — 1,0 кг.
4. Чай — 5 пачек на одну семью».

Имвйте в виду, что 1 фунт равен 400 граммам, а пуд — 16 килограммам.

Владимир ЛЕБЕДЕВ

Из обращения жителей села Сунтар в Госкомитвт охраны природы СССР:

«Как сообщает республиканская СЭС в своей справке от 9.IX.88 г., в производстввнном процессе по добычв алмазов используется даже смвртельно опасная для человека жидкость Клерчи (соли таллия)... В той же справке говорится о массовой гибели рыбы. Можно не сомневаться, что есть связь между рожденивм больных детей, детей-уродов и появлвнием чудовищно видоизмененных рыб.

На состав воды также отрицательно влияет лвсной массив, затопленный при строительствв Вилюйской ГЭС. Теперь мы обеспокоены еще и твм, что в обстановке тайны проектируется строительство вще одной ГЭС».

Особо стоит упомянуть бурную двятельность бесчисленных гвологоразведочных экспедиций различных министерств, украшающих дввственные пейзажи Якутии брошвнными буровыми, выгоревшими площадями тайги, «дикими» дорогвми, проложенными как будто назло природе...

Современное строительство в этом районе Якутии ведется тоже доствточно оригинально. Перед вами ванная комната санвтория, построенного нвмногим болве года тому назад под Мирным. Посмотрите внимательно на снимок: тот таз, что притулился под ванной, в данном случае заменяет канализацию.

«Нв счвсть алмазов...» — помнится, пел индийский гость в опере «Садко». Тепврь алмазы считают, и очвнь аккуратно. Но, похоже, при этом блеск якутских алмазов часто нв дает рассмотрвть те непростые проблемы, которые множатся в автономной республикв, по площади чуть-чуть уступающвй Индии.

РОДИНА 2/90

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР

Выходит с января 1989 г.

Редакция благодарит газеты «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Коммерсант», «Атмода», «Московский комсомолец», журнал «Новое время», телепередачи ТСН, «Взгляд», «Пятое колесо», «На службе Отечеству», телеканал «Россия», радиостанцию «Юность», народных депутатов СССР С. Аверинцева, Ю. Афанасьева, В. Быкова, Р. Отсасона, О. Сулейменова, Г. Старовойтову, А. Ярошинскую, М. Полторанина, А. Крайко, Е. Гаер, С. Станкевича, ученых Е. Анисимова, Г. Злоказова, Ю. Кораблева, А. Литвина, А. Ненарокова, В. Поликарпова, А. Разгона, З. Серебрякову, С. Шмидт, А. Гулыгу, Н. Басовскую, Н. Пирумову, В. Чаликову, П. Волобуева, М. Чудакову, Ю. Сисиченко, писателя Г. Рябова и многих-многих других, поддержавших журнал в трудные дни. Еще раз приносим извинения за несвоевременный выход номеров «Родины», случившийся не по вине редакции.

Главный редактор
Ю. А. СОВЦОВ

Редакционная коллегия:
А. К. АВЕЛИЧЕВ
С. С. АВЕРИНЦЕВ
О. И. БОРИСОВ
В. В. БЫКОВ
П. В. ВОЛОБУЕВ
В. П. ДОЛМАТОВ (заместитель главного редактора)
Т. А. КРАВЧЕНКО (редактор отдела истории)
Б. А. МОЖАЕВ
В. А. ПАНКОВ (ответственный секретарь)
В. М. ПЕСКОВ
Н. Я. ПЕТРАКОВ
Г. Л. СМИРНОВ
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник)
С. А. ЯКОВЛЕВ (редактор отдела публицистики)

Номер оформили:
В. С. Арутюнов
Г. С. Терзибашьянц
при участии
Е. К. Соковой
и С. А. Артемьева

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва.
Издательство «Советская Россия»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В нашей постоянной рубрике гости журнала высказывают свое мнение (которое редакция может не разделять) о роли Советов в жизни страны и народа.

10
Николай ДАНИЛЮК,
член Верховного Совета СССР:
«ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ СОВЕТОВ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО».

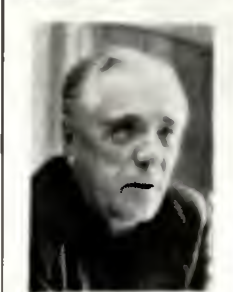
24
Николай ПИВОВАРОВ,
председатель Комитета Верховного Совета СССР:
«...СЕГОДНЯ ВСЕ МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ СОСТАВЛЯЮТ МЕНЕЕ 15 ПРОЦЕНТОВ ОТ ОБЪЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА».

63
Илья ЗАСЛАВСКИЙ,
народный депутат СССР:
«...ЛЮБОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В ЭКОНОМИКЕ ПРИВОДИТ К ОГРАНИЧЕНИЮ ДЕМОКРАТИИ В ПОЛИТИКЕ. И НАОБОРОТ».

75
Михаил ПОПОВ,
доктор философских наук:
«ТОЛЬКО ПРИ ВЫБОРАХ ПО ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ОКРУГАМ СОВЕТЫ МОГУТ СОЗДАВАТЬСЯ СНИЗУ...»

84
Виктор АСТАФЬЕВ,
писатель:
«КРЕПКО ПОДОРВАНЫ СИЛЫ НАРОДА, НЕ ВИЖУ Я СКОРОГО ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА, НЕ ВИЖУ ВОЗРОЖДЕННОЙ СТРАНЫ И РОССИИ».

СТАРОЕ

25
В ОКТЯБРЬСКИЙ ПРАЗДНИК 1975 ГОДА из парадного строя в Рижском заливе самовольно вышел большой противолодочный корабль и ушел в открытое море... О бунте на корабля рассказывает Николай Черкашин в очерке «Честь офицера».

31
ВОПРОС О СОЗДАНИИ или, может быть, о воссоздании Российской Академии наук сегодня, в конце XX века, вновь на повестке дня. И поэтому мы хотим напомнить читателям историю рождения этого крупнейшего научного учреждения в России XVIII века.

49
РАЗГОВОР С АНТИСЕМИТОМ ведут на страницах журнала Леонид Гозман и Александр Эткинд.

71
ИМЯ Л. М. КАГАНОВИЧА — одного из ближайших подручных Сталина — известно очень широко, чего не скажешь о последних штрихах его биографии. О работе «железного Лазаря» на посту управляющего трестом «Союзасбест» на Урале рассказывает Сергей Парфенов.

НОВОЕ

11
«БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ — один из страшных феноменов XX века»,— говорит в интервью журналу «Родина» член Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка профессор Александр Яковлев.

15
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК Александр Ципко в своей статье «Нужен ли еще один эксперимент?» дает ответы своим оппонентам, отстаивающим непоколебимость постулатов марксизма.

59
УТВЕРЖДАЮТ, что первый кришнаит — последователь мистического учения Бхакти Веданта Свами Прабхупады появился в нашей стране в 1971 году. Сегодня это учение имеет многочисленных поклонников не только за рубежом...

64
ЖУРНАЛИСТ Валерий Каджая беседует с послом США в СССР Джеком Мэтлоком.

ВЕЧНОЕ

22
В «КРАСНУЮ КНИГУ РЕМЕСЕЛ», открытую для записи редких искусств и рукоделий, вы можете внести и свою лепту, как это делает Владимир Панков в зарисовке «Гончар».

38
«ИЗЛУЧИНА». Так названы отрывки из дневника Евгения Маслова, работавшего председателем колхоза в начале 50-х годов.

43
В ТРАДИЦИОННОЙ РУБРИКЕ «РАКУРС» представлены фотоработы С. М. Прокудина-Горского, одного из родоначальников цветной фотографии в России.

85
«ЧЕСТЬ РОССИИ и совесть русского народа обязывает нас не мешать латышскому народу самому и только самому устраивать судьбу своей земли»,— говорит Александр Казаков из Риги в статье «Национальное самосознание: искания и соблазны».

СОДЕРЖАНИЕ

В одном из ближайших номеров читайте фрагменты книги воспоминаний А. Л. Толстой «Первые шаги в Америке».

Россия сделала выбор

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Середина срока моей командировки в Кемерово пришлась как раз на день выборов — 4 марта. И вот, выждав в своем гостиничном номере паузу, пока день набрал разбег, сделал я вылазку в центр города — не происходит ли там чего интересного. Ничего примечательного. Как обычно, люди выглядывали на полках магазинов хорошие, но еще не произведенные товары, другие хотели пива и маялись в очереди у входа в пивной зал, парочки искали своего удовольствия у афиш кинотеатров. Многих из этих граждан в эти же самые часы, наверное, ждали в другом месте. На избирательном участке в здании школы, куда я тоже наведался по пути, никаких очередей около урны для голосования я не приметил. Здесь было тихо, как в библиотеке. Один из членов комиссии бросился ко мне со всех ног: не есть ли я тот новый сознательный избиратель эпохи перестройки, которого здесь ждали с утра, но ошибся...

Человек талантливый и одаренный в обыденной жизни нередко выглядит скучным субъектом. Подобно этому, общественный прогресс тоже не всегда внешне похож на развлекательное шоу. Люди старшего поколения могут вспомнить, как в застойные годы они двигались к избирательным пунктам семьями и группами. Их встречала музыка; работали буфеты, где продавались бутерброды с икрой и красной рыбой; им с радостью протягивали для приветствия руку соседи, сослуживцы, знакомые. И, будто следуя знатоку народной жизни Н. Некрасову, который писал, что-де «все вином кончается», всенародный праздник завершался семейным обедом с закусками и песнями, которые лились из окон, славя старину или быль.

Не стоит делать вид, будто все без исключения люди настолько привыкли к порядку вещей, что не замечали или не хотели замечать подмены: власть аппарата и его структур воспроизводила себя хоть и при участии народа, но и при полной дистрофии, обезличивании воли граждан. Примат государства над интересами личности. Многие избиратели выполняли свой долг, не очень-то при этом интересуясь, а кого они, собственно, продвигают к власти. Аппарат, имея в кармане победу на выборах, всегда хотел обязательно иметь победу убедительную — самый высокий в мире процент «политической активности масс». Средств для этого не жалели. Урны для голосования доставлялись на дом даже к постели немощных и стариков...

И вот новая данность. Совсем другие по характеру и содержанию выборы в республиканские и местные Советы состоялись 4 марта 1990 года: во многих случаях волеизлияние народа проходило без помпы, без сопутствующей этой процедуре атмосферы всеобщей приподнятости, буднично и даже аскетично. На такие свободные, демократичные, альтернативные выборы, считалось, даже неприлично кого-то на аркане тянуть. Демократия сдавала экзамен: сколько баллов поставить? Выяснилось: в РСФСР проголосовало 77,0 процента избирателей, а в целом по трем республикам — России, Украине, Белоруссии — выборы проигнорировала примерно четверть населения. Повторное голосование, проведенное 18 марта, выявило еще более скромную предрасположенность части граждан перестраивать старые порядки. В Москве, допустим, на сей раз о своем гражданском долге вспомнило лишь около 60 процентов избирателей.

Ныне, когда республиканские парламенты и местные Советы в основном набрали депутатские кворумы и главные треволнения позади, можно и поразмыслить: приобрели мы уже ту избирательную систему, о которой пеклись с первых лет перестройки, или имеем пока ее сырой вариант? Критикуют избирательный закон — он еще несовершенен. Правильно. Отмечают недостаточную информированность населения: в РСФСР на 1068 мандатов народных депутатов республики претендовало почти шесть с половиной тысяч кандидатов — не каждый из них в достаточной мере «получил свою прессу», так, чтобы его платформу знали стар и мал. Тоже не возразишь. Но, возможно, в дополнение к этому существует еще одна правда, и она состоит в том, что уровень политизации населения, о котором твердит каждодневно пресса, мы попросту переоценили?!

— «Диванная политизация»,— говорит народный депутат СССР из Кузбасса Т. Авалиани. Он имеет в виду, что если человек даже до трех ночи наблюдает по телевизору за ходом дебатов в парламенте страны, это еще не означает, что завтра тот же самый человек придет на митинг и станет требовать полновластия Советов или подставит свое плечо перестройке в какой-либо иной форме. Первый секретарь Ленинградского горкома и обкома КПСС Б. Гидаспов рассказывал мне, что на его депутатские приемы люди приходят обычно со своими бытовыми нуждами. В ходе коллективных встреч и собраний граждане крайне редко интересуются законами, в том числе о собственности, о земле, что еще недавно так бурно обсуждались в Верховном Совете страны. Люди есть люди. Многие из них, очевидно, потянутся к сознательной политике не раньше, чем убедятся: общественные реформы меняют и экономический базис общества. Но в закромах пока пусто. Если в придачу к избирательному бюллетеню давали бы еще талоны на сахар или цветной телевизор, результаты голосования были бы совсем иными — приходится пока считаться и с таким уровнем политизации граждан, иначе нельзя.

Через пару дней после памятных выборов 4 марта я сидел в кабинете председателя Кемеровского облисполкома А. Лютенко. Анатолий Федорович рассуждал о монополии ведомств, которые обескровили регион настолько, что по иным показателям жизненного уровня населения Кузбасс оказался на десятом, двадцатом, тридцатом месте в стране. Лютенко — руководитель, как говорят, без большого процента износа, ему пятидесяти нет, в здравомыслии ему не откажешь. А ведь на выборах в областной Совет — «пораженец», увы, скоро придется освобождать ему кабинет, где за два года сложной работы в роли хозяина области он, по сути, только-только успел освоиться.

Можно ли вывести из первых итогов альтернативных выборов уже какие-то тенденции и законы, годные для всей территории страны? Утверждают, скажем, что люди, мол, однозначно отказывали в своем доверии избирателей представителям консервативного аппарата. Только как же тогда, если сказанное принять за правило, быть с данными по Башкирии: здесь стали народными депутатами 53 первых и 5 вторых секретарей райкомов и горкомов КПСС, 27 председателей и четыре зампреда райгорисполкомов?

Однозначная формула расклада симпатий избирателей в пользу тех-то и тех-то кандидатов пока не вырисовывается. Многое еще неясно. Когда люди «ставили» на известные им фамилии личностей и лидеров — Н. Травкин, Б. Ельцин, Ю. Прокофьев и т. д.,— они чувствовали себя довольно уверенно. А вот «аукцион» платформ и программ — тут закружится голова. Чем, скажем, блок «Демократическая Россия» лучше блока «Общественно-патриотических движений России», кто из представителей этих течений действительно готов отстаивать на практике коренные интересы россиян и других народностей республики?

После того как на III Съезде народных депутатов СССР приняты изменения и дополнения статей 6 и 7 Конституции СССР, мы вплотную подвинулись к многопартийной системе. Каркас ее в той или иной мере в обществе сложился. Состоявшиеся выборы уже во многом шли по схеме, определяющейся поляризацией политических сил. Не обошлось и без «политической грязи»: когда шла явная или скрытая война сторон, оппоненты «мазали» друг друга, возвышая себя, унижали своих противников. Все позади?

В Советы избраны не только «традиционные депутаты» от КПСС, хозяйственники, ученые, профсоюзные деятели, но и представители «Руха» на Украине, «Демократической России» и межрегиональной депутатской группы в РСФСР, лица духовного звания, а кое-где даже сподвижники течений, которые прежде именовались не иначе как экстремистскими. В Советах теперь предполагаются фракции. Станут ли благодаря притоку свежих сил органы власти более дееспособными?

Это и предстоит оценить по истечении времени гражданам, которые в дни 4 и 18 марта именовались избирателями. Думаю, участие миллионов людей в голосовании в этом году подвинуло всех нас к одной необычной черте. Прежде, в условиях однопартийной системы, все населенив страны было как бы единодушно. Отдав голоса различным течениям и блокам, многие люди теперь, по сути, и согласились с политическим расслоением общества. Куда пойдет этот процесс дальше?

Слышал я мнение специалистов: после принятия Закона о партиях и общественных организациях в стране немедленно начнется регистрация новых партий. Но все равно самой многочисленной и сильной останется КПСС, ибо таков менталитет наших граждан. Многие из них мечтают жить экономически лучше, но интуитивно отвергают в политике бездуховность и раболепное подражание Западу. Они за рыночную экономику, но не потерпят эксплуатации над собой в жестких капиталистических формах. Они за народовластие, которое принесет общественную стабильность, но без тех нравственных потерь, когда из тела вытекает святой дух.

Общественная потребность в подлинном народовластии отражена и в выступлениях пяти наших авторов, которые «Родина» публикует в этом номере под своей традиционной рубрикой «Точка зрения». Готовились материалы еще до выборов, поэтому читатель имеет возможность оценить, насколько медленно-быстро течет в обществе время реальных перемен. Многое, кажется, подготовлено для того, чтобы страна сделала рывок вперед. С избранием М. С. Горбачева первым Президентом СССР и разделением законодательной, исполнительной и судебной властей мы ближе придвинулись к модели правового государства. Вот-вот Верховный Совет страны примет Закон о местном самоуправлении, а это вручение верительной грамоты тому, кто и должен стать хозяином страны,— Советам. И как же не хочется слышать мрачные прогнозы: дескать, качественный, работоспособный состав депутатов в Советах мы получим лишь в следующий раз. Неужели теперь — власть дилетантов? Это, пожалуй, не лучше диктатуры консерваторов. Поэтому хотелось бы надеяться на лучшее.

Юрий МАКАРЦЕВ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПОЧЕМУ СОВЕТЫ БЕЗ АВТОРИТЕТА?

Николай ДАНИЛЮК, член Верховного Совета СССР

В ноябре, в дни работы сессии Верховного Совета СССР, первый заместитель Председателя Совмина СССР Л. А. Воронин встретился с группой председателей сельских поселковых Советов. Я тоже присутствовал на беседе. Невозможно было без сожаления слушать выступавших. Кто есть сегодня руководитель низового органа местной власти? Лицо, формально наделенное высокими полномочиями, а на самом деле зависимое от кого только угодно. Председатель поссовета принимает людей нередко в ветхом, неприспособленном помещении, а то и в пристройке к животноводческой ферме...

Послушал-послушал Л. А. Воронин и признался: не приходилось ему прежде сталкиваться с жизнью низовых звеньев местных Советов. Не предполагал, что все так плохо. Он ли один?

Трагедия в том, что мы никогда не проявляли заботы об укреплении Советской власти на местах, и в итоге дожили до такой жизни, что Советы оказались противопоставленными народу. Как это выглядит на практике? Ныне, например, закон гарантирует целой категории трудящихся права на первоочередное получение жилья. Имея на руках закон или постановление о таковых гарантиях, люди с надеждой приходят на прием в исполком. А мы, представьте, даже приблизительно не можем назвать сроки, когда будет реализовано право гражданина на преимущественное получение жилья.

Зачем же плодить законы, которые не стыкуются с другими законодательными актами и только вводят людей в заблуждение? Мы приняли решение о сокращении рядов Вооруженных Сил и, чтобы не оставить семьи прапорщиков и офицеров без крыши над головой, записали в плане и бюджете на 1990 год: разрешить местным Советам изымать для удовлетворения нужд уволенных в запас семей военнослужащих до пяти процентов построенного жилья, независимо от ведомственной принадлежности и источников финансирования. Красиво — на бумаге! А на деле ни один коллектив не отдаст «свои кровные» пять процентов...

Я говорил об этом, выступая в Верховном Совете СССР и в Совмине РСФСР, предлагал задержать не год-полтора сокращение военнослужащих из строительных войск — они бы и возвели жилье. Нельзя. Мол, принятых мер достаточно. Вот и судите: власть, которая вместо реальной квартиры может показать человеку только список, где он стоит в очереди! Власть, не способная проводить в жизнь законы,— такая власть в глазах людей авторитета иметь не может.

Даже на уровне краевого Совета — в должности председателя Хабаровского крайисполкома я работаю без малого четыре года — мы не в состоянии проводить политику в интересах дальневосточных жителей и коренного населения. Нами «повелевают» все, кому не лень. В 1989 году выловлено 8 тыс. тонн красной рыбы, но себе было разрешено оставить всего лишь 150 тонн продукции. Без нашего согласия план лесозаготовок на 1990 год установлен на 14 процентов выше уровня предыдущего года. Никто даже не поинтересовался, выполним ли такой план, вписывается ли он в наши проекты хозрасчета и самофинансирования территории,— к этому мы серьезно готовимся. Территория жила и продолжает жить под диктовку центра. Москва не спрашивала нас, разворачивая на территории края деятельность совместных советско-корейского и советско-кубинского лесозаготовительных предприятий. А не так давно краю было предложено передать целых пять действующих леспромхозов братской Киргизии и другим республикам. В результате борьбы «сошлись» на двух...

Из Москвы виднее? Сомневаюсь. Когда наши леспромхозы отдают другой республике под предлогом, что, дескать, своих трудовых ресурсов у нас не хватает, это, думается, еще одно напоминание о том, что Советы на своих территориях никогда не были полновластными хозяевами. Не были и не могли создать нормальных условий для жизни и работы людей. А раз так, Хабаровскому краю постоянно предлагались и навязывались со стороны чьи-то «трудовые услуги». Лагеря заключенных, поселенцы, выселенцы, спецконтингент, стройбат, оргнабор... И каждый вносил свою лепту в хищническую эксплуатацию природных ресурсов.

Разве мог быть хозяином временщик? Пора наводить порядок! — требуют от Советов возмущенные граждане. Но Советы, как известно, сами нуждаются в такой коренной перестройке, которая бы фактически наделила их экономической, финансовой и исполнительной властью. Путь к возрождению Советов лежит через законотворчество. В печати опубликован проект «Закона об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства СССР» — плод коллективного труда народных депутатов и специалистов, в числе которых был и я, возглавлявший в Верховном Совете рабочую группу по выработке законопроекта. Буквально выстрадали мы этот документ. Но почему же мало радости на душе?

Меня беспокоит: в смогут ли принести пользу новые законы в условиях нынешней политической и экономической дестабилизации страны? Некоторые республики торопятся создавать законодательные акты, которые заведомо противоречат новой законодательной практике Верховного Совета СССР. Вслед за республиками подают голоса и автономные образования: и мы-де хотим кусок своего пирога! Так можно доделиться до того, что мы развалим Федерацию и Союз ССР. Никто не выиграет в этом случае, кроме разве что тех сил, которые сегодня стараются заполучить власть в свои руки. «Русские — оккупанты» — обидно мне, украинцу по национальности, слышать подобные экстремистские лозунги, лишенные под собой какой-либо справедливой почвы.

Россия, сама раздеваясь до последнего, живя впроголодь, всегда приходила на помощь народам, партнерам по Федерации. И в смысле бюджета Россия постоянно находилась далеко не в лучших условиях. И если сегодня все чаще и чаще раздаются голоса в защиту России, укрепления истинной власти Советов, ее экономики и самостоятельности, то это та объективная реальность, которая возникла на фоне издержек в межнациональных отношениях.

БРЕМЯ СВОБОДЫ

Готовы ли мы принять его на свои плечи? Об этом в беседе с нашим корреспондентом Еленой Скворцовой размышляет народный депутат СССР, член Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка профессор Александр ЯКОВЛЕВ.

Е. С. Пожалуй, нет ничего «въедливей», чем чувство собственной униженности. Оно сгибает человека, не дает ему свободно дышать... Это чувство уже ничем не вытравишь. Оно в крови. Помните библейскую историю о том, как Моисей сорок лет вел свой народ к земле обетованной? Смертельно уставшие люди спрашивали: почему они так долго скитаются по пустыне? Моисей ждал, пока умрут все, познавшие рабство.

Условно понятие «жизнь поколения» укладывается в рамки 25 лет. Следовательно, минимум четыре поколения наших людей жили, воспитывались, рождались и умирали под знаком Насилия, Унижения и Власти Догмы. Нужна ли такой личности свобода?

А. Я. Есть такое выражение — бремя свободы. Это очень точное выражение. Если ты отдал бремя свободы вождю, обществу, родителям... ты живешь скучно, но спокойно. За тебя думают, за тебя рискуют. Становится плохо, ты обвиняешь кого-то другого, никогда — себя. Мы привыкли — немножко тепло, немножко уютненько, с голоду, вроде, не пухнем... И главное — бремени свободы нет.

А общество имеет надежду на развитие только в той мере, в которой массы индивидуумов **готовы** стать внутренне свободными.

Е. С. Значит, мы можем столкнуться с тем, что люди не захотят свободы, спасаясь от ответственности?

А. Я. Есть такая опасность. Бегство от свободы — один из самых страшных феноменов XX века. Когда люди обретают свободу, но не готовы к ней или не способны ее сохранить, когда свобода не несет им немедленного благополучия,— тогда может возникнуть соблазн стряхнуть с себя бремя свободы и возложить его на того, кто даст хлеб. Эта трагическая ситуация уже не раз и не два проигрывалась в истории человечества.

Е. С. Люди многое сносили безропотно, пока в магазинах хоть что-то было. Теперь — почти голые прилавки. Талоны, норм которых не хватает. И люди ропщут.

Попробуйте **их** убедить еще лет на десять «затянуть» пояса. С **ними** попробуйте поделиться радостью о пробуждении гражданского общества, об успехах гласности и демократии. Им сейчас не до этого. Они жаждут нормальных условий жизни и полноценного обеспечения продуктами. И они это вполне заслужили, поскольку всю жизнь работали, терпели, урезали себя во всем, твердо зная — так нужно стране и обществу. И у меня язык не поворачивается осуждать этих людей за нежелание взять на свои плечи еще и бремя свободы.

А. Я. Действительно, если запоздают экономические реформы, бремя свободы может оказаться слишком тяжким для тех, кто получит много свободы и мало еды. Но я уверен, толковому хуторянину и толковому директору совхоза, толковому ремесленнику и толковому председателю кооператива, толковому руководителю предприятия и толковым рабочим — им всем нужна в первую очередь экономическая свобода. Только степени свободы, которая им нужна, разные.

Е. С. Следовательно, народ готов взять свободу. Государство желает ее дать людям. Почему же тогда эти тянущиеся друг к другу руки никак не встретятся? Кто посередине?

А. Я. Дело заключается в том, что понятие «правительство» (или «они») и понятие «народ» («мы») неоднородны.

Кто такие «мы»? В результате обретенной экономической свободы в обществе неизбежно должны будут выделиться те, кто сразу же сможет продуктивно использовать полученную свободу, и те, кто будет вынужден искать себя в других областях. Выделятся и такие, кто окажется не способен на созидательное усилие, но готов хватать за руки всех, кто хоть немного выбился вперед. Яркий пример этому — атака профсоюзов на кооператоров. «Просмотревшие» общесоюзное забастовочное движение рабочих, профсоюзы пытались заработать дешевый авторитет, апеллируя к той худшей части нашего «мы», которая сама готова умирать с голоду, лишь бы сосед не стал жить сытно и привольно.

Кто такие «они»? Это и те люди наверху, которым вовсе не нужна свобода. Они прекрасно жили и были отлично устроены при прежней системе, да и сейчас живут относительно неплохо. Они делают все возможное, чтобы как можно меньше происходило реальных преобразований. К примеру, в статье 17 проекта Закона о земле от 1 сентября 1989 года, который был роздан депутатам, сказано, что давать землю арендаторам можно либо из имеющихся земель государственного запаса, либо по постановлению местного Совета. В опубликованном 6 декабря 1989 года проекте «Основ законодательства о земле» уже вообще ничего не сказано о создании фонда для выделения их крестьянским хозяйствам и сельскохозяйственным кооперативам. Откуда

же получат они землю? Чью? Я уверен, что те, кто не хочет настоящего освобождения крестьян, совершенно сознательно обошли этот вопрос.

И вот те наверху, которым не нужна и опасна реформа, и те внизу, которым тоже не нужны и опасны перемены, протягивают друг другу руки.

Я полагаю, что наша единственная надежда заключается в том, что социально активные элементы в деревне и в городе — именно они! — наконец смогут протянуть руку тем наверху, кто способен и желает им дать возможность экономического освобождения.

Е. С. Но ведь у нас была проведена (во всяком случае, официально, по прессе) реорганизация аппарата. Это должно было привести к ослаблению именно тех, кто «посередине»...

А. Я. Слово «реорганизация аппарата» означает не замену людей, а замену структур. Какие же структуры изменились? Никакие.

Существуют два вида реагирования на всевозможные неурядицы. Первый — путь реформ: реальная перестройка существующих отношений.

Второй путь — «крестовый поход». Трубят трубы, газеты встают на дыбы, трех — пятерых взяточников расстреливают, десятерых сажают в тюрьму... Публика довольна, грохот прекращается, все успокаивается и возвращается на круги своя. Узнаете? «Крестовые походы» прекрасно служат цели скрыть подлинную социальную структуру, предохранить ее от реальной реформы, отвлечь внимание людей и заработать дешевый пропагандистский капитал. А между тем смена лиц не означает смену структур.

Е. С. Александр Максимович, сейчас все, как заклинание, твердят: «Сделать человека экономическим субъектом...» Давно пора. Но принять закон — еще мало. Он никого не накормит, только установит некоторые нормы. А люди надеются, что в результате законодательно проведенной экономической реформы **всем** станет лучше жить. Но ведь так не бывает. Настоящее интенсивное производство — это жесткая конкуренция. Поэтому обязательно будут и те, кто проиграет, кто окажется за бортом... Настоящая свобода подразумевает, что человек имеет шанс еще и на провал, на неудачу... И если наше общество окажется не готовым к подобной дифференциации, тогда...

А. Я. Тогда мы будем уже не топтаться на месте, а медленно идти ко дну. У нас нет легкого выбора. Если мы окажемся не готовыми сознательно пойти на расслоение общества, исход может быть самым печальным... Надо освободить гражданина от тотального гнета государства, в личность — от излишней опеки общества. Если у нас не будет правового демократического государства, то гражданин и не станет субъектом права. Он по-прежнему будет объектом государственного принуждения.

Е. С. Но если человек не имеет ни прав, ни влияния в экономической жизни страны, как он может оказывать давление на жизнь политическую? У него же нет рычагов, с помощью которых он мог бы регулировать степень влияния государства на себя.

А. Я. Политические права гражданина дадут ему возможность приобрести и закрепить права экономические. Ведь в конечном итоге то, что мы сейчас демократизируем политическую структуру, должно служить еще более важной цели — экономическому освобождению гражданина, наделению его реальными правами собственника. С другой стороны, демократическая политическая структура сможет сохранить себя и оправдать свое существование только в той мере, в которой нам удастся осуществить радикальную экономическую реформу по всем направлениям.

Но раз директивный план неколебим, все разговоры об экономическом освобождении бессмысленны. Самый страшный трюк, который сейчас происходит, заключается в том, что под разговоры о новой экономической политике мы движемся в сторону военного коммунизма. Первый симптом этого — карточки. Второй — общее настроение уравниловки.

Чего мы ждем? Нам нужен второй Кронштадт для того, чтобы начать всерьез перестраивать экономику? Мы его дождемся. Не все забастовки будут такими мирными и организованными.

Нас убеждают, что нельзя сразу. Пусть, мол, сначала перейдут на реформу, пусть будут хозяевами в рамках полного бесправия, а потом, постепенно, все как-нибудь притрется... Что притрется? Как притрется? Либо человек свободен, либо нет.

Е. С. Стремление прибалтийских республик к самостоятельности — попытка реально продвинуться хоть немного вперед на пути к правовому государству. Как вы оцениваете эти шаги прибалтов, закрепленные уже Законом, принятым Верховным Советом СССР?

А. Я. Право республик на отделение — юридическое право, которое никем никогда не может быть отменено. Но вопрос состоит в том, насколько это юридическое право опирается на реальную экономическую возможность, необходимость или потребность в отделении. Если отменить существующее принудительное распределение товаров и взамен этого не обеспечить свободные рыночные отношения — наступит полный крах. Мы пока удерживаемся от этого только принудительными мерами. В прежнем географическом выражении можно продолжать существовать только в том случае, если наше единство, подразумевая юридическое право на отделение, тем не менее будет основано на всеобщем экономическом, культурном и научном интересе.

Основу союзной Конституции должны составлять **договоры** (так было и исторически) **полноправных** республик о том, что **часть** своих функций, которые они действительно не смогут осуществить в рамках федерального государства, они **разрешают** взять верховной власти.

Е. С. Недавно я вернулась из Коми АССР. В Удорском районе республики уже 20 лет работают болгары. По условиям договора они работают по нашей технологии и на нашей технике, предоставляя лишь свою рабочую силу. В масштабе всей страны это выгодный договор. Но конкретно для Коми он не является стоящим предприятием. Спрашивается: стала бы Коми АССР, будучи самостоятельной республикой, заключать подобный договор?

А. Я. Но и при региональном хозрасчете республика бы ничего не выиграла. Продавать и покупать то, что выгоднее; производить то, что купят (независимо где),— вот классическая формула торговли. Настоящий хозрасчет не может быть региональным. Вы можете себе представить, чтобы в парижском магазине отказывались что-либо продавать человеку из Лиона? Это абсурд. К сожалению, мы не до конца понимаем всю трагичность сепаратизма безрыночных отношений. Это сепаратизм феодальный, то есть возврат на пару столетий назад. А ведь у нас перед глазами пример стран Западной Европы, которые на основе Общего рынка уже почти ликвидировали государственные границы и не потеряли при этом ни грамма своей независимости, культурной автономии и национальной гордости.

Однако в условиях единой политической структуры и давления решений центра иной возможности попробовать что-либо сдвинуть в экономике, кроме регионального хозрасчета, нет.

Е. С. Раньше у народа была вера в доброго царя. Теперь появилась вера в хорошие законы — вот примут их на сессии, и жизнь у нас сразу станет замечательной...

А. Я. Закон не может ни породить новые формы бытия, ни приказать, чтобы они появились. Он может лишь дать простор для их развития.

Нашему народу досталось ужасное наследство в виде целой серии лживых законов. И вся деятельность наших так называемых представительных органов была лишь манифестацией лжи. Настоящего права у нас не было.

Е. С. Право есть мера и бытие свободы. Согласно этой концепции раннего Маркса, право — не что иное, как форма существования свободы, которая может проявить себя только в рамках права. Иначе беспредельная свобода в конечном итоге приведет к войне всех против всех и к победе самого агрессивного. Воцарится насилие. Это именно тот случай, когда обратной стороной свободы оказывается произвол.

А. Я. Право выполнит свою социально полезную функцию только в том случае, если наши законы действительно станут формой существования свободы — производителя, гражданина и т. д.— и в то же время будут... лимитировать ее. Потому что моя свобода ограничена вашей. Во всяком случае, это — единственный критерий любого ограничения.

Е. С. Действительно, это один из важнейших законов на земле и очень распространенная идея в философии: «окружность — нигде», то есть внутри своей сферы ты можешь распространяться сколько угодно, но ни в коем случае не душить чужую жизнь... Помните, сон Пьера Безухова? Ему приснился живой, не имеющий размеров, колеблющийся глобус. Поверхность его состояла из плотно сжатых между собой капель. Все они передвигались, и каждая стремилась захватить как можно большее пространство. «Вот — жизнь»,— сказал Пьеру старый учитель.

Много лет подряд мы видели наяву совсем другой вариант сна Пьера — как более сильные, облеченные властью, поглощали и затирали более слабых... И в этом контексте очень тревожно прозвучала фраза, сказанная А. И. Лукьяно-

вым в интервью телевидению по итогам первого Съезда народных депутатов СССР. Он говорил о том, что сессия и Съезд приняли замечательные законы и законопроекты, но все будет зависеть от того, как к ним отнесутся на местах, насколько добросовестно руководители будут проводить эту же политику и дальше... Но ведь именно такой подход многие годы практиковался в нашей стране и нанес немало вреда. Впрочем, и события недавнего, уже «перестроечного», времени говорят о том, что эта тенденция сохранилась. Например, только из «Аргументов и фактов» (куда пришло письмо с просьбой разъяснить, какие льготы предоставляются лицам, пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС) мы наконец твердо узнали, что такое постановление все-таки было (не слухи!), но оно носило характер «служебного», и поэтому его нельзя было ни опубликовать целиком, ни печатать выдержки. В связи со всеми вышеперечисленными причинами гражданам рекомендуется за разъяснениями обращаться в райисполкомы. Знакомая история... Что же мешает закону стать обязательным для всех?

А. Я. Вся «продукция» законотворческой деятельности последнего времени не «работает» на две трети. Отчасти это происходит из-за сознательного торможения на местах. Главным же образом из-за отсутствия четкой и последовательной позиции наверху. Если там принимаются двусмысленные, мягко выражаясь, законы — какую уверенность кому они могут дать? И в них опять ставится та же лукавая формула: мы сохраняем целиком государственную крепостную зависимость, но пытаемся в ее рамках обрести свободного работника. Это мошенничество продолжается в масштабах всей страны.

Е. С. Мне кажется, что даже раскрепощение гражданина в нашей стране будет проведено путем насилия, в принудительном порядке. Тем более что вся история нашего государства как раз и состоит из постоянно предпринимаемых принудительных мер по отношению к обществу — во благо ему. Правомерно ли нести человеку свободу через насилие?

А. Я. Насилие всегда есть в государстве. Но принудительные меры по отношению к тем, кто в силу своих совершенно четко определенных ведомственных интересов препятствует тому, что направлено на благо всего народа, оправданны. Принуждение может быть также экономическим и политическим: путем настоящих демократических выборов вывести из сферы управления тех, кто не хочет реального оздоровления общества.

Мы теперь, как я надеюсь, наконец вступаем в правовое государство. Конечно, самый верный и правильный путь — принуждение на основе **закона.** Насилие, не ограниченное законом,— мы это уже проходили (это была диктатура пролетариата, военный коммунизм, сталинизм...). Я за принятие демократических законов, а затем, если надо, за применение насилия для их осуществления.

Уверяю вас, как только закон выразит ваши подлинные экономические интересы, навязывать его вам не будет необходимости. Нужно ли заставлять крестьянина продавать хлеб по рыночным ценам? Нет, его нужно заставлять продавать только по искусственным ценам.

Е. С. Свобода, внедряемая путем насилия, по-моему, прямо соотносится с вопросом о правах человека. Как вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в области защиты прав человека в нашей стране? Считаете ли происшедшие изменения кардинальными?

А. Я. Мы пока продолжаем существовать в условиях бесправия. И решающего удара в этом отношении еще не сделано. Мы так притерпелись к казарме, что многие из нас уже потеряли способность оценивать это как казарму.

Мы до сих пор не признаем за гражданином неотъемлемых и неотчуждаемых прав. Почему мы должны **просить разрешить** нам заняться индивидуальной трудовой деятельностью? Только потому, что мое исконное право трудиться так, как я хочу и умею, у меня было отнято государством? И теперь оно в лице исполкома может мне его из милости пожаловать, а может и нет. Почему мы все просим? И даже сейчас наша забота о расширении прав гражданина часто сводится лишь к тому, чтобы как-то совершенствовалась лишь **форма рассмотрения** наших **просьб.** Или другой момент — человеку нельзя самому определить место проживания в собственной стране! Ничего более антидемократического, чем система прописки в нашей стране, не существует. Мы скоро ратифицируем Венские соглашения, в частности закон о свободном въезде и выезде из страны. И может быть, в Париж окажется поехать гораздо легче, чем в Москву или Ленинград.

На Вену мы реагируем как люди современной Европы, а внутри страны действуем как средневековые феодалы. Между тем международный правовой акт, ратифицируемый Верховным Советом СССР, должен автоматически становиться частью национального законодательства. Тогда по крайней мере мы и на международном уровне будем выглядеть как достойные члены мирового сообщества правовых государств.

Е. С. Правовое государство прежде всего предполагает **всеобщее обязательное равенство** перед законом. У нас в стране этого до сих пор нет. Обладающий большей властью по-прежнему находится в более «близких» отношениях с законом. Почему же на пятом году перестройки мы все еще не равны перед законом?

А. Я. Потому, что у нас существуют структуры, которые законом не регулируются. Я имею в виду партийное руководство. Оно руководит страной за пределами законодательства. Теперь мы вступаем в полосу многопартийности. Но суть дела от этого не меняется.

Партии должны быть. И они имеют право вырабатывать любые политические установки. Но повсюду в мире существует разделение государства и партии. И повсюду в мире существует порядок, что политическую установку можно провести в жизнь только через закон. И до тех пор, пока партийные директивы идут прямо в жизнь — а они сейчас так и идут,— мы можем забыть о правовом государстве. Ничто, принятое на любых уровнях партийного руководства, не должно осуществляться в реальности, если оно не прошло через государственно-правовую систему. Это очень простое правило, ведущее к правовому государству, и выполнения его мы можем добиваться уже сейчас.

Е. С. Но ведь те, кому выгодно такое положение дел, не отдадут своих позиций без боя...

А. Я. Конечно. Самое главное — борьба за правовое государство — еще впереди. Но против тормозящих реформы чиновников есть хорошее средство — их нужно поставить в такие условия, когда бы сопротивление законам привело к лишению официальной должностной позиции. Это возможно только в условиях подлинной демократии.

Е. С. Александр Максимович, мы сейчас открываем для себя истины, которые давно уже стали реальностью на Западе. Я имею в виду некоторые принципы человеческого общежития, систему отношений между государством и гражданином, личностью и обществом, потребителем и производителем и т. д. Есть ли у нас своя концепция правового государства или мы будем ее создавать, заимствуя западные образцы?

А. Я. Поучиться полезно, но делать-то придется не у них, а у нас. Детально разработанной концепции скорее всего у нас нет. Но традиционно возможны два способа распределения прав в обществе.

Первый заключается в том, что все права сосредоточены наверху — у монарха (тирана, диктатора...). Какую-то часть своих прав он делегирует вниз, скажем, воеводам, которые уже меньшую часть передают на места — урядникам или старостам. И совсем малость остается крестьянину. Кстати, согласно именно этой схеме, формулируются права и полномочия Союза, республик, местных Советов и, наконец, граждан.

Второй путь такой. Вся полнота прав принадлежит гражданину, и только ему. Следовательно, исходный пункт рассуждений кардинально меняется. Сувереном, то есть носителем высшей власти, объявляется народ. Это значит, что гражданин имеет право делать все, что не мешает такой же свободе других. Но чего-то он не может. К примеру, построить дорогу в городе. Тогда он говорит: «Я изберу местный орган самоуправления». Местный Совет, рассматривая то, что он уже сделал для того, чтобы люди были счастливы, говорит: «В городе я дорогу построю, а между городами — не могу. Поэтому я передаю право решать эти вопросы в масштабах района и области наверх». Но существуют такие вопросы, которые и силами области решить нельзя, и эту часть своих полномочий область передает в республику, которая, в свою очередь, говорит: «Я не могу решить вопрос обороноспособности страны и руководства всеми железными дорогами. Я передаю это наверх, в Союз». Думаю, что принципиальную разницу между этими конструкциями объяснять не надо.

Нужно просто мерить на элементарные демократические принципы, уже известные человечеству, все, что у нас сейчас происходит в стране.

Не надо бояться отсутствия стройной системы. Жизнь сама покажет значительное разнообразие структур правового государства. Я уверен, что в Прибалтике будет одна

концепция, в Средней Азии — другая, в Молдавии — какая-нибудь третья. Что будет в России? Посмотрим.

Е. С. И тем не менее я считаю, что общая концепция все-таки необходима. И в нее должно войти все то лучшее, чего добилась философская мысль России. У нас всегда были очень сильны традиции поиска духовной свободы...

А. Я. В этом, кстати, наше спасение.

Е. С. В России разрабатывалось много моделей построения демократического общества. Прекрасные мыслители специально занимались этим вопросом. Они великолепно знали особенности истории своего народа, развития экономики... Неужели нечего из этого духовного богатства вложить в концепцию правового государства?

А. Я. Нам оставлено бесценное сокровище в области духа. А мы опять по привычке пытаемся его обесценить. А ведь это должно стать духовной пищей поколения. Где говорят, к примеру, о Бердяеве? В вузе? Нет, о нем говорит «Литературная газета». А почему Бердяева нет в курсе учебных программ? Потому что мы опять ждем, когда на это сверху спустят директивы.

Правда, нельзя забывать, что между идеей свободы и реальным бытием свободы лежит очень важная промежуточная область — область социального действия. Как часто благороднейшие, свободолюбивейшие идеи на практике превращались в свою противоположность! Поэтому, восхищаясь той великой духовной силой, которой обладали лучшие русские философы, не надо забывать, что в российской социальной практике был недостаточно развит именно навык к конструктивному социальному действию. Хотя такой опыт в России все-таки был. Прежде всего это работа нашего первого парламента, Государственной думы. Потом опыт действия многопартийной системы (до революции в стране существовало около 20 политических партий). Всякие крупицы опыта в этом направлении должны быть собраны, проанализированы и использованы на благо народа и демократии.

Е. С. Говоря о раскрепощении личности, мы до сих пор рассматривали эту проблему с точки зрения экономических реформ и законодательных актов. Но человека, его душу нельзя загнать в тесные рамки законе. Право — далеко не единственный и достаточный моральный ограничитель темного начала в человеке. Нельзя делать ставку на то, что право якобы должно играть решающую роль в жизни общества. Сами же юристы утверждают, что право — всего лишь карлик на плечах у гиганта. И этим гигантом является мораль и культура данного общества. Философия, психология и практика тотального насилия, которая господствовала у нас долгое время, сильно разложила общественную мораль. Помните, как люди во время одной из телепередач в Ленинграде предлагали себя на роль палача? Конечно, они рисовались — они не знают, что такое убить человека, даже по приговору суда. Ужасно, что люди уже даже не стесняются признаться в своей готовности убить человека (пусть преступника).

Нравственность и культура общества — это третий «кит», без которого невозможно полностью освободить личность человека от всевозможных пут. Какие силы в обществе, на ваш взгляд, помогут поднять нас на прежний уровень духовности?

А. Я. Во-первых, те, кто показывал и показывает нам образцы духовной несгибаемости,— Лихачев, Сахаров, Солженицын... Везде, где мы видим призывы к милосердию, к взаимопониманию, построению,— там можно надеяться, что нравственность общества станет медленно затягивать свои раны и начнется наживание здоровой ткани. Во-вторых, всевозможные общественные объединения, которые дают толчок к возрождению культуры. Например, общество Ильи Чавчавадзе — объединение интеллигентов Грузии. Они вполне способны поднять национальную культуру на прежний уровень... И, в-третьих, конечно же, церковь. Только она способна предостеречь нас от дьявольского соблазна — а он с нами (пример Нечаева, невзирая на предупреждения Достоевского). И это может оказаться трагедией — когда молодые, вдохновленные святой идеей люди решат, что во имя борьбы со злом можно ненавидеть.

Борясь с драконом, тщательно смотри, чтобы у тебя самого не вырос хвост.

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ПРИКАЗ № 7
по 2 Амурскому кавалерийскому полку.
п. Беломестновский
7 января 1921 г. 8 часов утра.

§ 2.

Сегодня празднуется день Рождества Христова, т. е. тот день, когда родился Иисус Христос, первый давший принципы социалистического учения, за которое в настоящее время мы — сыны трудового народа, боремся, дабы провести его в жизнь для того, чтобы не было ни рабов, ни угнетателей. Хотя борьба еще не закончена, ибо есть еще рабы, еще есть и угнетатели, но, товарищи народоармейцы и комсостав полка, спешу вас поздравить с сегодняшним ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫМ днем, я вам должен сказать, что революционная искра начинает разметаться по всему земному шару, и потому надейтесь, что вся земля будет пылать в красном пламени революции, в том пламени, в каком пылает наша Россия четвертый год, и это пламя лишь уничтожит рабов, которых рождает капитал. Помня это, товарищи, и празднуя сегодня день рождения ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ, прошу вас не забывать ЕГО СВЯТОГО УЧЕНИЯ, которое, если бы проводилось в жизнь, и «нашими религиозными пастырями — попами» без всякого искажения, то социализм — наша конечная цель борьбы, уже бы здравствовал, но, к сожалению, «пастыри», исказив его, пользовались им как оружием против угнетенных для удовлетворения своих эгоистических потребностей. Так, товарищи, желаю вам проводить праздник радостно, в любви к труду, который необходим для освобождаемых нами наших же братьев от лап капитала.

Соединитесь в этот день еще дружнее в тесную братскую и нераздельную семью для окончательного освобождения угнетенного на всем земном шаре, и пусть это послужит союзом между всеми нами, возглавляющими и защищающими только СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАЗУМНОЕ — ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ УГНЕТЕННОГО.

§ 3.

7 и 8 января сего года дни объявляются неприсутственными, и поэтому работа во всех штабах и канцеляриях приостанавливается. Исполнение текущей переписки и весьма срочных бумаг возлагается на дежурных писарей или дежурных по штабу.

Основание: телефонограмма от начдива 3 № 1/11 от 6 января с. г.

§ 4.

Настоящий приказ прочесть во всех эскадронах и командах, а также во всех штабах и канцеляриях полка.

Вр.и.д. командира полка Пав. Зиминев.
Военком полка Торговников.

Публикация Валерия САВИНА.

Культ Маркса, религиозный, идолопоклоннический подход к его текстам — одно из наиболее труднопреодолимых наследий сталинизма.
Возврат нашего общества в цивилизацию сопровождается восстановлением цивилизованного, здравого отношения к Марксу как ученому, а одной из примет духовной свободы становится свобода суждений о марксизме. На эту тему высказываются самые разные, порой противоречивые мнения. Включаясь в предсъездовскую дискуссию, сегодня мы предоставляем слово исследователю, который более двадцати лет занимается историей социалистических учений, заместителю директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, доктору философских наук Александру Ципко.

НУЖЕН ЛИ ЕЩЕ ОДИН ЭКСПЕРИМЕНТ?

Александр ЦИПКО,
доктор философских наук

(ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ)

1. ХОРОШИ ЛИ НАШИ ПРИНЦИПЫ?

Чудо невозможно нигде и никогда. Никому, ни одному обществу не дано выйти из патологического состояния без духовных потерь, без рецидивов абсурда. А ведь именно он на протяжении многих десятилетий был основным ферментом нашего существования.

Противоречия перестроечного сознания кричащие. И как всегда бывало в России в критических ситуациях, когда все шатается, висит на волоске, многие представители интеллигенции оказываются на стороне тех, кто искушает разум и совесть чудом, легкими и простыми решениями, а тем самым толкает страну в пропасть.

Рядом с попытками серьезного, честного анализа сложившейся ситуации в рост идет бурьян кликушества. Все чаще спокойные и честные исследователи, не желающие лгать и заискивать перед страждущими чуда, оттесняются с поверхности политической жизни различного рода кликушами, новыми русскими популистами, пророками грозящей катастрофы, теми, кто творит катастрофы, жаждет столкновений. Под видом борьбы с либералами, с экономизмом какой уже раз в двадцатом веке (1905, 1917 годы) началась атака на истину и правду, на право свободно мыслить, называть вещи своими именами и сторониться групповых истин.

Рядом с патриотами-трудягами, которые в любые времена делали все от них зависящее, чтобы мы не жили во лжи, которые вернули, возвращают русскому народу лучшие достижения его духа, философии, литературы, исторической мысли, которые борются с мифами и догматами, покалечившими русскую душу и русское сознание, произрастают патриоты-кликуши. Они как черт ладана боятся русской мысли и русского свободного человека, хозяина своей судьбы, они без тени смущения доказывают, что патология мысли и жизнь по ложным идеалам есть судьба русских, что иначе как в догматической лжи мы жить не можем.

Время перестройки, обернувшееся взрывом духовности, мысли, самостоятельного мышления, стыдом за свое молчание, угодничество, поклонение ложным идолам, время очищения от преступлений сталинизма, многие «патриоты» клянут как духовный кризис, как эпоху духовной деградации России. Эти люди топчут ростки пробудившейся духовности, свободы духа, мысли, экономического мышления, здравого смысла, как проявление ненавистного им либерализма; тем не менее именно они больше всего говорят о возрождении духовности.

Уравнители и борцы с привилегиями, бюрократией, въехавшие на волне популизма на Съезд народных депутатов, сегодня сменяются проповедниками духовности и борцами с теневой экономикой. Но ни первые, ни вторые не хотят знать, **почему** русские люди так бедны, а наша экономика так беспомощна, **почему** не только у нас, но и во всех социалистических странах теневая экономика занимала и занимает прочные позиции, **почему** люди так обленились, **почему** никто слову не верен, **почему** русский крестьянин, который раньше пил только по праздникам, сегодня готов пить каждый день. Таких еще не сформулированных «почему?» тысячи. Но о них мало кто хочет рассуждать.

У нас много обличителей. Пруд пруди кликуш и проповедников. Но очень мало аналитиков, желающих знать правду русской истории и русской судьбы.

Плакать хочется, когда читаешь некоторые исторические очерки «Нашего современника». Но почему мы, русские, такие странные! Авторы этого журнала давно и смело пишут об ужасах коллективизации, о том, во что нам обошлась троцкистская коммунизация России, они согласны, что становление социализма в России было равносильно протаскиванию верблюда через игольное отверстие со всеми вытекающими отсюда разрушительными последствиями. Но как только эти авторы подходят к неизбежным, казалось бы, неотвратимым мировоззренческим выводам из всего, что известно о послеоктябрьской истории, они неожиданно командуют себе: «Кругом!» — и начинают говорить языком столь не любимого им Л. Д. Троцкого. Позабыв о том, что коммунистическая борьба с русской мелкой буржуазией, с так называемым «мещанским частнособственническим укладом жизни» как раз и обернулась катастрофой, русским апокалипсисом, они начинают клеймить частную собственность, стремление людей к личной выгоде, к благополучию, клеймить так называемое «мелкобуржуазное сознание», «дух торгашества» и так далее. Их борьба за духовность, как и борьба Троцкого за обновленного человека, строится не одних и тех же ложных основаниях. Духовность противопоставляется достатку, моральные стимулы — экономическим. Правда, вместо марксистских понятий «коллективизм», «социализация» они, авторы «Нашего современника», используют идею соборности. Никто из них, как и отцы марксизма, не хочет взять в толк, что коллективизм — дело добровольное, что никому не дано превратить громадную страну в секту верящих в коммунизм или в соборность. Если вы действительно желаете духовности русскому человеку, то оставьте ему свободу выбора, защитите русского хозяина, реабилитируйте купца, промышленника. Так подсказывает здравый смысл.

И совсем уж плохи дела с нашим перестроечным отношением к Марксу и марксизму. Тут абсурд на абсурде сидит и абсурдом погоняет.

Казалось бы, всем понятно, что канонизация и идеологизация марксизма, превращение его в «государственную религию» — одно из наиболее зримых и тяжких наследий сталинской эпохи. Казалось бы, вся наша внутриполитическая практика (я уже не говорю о том, что делается сегодня у соседей, в странах Восточной Европы) была сплошной полемикой с Марксом, спором с ортодоксальным марксизмом. Вместо дальнейшего движения к одной общенародной форме собственности восстанавливается традиционная многоукладность, возрождается в разных формах частное и коллективное предпринимательство. Вместо дальнейшего огосударствления аграрного сектора, превращения всего сельскохозяйственного производства в одну фабрику — шаг назад,

к добровольной кооперации, аренде, к крестьянским наделам. Вместо дальнейшего наступления на рынок — реабилитация товарно-денежных отношений, признание за ними главенствующей роли в развитии и сохранении человеческой цивилизации. Вместо дальнейшего насаждения классового подхода и классовой морали — реабилитация общечеловеческой морали, возвращение к Нагорной проповеди как фундаменту людского общежития, укрощения звериного начала в человеке. Вместо прежнего акцента на революционную борьбу, диктатуру пролетариата — признание того, что сегодня насилие не может быть повивальной бабкой истории.

Можно привести десятки примеров того, как мы, выходя из тупика, жертвуем Марксом и его принципами. И другого выбора, в сущности, у нас нет. Или догматизм, или выживание. Но тем не менее — и в этом главный парадокс нашей перестроечной идеологии и перестроечного сознания — никогда мы так часто не клялись в верности Марксу, его принципам, как сегодня. Этим занялись, как ни парадоксально, лучшие силы нашей демократической, перестроечной интеллигенции. Они пытаются вывести Маркса из страшной тени сталинских преступлений, доказать, что марксизм никакого отношения к тому, что происходило в нашей стране после Октября, не имеет, что Сталин строил социализм не по Марксу, что Маркс как воздух нужен перестройке. Марксом пугают, к Марксу обращают свои мольбы страждущие его, прибегая к авторитету Маркса, оскорбляют свой народ, свою историю.

Итак, предлагается новый социализм строить по Марксу. Но при этом никто не в состоянии объяснить, чем нам может помочь марксизм, в чем его суть, что из него надо взять. Может быть, учение о классовой борьбе, революциях, диктатуре пролетариата, сломе буржуазного государства? Или о прибавочной стоимости, о соответствии производственных отношений производительным силам? Никто сегодня не хочет выяснить социальную, политическую, гуманитарную сущность марксизма, просто все убеждены, что без Маркса мир рухнет. Думаю, что многие философы, экономисты, бросившиеся сегодня спасать научный авторитет Маркса, уже десятки лет не брали в руки его труды. Ассоциации, навеянные давним чтением трудов Маркса, очень часто вытесняют из научного обихода его подлинные слова и тексты.

Никогда, даже в застойную эпоху, не наблюдалось такого самоуничижения и самоуничтожения в марксизме, как в наше время. Примеров тому множество. Из работ последних двух лет наиболее ярко эта, на мой взгляд, ортодоксальная тенденция проявилась в статье Г. Лисичкина «Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке?» (Новый мир, 1988, № 11). В наступившем году ошеломил всех своей обескураживающей верой в правоту Маркса автор статьи «Новые вехи» С. Чернышев (Знамя, 1990, № 1). Во имя спасения авторитета Маркса он обвинил в азиатском недомыслии не только Сталина, но всех русских марксистов, включая Ленина. «**Коммунисты,**— пишет вслед за учителями этот автор,— **могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности. В этой сакральной формуле «Манифеста»**,— полагает он,— **и проклятие наше, и спасение. Слова Маркса были истолкованы не конструктивно — как определение предмета деятельности, исторического творчества... а по-азиатски — как истребление, террор, «красногвардейская атака»** (с. 156).

До сих пор в сознании большинства исходные постулаты — учение о классах и классовой борьбе — и ужасы сталинщины существуют как независимые, непересекающиеся реальности. Не только сохраняются, но и воспроизводятся все те шаблоны мышления, которые помогали «жрецам» марксизма двадцатых — начала тридцатых сохранять в неприкосновенности веру во всепобеждающий разум вечно истинного и вечно молодого учения Маркса и тем самым защищать себя от угрызений совести, от мысли о личной ответственности за то, что творилось в их страшную эпоху.

Воспроизводится старая трактовка сталинизма как отступления от правильной политики партии и уже тем более — от марксизма. Предпринимаются попытки доказать, что Сталин — досадное исключение, только он один среди всей ленинской гвардии был изначально ложным революционером. По мнению И. Клямкина, у нас нет достаточных оснований утверждать, что старая партийная гвардия погрязла в политиканстве, «забыв якобы о принципах, о «том, во имя чего»: «**Убежден: едва ли не все они были и оставались служителями и подвижниками идеи и по своему духовному и нравственному развитию принадлежали к другой, чем Сталин, категории людей. У него источник лжи находился внутри. У таких деятелей той поры, как Каменев, Бухарин или Рыков, она вырабатывалась и постоянно подпитывалась ложностью и двусмысленностью положения, в котором после окончания гражданской войны оказалась старая партийная гвардия**» (И. Клямкин. Почему трудно говорить правду. Новый мир, 1989, № 2, с. 211).

Тут какой-то иррациональный страх перед кумиром, божеством, страх, задавивший здравый смысл, лишивший людей даже элементарных представлений о реальном марксизме.

Оказывается, можно сегодня, в конце двадцатого века, имея за плечами многолетний опыт коммунистического экспериментирования на разных континентах, причитать вслед за Троцким и Каменевым, что все беды социализма — от мелкого буржуа, от плохого народа, от недостатка чистого пролетарского сознания. Разве теперь не видно, что народ, какой бы он ни был — российский, германский, чешский, китайский, польский,— здесь ни при чем? Ведь везде, во всех странах коллективная организация труда в национальном масштабе, то есть воплощенная мечта Маркса о превращении национальной экономики в одну большую фабрику, где все работают по единому плану, вела к одним и тем же плачевным результатам: к свертыванию хозяйственной инициативы и предприимчивости, к распространению безответственности, равнодушия к труду и его плодам, к формированию иждивенческого типа личности.

Напротив, личный труд в личном хозяйстве, который мы начали истреблять сразу после Октября, вопреки всему спас нас от вымирания. До сих пор 2% пахотной земли, находящейся в частном семейном землепользовании, дают нам 25% валового производства сельского хозяйства. Польский хлоп сохранил экономику страны во время кризиса 1981 года. Традиционный немецкий ремесленник помог воссоздать в ГДР нормальный человеческий быт. Наиболее жизнеспособными, открытыми к новому, удобными для жизни оказались те социалистические государства, которые не спешили с «откалыванием» старого, мелкобуржуазного прошлого, с преодолением многоукладности.

Казалось бы, ясно: мы просто не имеем права сегодня, на восьмом десятке истории реального социализма, судить о поступках Сталина, не утруждая себя критическим анализом тех принципов, которыми он руководствовался, не имеем права ограничиваться осуждением сталинщины, ее преступлений, оставляя без внимания сталинизм, то есть идейную подоплеку.

Но вопреки логике, вопреки интересам истины и правды подавляющее большинство публицистов, обличающих Сталина, не решаются или не могут соединить в своем исследовании две задачи: нравственное и политическое осуждение сталинского авантюризма с критическим преодолением мировоззрения его эпохи.

Сколько можно лукавить? Стоит ли идти на такие жертвы, кривить душой перед нашей и так оболганной историей только для того, чтобы сохранить веру в истинность марксизма, в возможность нового коммунистического наступления на старый мир, в возможность строить новую жизнь в соответствии с указаниями и предначертаниями Маркса? «**Я считаю,**— пишет Г. Водолазов,— **что учение Маркса и Ленина, творчески развиваемое применительно к сегодняшним условиям, является главным и наиболее совершенным инструментом борьбы против всех форм и разновидностей сталинизма**» (Водолазов Г. Ленин и Сталин. Октябрь, 1989, № 6, с. 29).

Не могут мои уважаемые коллеги О. Лацис, Г. Лисичкин, Г. Водолазов, А. Бутенко не понимать, что как раз слепая вера во всесилие учения Маркса и была на протяжении шестидесяти лет главным тормозом нашего экономического, политического и интеллектуального развития, что никогда не сможет стать свободным народ, передоверивший свое неотъемлемое право мыслить человеку, который умер более ста лет назад. Неужели абсолютность научного авторитета Маркса дороже, чем судьбы миллионов соотечественников, так и не научившихся думать самостоятельно?

Убей бог, не могу понять, почему даже серьезный исследователь и сегодня, в конце двадцатого века, продолжает настаивать на том, что гипотеза Маркса верна, что капитализм сам по себе порождает коммунизм, то есть отрицание частной собственности. Разве есть хоть одно свидетельство того, что развитие современного капитализма действительно ведет к отмиранию частной инициативы, конкуренции, свободного предпринимательства, а вместе с ними и всех институтов традиционного европейского общества? Неужели движение современного капитализма подтверждает веру Маркса в неизбежное саморазрушение и самоотрицание частнособственнической цивилизации?

И опыт развития капитализма, и опыт коммунистического преобразования России, а также восточноевропейских стран свидетельствуют о прямо противоположном. Никакой альтернативы традиционным институтам и ценностям гражданского общества, то есть так называемой буржуазной цивилизации, нет. Экономическая ситуация в мире, экологический, энергетический и продовольственный кризис не оставляют никаких надежд на возможность торжества коммунизма, когда, по словам Маркса, все блага жизни польются полноводным потоком.

Почему в то время, когда весь ход развития человеческой цивилизации заставляет все больше и больше людей сомневаться в возможности социализма в том виде, как его замыслили Маркс и Энгельс, сомневаться в необходимости преодоления классового общества, частной собственности, буржуазных прав и свобод личности, национального и религиозного чувств, государства, наши интеллектуалы заостряют внимание на чисто теоретических, второстепенных вопросах: как Маркс трактовал социализм, при каких условиях возможен к нему переход?

Еще можно понять меньшевиков, того же Г. Плеханова или Н. Суханова, которые в полемике с большевиками, и прежде с В. Лениным и Л. Троцким, свели все вопросы теории социалистического строительства к материальным предпосылкам социализма. Поразительно, но факт. Ни меньшевики, ни большевики, образованные люди, воспитанные на европейской критической культуре, никогда не задумывались над этим главным вопросом, не думали всерьез о возможности и целесообразности социализма, о возможности создания коммунистического общества.

Но я не могу понять своих современников, коллег, которые сознательно подменяют анализ главной проблемы современности — вопроса о возможности и целесообразности альтернативы современному гражданскому обществу, о возможности коммунизма — копанием в частностях, выяснением того, насколько Ленин или Сталин усвоили смысл учения Маркса о саморазвитии и самоотрицании капитализма.

Оторопь берет, когда вновь слышишь коммунистические напевы застойной эпохи, что, мол, как и предвидел Ленин, нам придется несколько раз начинать все сначала, и не надо судить строго о современном социализме, ибо он как формация слишком молод; надо проявить выдержку, ибо дело, начатое Октябрем, неизбежно растянется на несколько столетий. Неужели эти люди, мои уважаемые коллеги, не видят, что наши российские люди уже измучились от марксистских, коммунистических экспериментов, что и они, и их дети уже не могут ждать того счастливого момента, когда история начнет двигаться по расписанию, предначертанному Марксом?

2. ПЛОД, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ СОЗРЕЕТ

Учение Маркса никак не может помочь перестройке по той простой причине, что на основные вопросы, поставленные нашей жизнью, оно содержит в себе сразу два взаимоисключающих ответа. В текстах Маркса отыщется подкрепление для любого экономического, политического решения. Так что поступай, как хочешь. Можно пойти резко влево или, если поднапрячься, обнаружить основания и для поворота вправо.

Опираясь на тексты Маркса и Энгельса, можно даже доказать, что они были противниками классового подхода, настаивали на защите универсальных норм и ценностей буржуазного, гражданского общества. Они действительно делались поборниками общечеловеческих ценностей, универсальной нравственности в том случае, когда вели теоретическую и политическую борьбу с анархистами, пытались дискредитировать их, уличить в аморализме. В работе «Альянс и международное товарищество рабочих» Маркс и Энгельс резко критикуют «**всеразрушительных анархистов, которые хотят все привести в состояние аморфности, чтобы установить анархию в области нравственности**». Основатели научного социализма протестуют против призыва Нечаева и Бакунина разорвать «**всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 415—416).

Но надо помнить — существует другой марксизм, учивший коммунистов тому же, что и Бакунин: революционер не имеет права зврекаться от каких-либо средств в достижении цели. Наиболее характерно в этом отношении письмо Энгельса Герсону Триру от 18 декабря 1889 года: «**...для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 275).

Если вы будете опираться на «Экономические рукописи 1857—1859 гг.», то с блеском докажете, что Маркс предполагал отмирание товарно-денежных отношений на очень высоком уровне развития производительных сил, когда экономика перестает зависеть от количества простого живого труда как основного богатства общества, когда отпадет необходимость в физическом труде рабочих, в процессе расходования их мускульной энергии, сама собой отомрет необходимость в меновой стоимости как условии и механизме дисциплинирования, пришпоривания труда. Но как только живой труд теряет это свое качество, «**как только... рабочее время перестает и должно перестать,**— добавляет Маркс,— **быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости**», то «**тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости...**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 214).

Ссылаясь на эту рукопись, вы с полным основанием докажете, что Ленин, все большевики были полными, неизлечимыми «головотяпами», ибо в России 1917 года, впрочем, как и в России 1990 года, нет и не было даже намека на необходимость отмирания товарных механизмов контроля за дисциплиной и качеством труда, то есть даже намека на естественное, автоматическое отмирание частной собственности.

Дополнительным аргументом, позволяющим уличить большевиков и Сталина в головотяпстве, является также мысль Маркса о необходимости воспитания у рабочих привычки работать сверх того, что необходимо для поддержания их жизни. По его прогнозам, для зарождения этого «всеобщего трудолюбия рабочих» необходима целая цепь сменяющих друг друга поколений. У Маркса речь шла не о десятилетиях, а о веках капиталистической дрессировки рабочих (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 280).

Но если вы начнете, к примеру, руководствоваться идеями «Критики Готской программы», написанной в 1875 году, после Парижской коммуны, то с не меньшим блеском докажете прямо противоположное — Маркс допускал возможность отмены товарно-денежных отношений даже на том уровне развития производительных сил, каким обладала капиталистическая Франция в 1871 году. В этой работе он говорит об ассоциации производителей, которые обменивают простой труд, простую мускульную энергию рабочих, обменивают шесть часов работы на поле на шесть часов работы за ткацким станком (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18—19).

Еще современники Маркса увидели, что он ошибся: никогда и ни при каких условиях капитализм, сколько бы он ни развивался, не подготовит материальных и человеческих условий коммунизма. Результат был бы одним и тем же и в России 1917 года, и в Америке 1990-го, ибо и в первом, и во втором случае готовность капитализма к социалистической организации труда одинаковая, то есть нулевая.

Ни Маркс, ни Энгельс не видели мотивационных, социально-психологических условий реального капиталистического обобществления производства, не сознавали, что коммунисты во всех случаях обречены прыгать в пустой бассейн. Они призывали к насильственной пролетарской революции: «**Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 459). При этом не бралось в расчет, что она обязательно ведет не к подготовке, а к разрушению личностных предпосылок реального обобществления, к уничтожению эффективного и рационального труда, к разрыву прежней целостности и взаимосвязанности производства.

В том-то и дело, что сталинские, военно-коммунистические методы налаживания нового, коллективистского хозяйства неизбежны до тех пор, пока сохраняется марксистская утопическая вера в возможность организации такого производства, которое было бы свободно от соображений прибыли и личной выгоды. Сталинизм есть плата за экономический утопизм марксизма, за стремление отвлечься от соображений выгоды, предпринимательского интереса как главного стимула развития производства, главного условия инициативы, хозяйственной активности людей.

На примере известного Предисловия «К критике политической экономии» хорошо видно, как Маркс абсолютизирует, превращает в универсальное то, что по сути было уникальным,— переход от позднего феодализма к буржуазной демо-

кратии путем политической революции. Маркс до конца жизни так и не увидел, что метод аналогий здесь мало что дает, ибо, к примеру, с содержательной точки зрения переход от позднего феодализма к буржуазному обществу не имеет ничего общего с возможным переходом от монополистического государственного капитализма к социализму.

Капитализм действительно созревает во чреве позднего феодализма как плод, он с самого начала формируется как органическая целостность, как сложившаяся система механизмов саморазвития и саморегуляции, система экономических отношений и побудительных мотивов. Абсолютно все элементы капитализма сложились в условиях позднего феодализма. Тут действительно дело революции расчистить дорогу созревшему дитяте, обеспечить простор возникшим экономическим отношениям. В этой ситуации революционеры ничем не рискуют, ибо защищают то, что есть, что доказало свою жизнеспособность уже в недрах феодального общества. Речь в данном случае идет о развитии истории в рамках одного и того же частнособственнического качества.

Но социализм в отличие от капитализма не может сложиться как качественная целостность в недрах капиталистического общества. Капитализм не создает ни мотивов нового коллективистского способа производства, ни его субъектов, то есть людей, готовых строить новую систему экономических отношений. Вопрос о том, кто может заменить организаторов капиталистического производства, заинтересованных в прибылях, несущих материальную ответственность за свои решения, заботящихся о сохранении преемственности квалифицированного руководства, не был рассмотрен в работах классиков марксизма. Мы его так и не решили на практике за более чем семьдесят лет социалистического строительства.

В том, что капитализм не готовит самого главного, то есть человеческих мотивационных предпосылок коллективистского производства, большевики убедились только после Октября, когда забастовали петербургские печатники. Тогда-то почти одновременно Ленин, Троцкий, Бухарин пришли к выводу, что без трудовой повинности, насильственного принуждения к труду новое общество построить невозможно. «**Принуждение,**— писал, к примеру, Бухарин,— **не ограничивается рамками прежде господствовавших классов и близких к ним группировок. Оно... переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс... Широкие круги рабочего класса носят на себе печать товарно-капиталистического мира. Отсюда совершенно неизбежно *принудительная* дисциплина... Одной из главных принудительных форм нового типа, действующего в сфере самого рабочего класса, является уничтожение так называемой «свободы труда»...**» (Бухарин Н. Экономика переходного периода. Ч. I. Общая теория трансформационного процесса. Госиздат. М., 1920, с. 118).

То, что в теории носило название объективных предпосылок перехода к социализму, в жизни оказалось обломками старого производства. Как только революция подорвала право собственности, право на предпринимательскую прибыль, прежнее капиталистическое производство угасло, рассыпалось на куски. И действительно, одно дело — самодвижение научно-технического прогресса в условиях капиталистической конкуренции, другое — в условиях монопольного коллективного производства. Из текстов Маркса и Энгельса трудно выяснить, что станет движителем научно-технического прогресса в обществе, где не будет ни конкуренции, ни предпринимательской прибыли, ни личной экономической ответственности организаторов и руководителей производства за принимаемые решения.

Есть и другой вопрос, о котором среди современных сторонников марксизма рассуждать не принято. Разве не Маркс — автор теории перманентной революции, которая с таким «блеском» была применена в России в 1917 году? Именно Маркс и Энгельс призывали коммунистов «**сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 261).

Не могу понять, почему, когда речь заходит о Сталине и его марксистском происхождении, у уважаемых мною коллег как будто начисто выключается память. А ведь так много сил было потрачено нами в студенческие годы на зубрежку «Манифеста Коммунистической партии», первого тома «Капитала», «Критики Готской программы», «Гражданской войны во Франции» и других текстов! Зубрили мы почти наизусть и знаменитое письмо к Иосифу Вейдемейеру от 5 марта 1852 года, где Маркс так объяснял новизну и оригинальность своего учения о классах: во-первых, «***существование*** **классов связано лишь *с определенными историческими фазами развития производства*»**, во-вторых, «**классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*»** и, в-третьих, «**эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 427).

Думаю, нет ничего случайного в том, что никто из авторов, настаивающих, что Маркс нужен перестройке и только с его помощью мы сможем преодолеть наследие сталинизма, так и не назвал ни одной его идеи, которая помогла бы найти выход из исторического тупика.

Национализацию земли, на которой настаивали классики, мы осуществили давно, еще в 1917 году. Ее плоды достаточно хорошо известны. Земля без хозяина оказалась в роли сироты, которую каждый, кому не лень, может обидеть. Оскудение значительной части почв, и прежде всего национального богатства — чернозема, деградация крестьянства, а в итоге и горожанина, вынужденного идти на все, вплоть до преступления, лишь бы добыть хлеб насущный и палку колбасы. В той части прогноза, где идет речь о негативных последствиях нищеты, марксизм действительно подтвердился. Крайняя нужда и при социализме вызывает борьбу за необходимые предметы, и, значит, неизбежно должны воскреснуть старые мерзости.

Аграрная программа Маркса и Энгельса на самом деле была программой становления всеобщей бедности. Их идея трудовой повинности, организации трудовых армий на земле скомпрометировала себя еще во времена военного комунизма. В тезисах «Переход ко всеобщей трудовой повинности в связи с милиционной системой» Троцкий писал: «**До тех пор, пока всеобщая трудовая повинность не войдет в норму, не закрепится привычкой и не приобретет бесспорного и непреложного для всех характера (что будет достигнуто путем воспитания, социального и школьного, и найдет полное выражение лишь у нового поколения) до тех пор, в течение значительного еще периода перехода к режиму всеобщей трудовой повинности он должен неизбежно поддерживаться мерами принудительного характера, т. е. в последнем счете вооруженной силой пролетарского государства**» (Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 2, книга первая. М., 1924, с. 33). Но не Троцкий все это придумал. Именно классики марксизма в «Манифесте Коммунистической партии» провозгласили «**одинаковую обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447). Не оправдала себя и идея чередования сельскохозяйственного труда с промышленным, а тем более привлечения студентов и школьников к уборке урожая.

«**Превратите всю Германию в хозяйства по 2000—3000 моргенов,**— писал Энгельс Р. Мейеру 19 июля 1893 года,— **больше или меньше, в зависимости от природных условий,— введите машинное производство и все современные усовершенствования; разве тогда мы не будем иметь среди крестьянского населения более чем достаточно обученных рабочих? Ведь тогда земледельческой работы не хватит, чтобы занять это население в течение всего года. Большие массы людей будут продолжительное время бездельничать, если мы не займем их в промышленности. А наши промышленные рабочие тоже захиреют физически, если им не предоставить возможности работать на свежем воздухе и особенно в сельском хозяйстве. Допустим даже,**— продолжает Энгельс,— **что нынешнее взрослое поколение не годится для этого. Но молодежь-то можно этому обучить. Если несколько лет подряд в летнюю пору, когда есть работа, юноши и девушки будут отправляться в деревню,— много ли семестров придется им зубрить, чтобы получить ученую степень пахаря, косаря и т. п.? Вы же не будете утверждать, что необходимо весь свой век ничем другим не заниматься, что надо так отупеть от работы, как наши крестьяне, и только так научиться чему-нибудь путному в сельском хозяйстве?**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 88—89).

Исторический опыт показал, что человек, не связанный с землей собственностью, никогда не будет рачительным, толковым земледельцем.

Только слепой не видит, что сегодня, в самый драматический момент перестройки, именно Маркс стал главным оружием консерваторов. В идеях «Манифеста Коммунистической партии» они черпают уверенность, препятствуя возрождению индивидуальной и коллективной предприимчивости,

денационализации производства, становлению смешанной экономики. И по-своему они правы. Маркса и Энгельса с их активным неприятием так называемой «собственнической дряни», с их трактовкой социализма как «отмены буржуазной собственности» невозможно совместить или примирить с тем, что мы сейчас называем обновлением социализма, демократизацией экономики.

И наконец, внешнеполитический аспект проблемы. Настаивая на верности марксизму, мы никогда не сможем добиться того, чтобы нам доверяли, чтобы нас впустили в европейский дом, считались с нами как равноправными соседями.

Любой человек на Западе знает, что марксизм — это прежде всего учение об уничтожении частной собственности на средства производства — материальной, юридической и духовной основы западной цивилизации. Не может не считаться здравомыслящий, не утративший чувства самосохранения европейский политик — выразитель интересов буржуазного, гражданского общества — с тем, что по природе своей марксизм является экспансионистской, интернациональной доктриной, учением о перманентной пролетарской революции. Еще жив лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Кто же решится жить в одном доме, под одной крышей с соседом, не скрывающим намерений навести всюду «свой порядок», подчинить всех жильцов собственным представлениям о добре и зле? Марксистский фундаментализм, заявивший о себе в последнее время, тем и опасен, что он дает возможность обвинять нас в приверженности всем крайностям учения Маркса, в том числе его убеждению, «**что существует лишь одно средство *сократить,* упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство — революционный терроризм*»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 494).

Попытки совместить в рамках одной идеологической доктрины программу создания правового государства, возвращения к исходным политическим институтам современной цивилизации с декларациями о сохранении авангардной роли промышленного пролетариата вызывают удивление у любого мало-мальски образованного политика на Западе. Марксистская идея решающей роли промышленного пролетариата в прогрессе человеческой цивилизации с самого начала была антиподом основного принципа политической демократии — изначального духовного равенства всех людей, независимо от их сословной принадлежности.

3. БЕДНЫЙ ДЮРИНГ, КОТОРЫЙ ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ

Не так давно ортодоксы марксизма изобрели для нашего легковерного читателя новую теорию: мы, оказывается, строили социализм не по Марксу и Энгельсу, а по Дюрингу. И уравнительные идеи распределения Сталин взял в готовом виде у Дюринга (Новый мир, 1988, № 11). Но в этом не было никакой нужды. Энгельс — марксист, друг Карла Маркса — защищал уравнительное распределение с еще большей страстью, чем Дюринг. Очень советую читателю раскрыть «Анти-Дюринг» и самостоятельно прочитать раздел II о простом и сложном труде. Там обнаружится много поучительного. К примеру, такое утверждение Энгельса: попытка приписать Марксу мысль о возможной дополнительной оплате в будущем обществе за сложный труд — «**это просто бесстыдная подтасовка, подобную которой можно встретить разве только у разбойников пера**». Энгельс настаивал, что «**вопрос о более высокой *оплате сложного* труда**» вообще не имеет права на существование в рамках научного социализма. «**В обществе частных производителей,**— писал он,— **расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам и достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы: искусный раб продается по более высокой цене, искусный наемный рабочий получает более высокую заработную плату. В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т. е. бóльшие стоимости, созданные сложным трудом**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 207).

Нет никаких оснований и утверждать, что Энгельс в отличие от Дюринга был противником натурального обмена и отмены денег в будущем социалистическом обществе, что он якобы видел и понимал универсальность денег как средства элементарного общения между людьми.

Все, что приписывает Энгельсу автор статьи «Мифы и реальность», находится в явном противоречии с теоретическими убеждениями Маркса и Энгельса. Они исходили из того, что деньги, рынок, товарно-денежные отношения — такой же переходящий момент в развитии человеческой цивилизации, как и частная собственность. По этой причине Энгельс резко критиковал Дюринга за то, что тот проявил непоследовательность при решении этого вопроса: с одной стороны, запрещал денежные расчеты между коммунами, но с другой — выдавал заработную плату денежными знаками, разрешал «копить деньжонки». Именно последняя деталь вызвала возмущение Энгельса, а отнюдь не стремление Дюринга перейти к натуральному обмену.

В том-то и дело, что Энгельса и его представление о социалистической экономике никак нельзя актуализировать, приблизить к сегодняшнему экономическому и социальному мышлению. Устарела и его борьба с мировыми деньгами, и борьба с правом трудящихся делать со своим заработком все, что они хотят, и протест против обязанности родителей содержать детей. Устарело и убеждение, что подлинной целью общества является отмена всяких денежных знаков и их заменителей, что, добейся этого, оно тем самым «**...сделало бы шаг вперед в направлении к своей цели и поднялось бы на более высокую ступень развития**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 317).

Устарела и борьба за единую и неделимую общественную собственность, выступления против кооперативных, групповых форм собственности в будущем социалистическом обществе. Г. Лисичкин вводит в заблуждение читателя, уверяя, что сталинская борьба с кооперативной собственностью, с конкуренцией никак не вытекала из марксизма, что он подавлял экономическую самостоятельность предприятий, мелкое индивидуальное производство вопреки марксистской теории обобществления средств производства.

Нет более «гнусного» искажения марксизма, возмущался опять-таки Энгельс, чем подтасовка, заключающаяся в утверждении господина Дюринга, будто общая собственность оказывается у Маркса «собственностью одновременно и индивидуальной, и общественной». Маркс, настаивал Энгельс, и мысли не мог допустить, что «**публицистическое право данной хозяйственной коммуны на ее средства труда является исключительным правом собственности, по крайней мере по отношению ко всякой другой хозяйственной коммуне, а также по отношению ко всему обществу и государству**», чтобы существовали богатые и бедные хозяйственные коммуны, и их «**выравнивание**»... происходило «**путем притока населения к богатым коммунам и отлива его из бедных коммун**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 300).

Я, честно говоря, не могу понять, почему публицисты, присягнувшие на верность исходной идее статьи «Мифы и реальность», используют для отлучения Сталина от марксизма именно «Анти-Дюринг». Более неудачный ход, на мой взгляд, трудно придумать. Ведь нигде так откровенно не проглядывает социальный утопизм марксизма, как в этой работе Энгельса, нигде так явственно не обнаруживает себя отрыв марксистской экономической доктрины от жизни, от психологии человека.

И самое главное. Нигде так не обнажены доктринальные корни сталинского административного, государственного социализма, как в этой работе. Речь даже не о деталях, не о частностях, а о борьбе и Энгельса, и Сталина за всеобщее равенство, за одну общественную или государственную собственность, об одинаковом неприятии рыночных механизмов, призывах к общественному, то есть лагерному, воспитанию детей, к коллективному, коммунистическому быту.

Но хватит. Примеров единства, тождества подходов Энгельса и Сталина к тому, как организовать труд и быт в коллективистском обществе, можно подобрать десятки.

4. ПРАВДА ОБ АРХИТЕКТОРЕ «КОТЛОВАНА»

Сегодня преодолеть наивное, романтическое отношение к догмам марксизма, корысть сознательной ортодоксии намного сложнее, чем тогда, в конце двадцатых — начале тридцатых, когда Пришвин обнаружил «невменяемость» Каменева, Горького и других высших бар доктрины. Тогда еще сохранялись остатки русской культуры, русской духовности, еще велика была инерция дореволюционного здравого смысла. Вспомним, как быстро рабочий Андрей Платонов открыл то, чего не могут обнаружить некоторые нынешние профессора философии,— самую прямую причастность марксистского учения о классах и классовой борьбе к тем преступлениям, которые совершали и в период и до коллективизации руководимые Сталиным активисты. Не окончивший философский

факультет и неостепененный, Андрей Платонов не мог согласиться, что с исходными принципами у нас все в порядке.

Он понимал, что в основе сумасшествия коллективизации лежит сатанинская гордыня учителя, призвавшего ученика подчинить себе стихийное, спонтанное начало жизни, выправить каленым железом так называемую мелкобуржуазную стихию. Организованное движение и организационное строительство — это боги героев «Чевенгура» и «Котлована». Активисты гордятся тем, что после коллективизации **«у нас стихии сейчас нет ни капли»** и **«деться никому некуда»** (Платонов А. Ювенальное море. М., Современник, 1988, с. 140). Они день и ночь думают о **«плане общей жизни»**. Все их преступления, убийства, насилия над невинными людьми вызваны стремлением предотвратить **«мелкобуржуазный бунт»**. Мистификация плана и сознательного начала неизбежно порождает нигилистическое отношение к «бесплановому миру», опасную иллюзию, что **«внутри всего света тоска, а только в нас одних пятилетний план»** (с. 107). Все это увидел сразу Андрей Платонов.

Платонов видит, что классовый подход, идея экспроприации экспроприаторов плодит злобу, насилие, страх, открывает простор самым низким страстям человека, дает власть над людьми больным, патологическим типам. Пиюся, руководитель чрезвычайной комиссии, очистивший с помощью пулемета коммунистический Чевенгур от всех его мелкобуржуазных жителей, чтобы в нем никто, кроме пролетариев, не жил, это, в сущности, не человек, а калека. Он, который решал судьбу десятков тысяч, **«часто забывал думать»**, в нем нет ни ума, ни сердца, ни чувства. Необразованные, не искушенные в мысли русские люди, впустившие в свой худенький ум учение о классах и неотвратимости коммунизма, превратились в подлинных чудовищ.

Иначе как страхом, невменяемостью я не могу объяснить поразительную забывчивость моих уважаемых коллег, их неспособность видеть то, что замечал, к примеру, Андрей Платонов.

Разве можно сводить марксизм целиком к учению о саморазвитии капитала, о материальных предпосылках коммунизма? Разве Маркс не был автором учения о диктатуре пролетариата и пролетарской революции, разве ни Маркс, ни Энгельс не писали о том, что революции, насилие являются локомотивами истории? Почему нынешние, новые защитники чистоты принципов, отлучающие и Ленина, и Сталина от марксизма, умалчивают о Марксе-революционере, который всю жизнь ждал грядущего пролетарского пожара? Разве не в марксизме черпал уверенность Ленин, доказывая в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», что пролетариат России имел право навязать свою волю преобладающему непролетарскому населению? В этой связи Ленин напоминал об известной оценке Энгельсом Коммуны: **«Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»** (Ленин В. И. ПСС, т. 37, с. 249). Разве не прав Ленин, утверждающий, что Маркс никогда не был либералом?

5. ЛОЖЬ НАСИЛИЯ ИЛИ НАСИЛИЕ ЛЖИ

Устарели, не выдержали проверки временем исходные, философские основы мировоззрения Маркса, его представления о прогрессе. Никак не может помочь перестройке учение, которое связало социальный прогресс с красным петухом и утверждает, что борьбу, социальные конфликты необходимо доводить «до высшей степени своего напряжения», так как только путем «полной революции», грубого, «физического столкновения людей» можно обеспечить движение к свободе и человеческому достоинству. Вряд ли нас привлечет сегодня «социальная наука» Маркса, которая, по его словам, отрицает возможность «социальных эволюций» без «политических революций», а в качестве своего «последнего слова» раз и навсегда выдвигает знаменитый лозунг Жорж Санд: **«Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 184—185).

Еще меньше способно помочь перестройке учение Маркса и Энгельса о классовом происхождении морали. Мы не сможем сдержать надвинувшуюся на нас волну преступлений, аморализма и цинизма, убеждая вслед за Марксом и Энгельсом молодежь в том, что голос совести и учение о вечных законах морали — это выдумка буржуазии. Сегодня, чтобы спасти себя, мы должны поступить вопреки Марксу, сделать старые, вечные законы морали основой своего нового общественного развития. Надо не соглашаться, а спорить с Энгельсом, посягнувшим на моральную догматику, на внутренний нравственный закон человека. Необходимо возражать классикам, которые призывали упразднить и буржуазную личность, и буржуазную самостоятельность, и буржуазные свободы. В конце концов не следует забывать, что учение, которому мы поклонялись семьдесят лет, создали талантливые, но очень молодые по своему духовному развитию люди, лишенные и в силу возраста, и в силу особенностей характера очень многого из того, в чем нуждается наша эпоха. В их честолюбивых душах не было естественного человеческого страха перед преступлением, они не думали о грехе, раскаянии, да и не очень любили и уважали людей, которым стремились помочь: **«У нас есть *теперь, наконец, опять*,— в первый раз за долгое время, возможность показать, что мы не нуждаемся ни в какой популярности... Отныне мы ответственны *только за самих себя*, а когда наступает момент и эти господа будут в нас нуждаться, мы сможем диктовать им свои собственные условия... Впрочем, по существу мы не можем даже слишком жаловаться, что эти маленькие великие мужи нас боятся; разве мы в продолжение стольких лет не делали вид, будто всякий сброд — это наша партия, между тем как у нас не было никакой партии, и люди, которых мы, по крайней мере официально, считали принадлежащими к нашей партии, сохраняя за собой право называть их между нами неисправимыми болванами, не понимали даже элементарных начал наших теорий? ...Какое значение имеет «партия», то есть банда ослов, слепо верящих нам, потому что они нас считают равными себе, для нас, плюющих на популярность, для нас, перестающих узнавать себя, когда мы начинаем становиться популярными? Воистину мы ничего не потеряем от того, что нас перестанут считать «истинным и адекватным выражением» тех жалких глупцов, с которыми нас свели вместе последние годы»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 177).

Глубокий анализ отношения Маркса к личности дал философ С. Н. Булгаков. Он писал: **«Демократический диктатор»,— так определяет Маркса Анненков (в известных своих воспоминаниях). И это кажется нам правильно выражающим общее впечатление от Маркса, от этого нетерпеливого и властного самоутверждения, которым проникнуто все, в чем отпечатлелась его личность. Характерной особенностью натур диктаторского типа является их прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности, люди превращаются для них как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных целей, или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного воздействия. В области теории черта эта выразится в недостатке внимания к конкретной, живой человеческой личности, иначе говоря, в игнорировании проблемы индивидуальности. Это теоретическое игнорирование личности, устранение проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории необыкновенно характерно и для Маркса. Для него проблема индивидуальности, абсолютно неразложимого ядра человеческой личности, интегрального ее естества не существует. Маркс растворил индивидуальность в социологии до конца, т. е. не только то, что в ней, действительно, растворимо, но и то, что совершенно нерастворимо... Маркс остается мало доступен религиозной проблеме, его не беспокоит судьба индивидуальности, он весь поглощен тем, что является общим для всех индивидуальностей...»** (Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип. С.-Петербург, 1907, с. 11—15).

В работах и письмах Маркса и Энгельса отчетливо проглядывают интонации революционного максимализма, характерные для эпохи классовых битв, первых выступлений пролетариата. Мысль о том, что не надо бояться жертв, служащих делу прогресса, любой ценой необходимо сохранять революционный дух пролетарских масс, очень характерна для Маркса. Он, к примеру, ставил в заслугу парижским коммунарам то, что они не сдались без борьбы. **«Деморализация рабочего класса,— утверждал он,— в последнем случае была бы гораздо бо́льшим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175).

Нельзя забывать, что классики научного социализма в понимании сущности религии и ее места в духовной жизни человека, общества стояли на позициях просветителей, французских материалистов XVIII века. Они так и не сумели преодолеть ограниченные рамки вульгарного атеизма, социологизма. Маркс и Энгельс до конца жизни были убеждены, что религия и религиозная философия — это всего лишь «дурман», «вздох угнетенной твари», одно из порождений частной собственности, что действительное счастье людей невозможно без ее упразднения. Этими настроениями объясняется и их пренебрежительное отношение ко всем возможным видам религиозной свободы совести, через которые, по мнению Маркса, победивший пролетариат должен переступить, как через все, что несет на себе отпечаток ограниченного «буржуазного уровня».

Современного человека, знающего об ужасах тоталитаризма, которые в самом кошмарном сне не могли присниться европейскому коммунисту XIX века, защищенному либерализмом и терпимостью буржуазной демократии, не может не шокировать снисходительное, иногда уничижительное отношение Маркса и Энгельса к правам и свободам личности, родившимся в недрах гражданского общества. Основоположникам так и не удалось по достоинству оценить вклад современной им буржуазной цивилизации в прогресс свободы и демократии. Молодой Маркс, декларирующий в статье «К еврейскому вопросу» основные принципы своего учения, отбрасывает **«так называемые *права человека*»** на том основании, что они **«суть не что иное, как права *члена гражданского общества*, т. е. эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности»** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 400). До конца жизни Маркс сохранил скептическое отношение к парламентарной буржуазной демократии, к принципу разделения власти, к институту профессиональных политиков. По этой причине он поддержал политическую практику Коммуны, отменившей парламентаризм.

Не следует забывать, что Маркс и Энгельс первыми в истории общественной мысли попытались доказать условность, исторически преходящий характер нравственных норм, на которых держался гражданский порядок, дискредитировать в глазах рабочих правила и нормы общечеловеческой морали как выдумку буржуазии.

Да это и понятно. Идея насильственного ниспровержения существующего строя, экспроприации экспроприаторов всем своим содержанием отрицала устои, нормы гражданского общества. Авторитет оружия, революционного насилия никак нельзя было совместить с авторитетом нравственной нормы, христианских заповедей.

Задача слома государства была направлена не только против права частной собственности, но и против неприкосновенности жилища, принципов достоинства, суверенитета и независимости каждой личности, права на выбор образа жизни.

Маркс не скрывал, что пролетарская революция порывает целиком со всеми «старыми законами», отрицает их. Логика революционной борьбы с неизбежностью вела Маркса и Энгельса к решительному отклонению всяких попыток навязать им какую-нибудь моральную догму.

В этой ситуации как раз и было необходимо продемонстрировать преходящий, классовый характер нравственных и правовых норм: это позволяло приглушить криминальный характер учения о революции и диктатуре пролетариата. Не случайно всю жизнь Маркс и Энгельс с поразительной настойчивостью доказывали относительность морали, акцентировали внимание прежде всего на прерывности нравственного прогресса. Они стремились доказать бессилие категорического императива Канта: дескать, поскольку он скроен для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств, то именно поэтому не применим нигде и никогда.

Маркс и Энгельс не были, конечно, сознательными сторонниками казарменного коммунизма. Да, об их верности идеалу свободной личности можно, как пишет Г. Водолазов, прочитать едва ли не на каждой странице их сочинений. Но ведь нас, если мы хотим мыслить как ученые (а не только как пропагандисты прошлого), должны интересовать не декларации, а сама возможность сохранения свободы личности в том обществе, к которому стремились основоположники. В нем в соответствии с учением об ассоциации будет полностью преодолен частный, то есть не координируемый планом, центром, труд, вытеснены малейшие проявления экономической и социальной самостоятельности, стихии, преодолена свобода выбора труда, форм быта, обеспечения семьи. Не ведет ли учение о нетоварном производстве, о непосредственном обобществлении труда, вопреки декларациям свободы личности, к казарме, к новой форме закрепощения людей? Реально ли сохранить права и свободы человека в обществе, где изначально отрицается возможность экономического и социального выбора, где все жестко детерминировано истиной, законом?

Сегодня стала общепринятой критика деформированного, казарменного, уравнительного социализма, построенного в СССР в тридцатых годах. Но все критики старательно обходят структурные причины нашей казарменности, избегают центрального вопроса: возможно ли построить неказарменный, демократический социализм на нетоварном, безрыночном фундаменте?

А ведь это центральный, главный вопрос. И для тех, кто думает о будущем, и для тех, кто хочет понять прошлое. Почему во всех абсолютно случаях, во всех странах, включая Иран Хомейни, где шла борьба с рынком, с товарно-денежными отношениями, она всегда вела к авторитаризму, к ущемлению прав и достоинства личности, к всесилию администрации, бюрократического аппарата? Почему даже террор оказывался в конце концов бессильным в борьбе с торговлей, почему все попытки искоренить свободный обмен, хозяйственную самостоятельность производителя оканчивались поражением, побуждающим в итоге отступить?

Маркс не видел этого трудного для себя вопроса, ибо для его постановки не было соответствующего исторического опыта. По этой причине он, кстати, никогда не вникал во внутренние противоречия предлагаемых методов лечения болезней капитализма. Эту проблему нащупал Ленин в конце жизни, исследуя причины неудач хозяйственной стратегии военного коммунизма. Почему же мы не хотим мыслить в этом направлении? Давайте не бояться вопросов, которые ставит сама история.

Есть ли прочные гарантии личных свобод, демократии, когда все члены общества работают по найму у пролетарского государства и не имеют самостоятельных, независимых источников существования? Можно ли избежать насилия над крестьянством при твердом убеждении, что обобществленный, коллективный труд на земле есть экономическая необходимость? Не ведет ли сама по себе идея революционного авангарда общества к новым формам социального неравенства? Всегда ли «чистые», непосредственные формы соединения личного интереса с общественным приносят больший эффект, чем «нечистые», опосредованные? Дает ли опыт развития человечества в XX веке основания для сохранения прежней веры в возможность полного преодоления мировоззренческого плюрализма? Стоит ли вообще стремиться к изничтожению всех традиционных механизмов организации и стимулирования человеческой жизни, в том числе и тех, которые мы называем патриархальными?

К сожалению, ни один из авторов, отрицающих марксистские, доктринальные причины казарменного социализма Сталина, даже не пытается начать разговор о марксистском учении о социализме на предметном, конкретно-социологическом и конкретно-экономическом уровне.

До тех пор пока наш перестроечный фундаментализм будет глух ко всем этим коренным, структурным проблемам марксистской теории, к ее внутренним противоречиям, он останется тормозом движения нашей мысли, противником демократии на деле. Я думаю, настало время начать и в нашей стране серьезный разговор о глубинных, непреодолимых противоречиях учения Маркса, о тех ограничениях, которые наложила на его мышление его во многом переходная эпоха.

Окончание следует.

ГОНЧАР

У Арсения Тарковского есть глубокие строчки: «Наблюдать умиранье ремесел все равно что себя хоронить». Сколько уже тут безвозвратных потерь! Решетники, гонтори, клепачи, дегтяри, жерновники, богомазы, углежоги — можно долго продолжать этот мартиролог ремесел. Много ли мы зноем о том, скажем, как рыли совсем недавно колодцы или изготовляли телеги? Думоем, немного. А ведь в истории ремесла бездна поучительного и полезного. Да и в сегодняшний день не грех взять с собой кое-что из нородной мастерской — дать второе дыхоние ремеслу уцелевшему, возродить забытое. Так пришла к нам мысль попытаться состовить своеобразную «красную книгу» ремесел, куда включить свидетельства очевидцев, рисунки, фотографии. Надеемся, что затеваем полезное и благородное дело, в котором всецело полагаемся на вошу, уважаемые читотели, поддержку. Присылайте для «красной книги» материалы — у кого что сохранилось в памяти, в семейном альбоме. Лучшее мы непременно напечатаем, а в итоге, если помощь вашо будет обильной, возможен и выпуск «кросной книги».

Сегодня — первый рассказ. О сельском гончаре.

Уже много лет прошло с той встречи. А стоят перед глазами и тот старый гончар, и та мещерская деревенька...

В Выркова мы отправились водой, вдоль вытянувшегося на север Сынтульского озера. Плыли недолго, и вот за очередным поворотом увидели на зеленом пологом бугре деревеньку: два десятка домов под белесыми крышами, неровный, сделанный наспех из березового и соснового горбыля мосток через озерную заводь. По тропе поднялись в деревню и постучали в первую от края избу. Дверь открыла приветливая хозяйка с красными от печного жара руками. Зашли в избу. Топилась русская печь, пахло блинами. Они громко шипели на огромной черной сковороде. Готовые блины горкой поднимались в просторной глиняной тарелке. Рядом на столе мы увидели тоже глиняный кувшин, до краев полный молоком. Как сказала нам, не отвлекаясь от блинов, хозяйка, когда-то и сковороды в Выркове были из глины, только теперь нет в них никакой нужды, да и мастера перевелись. Разве что Иван Петрович Есин...

Есины жили в другом конце деревни, и мы долго шли широкой улицей, дивясь ее заросшим бурьяном колдобинам, спускам и подъемам, в общем, явной неуютности.

Ощущение было такое, что строили деревню люди, мало обращавшие внимания на внешнюю сторону своего быта, сосредоточенные на каком-то другом, более важном для них предмете.

Вот уже двести лет как живут в Выркове гончары. Еще в тридцатые годы нашего века — шутка сказать! — 350 мастеров кормились своим нелегким ремеслом. Считай, вся деревня лепила горшки и квасники, делала кадильники и свистульки. Упоминание о горшечном промысле в этих местах нашел я и у Семенова-Тян-Шанского в его известном труде «Россия».

Старого гончара мы отыскали за огородами на лугу, где он ворошил сено. Наше любопытство показалось мастеру лестным, и он, оставив сено, пошел искать для показа свой гончарный инструмент. Из сарайчика были извлечены горшки разных размеров и предназначений, деревянные лопаточки и ножи, холщовые, запачканные глиной тряпки и, конечно же, гончарный круг. Ему, по словам Есина, было не меньше 120 лет. Передавался по потомству — от отца к сыну. На основном деревянном круге была прибита такая же круглая накладка, только поменьше размером. Стальная поржавевшая ось входила в подставку прямоугольной формы. Дед налил во втулку гарного масла, и круг, приводимый в действие рукой, завертелся свободно, без скрипа. Уже больше тысячи лет «тянет» Русь горшки на гончарном круге. Никто из ученых точно не знает, как выглядел первый такой круг. Он был деревянным и не сохранился. Но вряд ли отличался от того, что крутил своей слабеющей рукой Иван Петрович Есин — потомственный вырковский гончар.

Теперь оставалось только найти глину. Нужна была не простая — гончарная, которую исстари называли «скуделью» (отсюда и гончара величали скудельником) или «зодом». Теперь нетрудно понять изначальный смысл таких слов, как «здание», «зодчий». А само слово «глина» буквально значит скользкая.

За глиной пришлось идти к брату Ивана Петровича — Григорию. Жил он неподалеку и имел у себя перед домом, там, где обычно крестьяне устраивают погреба, потайное место, где годами хранил «гончарный хлебец». Мы разбросали наложенные сверху доски, сняли слой дерна, и Григорий Петрович неглубоко копнул вилами, открыв бело-желтый слой.

Эту особую глину добывают в километрах двух от деревни. Зимой, когда земля крепка морозом, роют длинную узкую канаву — «дудку». Копают порой глубоко, до трех метров, чтобы найти тонкую, сантиметров в двадцать, глиняную жилку. Глину добывали всей семьей: во-первых, работа для одного слишком тяжела, во-вторых, небезопасна. Бывало, и заваливало «дудочника».

Иван Петрович окропил принесенную глину водой из миски и начал раскатывать ее между ладонями, а затем бросил с размаху на круг, раскрутил его и начал вытягивать из теста кувшин. Он рос быстро, как на дрожжах, поблескивая влажными боками. Стар мастер, а не забыли руки ремесло, к которому приучали лет с восьми.

— А как мужику за двадцать стукнет,— неторопливо рассказывал Есин,— так до смерти и не выучишь, ведь при работе чутье рук иметь надо. Волос попадет, чтобы рука его замечала. Надо ни в том, ни в другом боку горшок не истончить. Вот и гладишь его, как ребенка малого,— умываешь, значит. А когда тянешь горшок вверх, так и не дышишь вовсе...

Когда кувшин был готов и поставлен в тенек сушиться, Иван Петрович взял карандаш и нетвердой стариковской рукой начал рисовать вещи, которые испокон века делали вырковские мастера. Были здесь двухведерные кувшины для сусла, чашки для супа, глиняные сковороды, горшки разных калибров, кубышки с двумя маленькими ушками для сбора ягод. Рядом старик нацарапал чертеж дойника, который служил в крестьянском хозяйстве для вытапливания коровьего масла. Дальше пошли вовсе загадочные названия: кандюшка — для сливок и сметаны, пикуш — маленький поллитровый кувшинчик, в котором для грудных детей варили кашу. Оказалось, что даже скворечники делали в Выркове из глины. А один покойный мастер — Федор Иванович Николаев — сделал глиняный самовар, у которого не раз собирались гончары попить чайку.

Посуду, идущую на продажу, украшали белой глиной, «наводили цветы» — муравили. Наносили зубчатым колесиком-писанкой геометрические узоры. Поливали керамику свинцовым суриком, получая дивного цвета глазурь.

Прямо перед домом каждый гончар устраивал себе горнушку — нехитрую печь для обжига, в которую умещалось от 70 до 300 штук разной посуды. До этого ее высушивали в русской печке. Для большей прочности вынутые из печи горшки в старину обваривали в растворе муки, а то и в кислых щах.

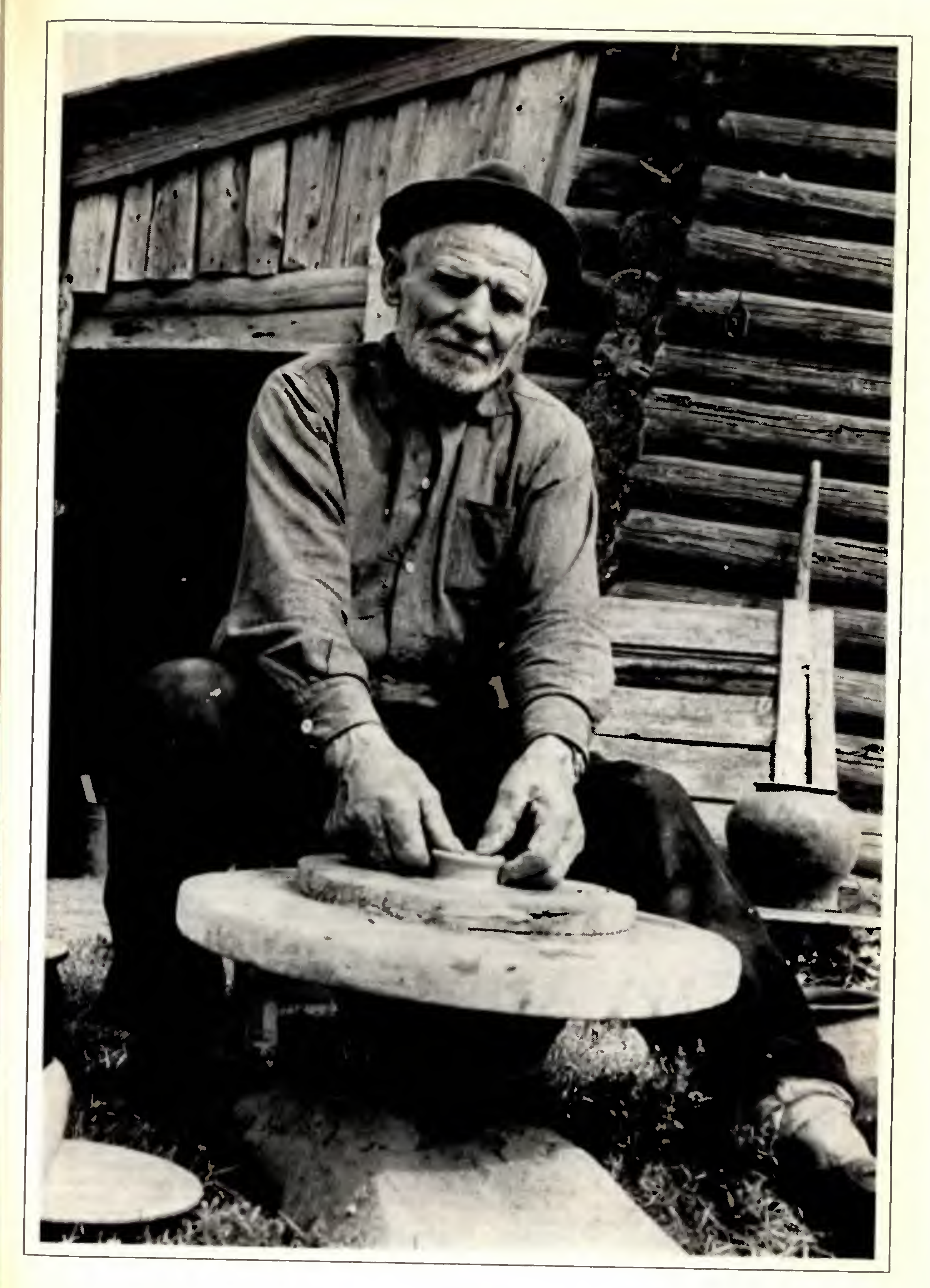
Товар свой вырковцы продавали широко. Тем и кормились. Правда, с этого ремесла не нажили они себе палат каменных. Но славу, и заслуженную, имели. Особенно за глиняные игрушки. Скажи кому из тогдашних мастеров — не поверили бы, что их «глиняные бездлицы», которые всегда были к основному делу довеском, «бабьим развлечением», знают во всем мире. Такие игрушки раньше назывались «сопелками», «гудухами», «улютками». С ними не расставалась деревенская малышня, упоительно насвистывая с утра до вечера. Были и игрушки с секретом — свистулька в виде свиньи натурально хрюкала, петух кукарекал, а «бабы» издавали болтливые трели.

...И вот не стало уже последних вырковских мастеров, заглох древний промысел, хотя мог бы и жить, радовать нас и укреплять память о народном ремесле. Но стоит еще мещерская деревня, не перевелась глина — отчего бы не появиться новым гончарам? Не знаю, цел ли деревянный круг деда Ивана...

Владимир ПАНКОВ

Касимовский район, Рязанская область

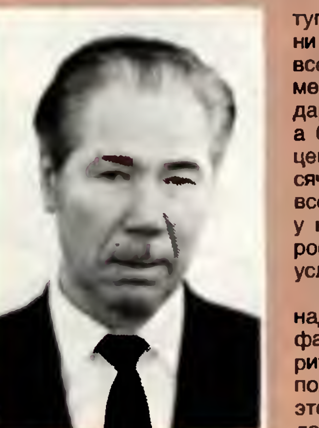
Фото автора

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

БУДЕТ ЛИ РАБОТАТЬ ЗАКОН?

Николай ПИВОВАРОВ, председатель Комитета Верховного Совета СССР по вопросам работы Советов народных депутатов, развития управления и самоуправления.

О повышении роли Советов мы твердим, пожалуй, вот уже полтора десятка лет, но лишь сегодня сделаны те реальные шаги, которые, хочется верить, упрочат позиции Советской власти на местах.

Одобрен Верховным Советом в первом чтении и опубликован в печати для всенародного обсуждения законопроект об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства СССР. Что ж, и прежде время от времени появлялись нормативные акты в целях «создания нормальных условий для работы местных Советов»... Последний документ — беспрецедентный, в нем нетрудно обнаружить концепцию нового взгляда на структуру власти «снизу доверху», отвечающую духу перестройки. Законопроект «не висит одиноко в воздухе» как прокламация очередной общественной кампании. Он является важным элементом происходящих в стране экономической и политической реформ — именно в этом, на мой взгляд, и состоит особенность нынешнего этапа передачи власти Советам.

В составе нашего комитета 44 человека, 22 из них — члены Верховного Совета СССР, представители обеих палат парламента. Люди, обладающие опытом работы в Советах всех уровней, специалисты разных отраслей экономики. Лично я начинал в шахте слесарем, занимал должности начальника участка, заместителя главного инженера. Позже возглавлял райком и горком партии, был секретарем обкома КПСС, за мандат народного депутата СССР стал бороться, будучи уже председателем Ростовского облисполкома.

Помню, как я начинал и мне пояснили нехитрую мудрость. У профсоюзов есть деньги, но нет власти. У партии — власть, а со средствами туго. У райисполкома — ни власти, ни денег. Действительно, сегодня все местные бюджеты составляют менее 15 процентов от объема Государственного бюджета СССР, а бюджеты сельсоветов — 0,8 процента. А ведь на территории 44 тысяч сельсоветов проживает треть всего населения страны! Вот откуда у нас аварийное жилье, плохие дороги, неразвитая отрасль бытовых услуг.

Что меняет будущий закон? Он наделяет местные Советы правами фактического хозяина на своей территории прежде всего через свой полноценный бюджет. В пустую, как это было прежде, кассу стекаются доходы от платы предприятий за трудовые ресурсы и основные фонды, другие средства — налоги, пошлины, штрафы, отчисления от прибыли и взносы за пользование природными ресурсами. Теперь эти деньги никто не отберет на другие цели — ни в городе, ни в облисполкоме, ни в крае. Теперь уже можно без оглядки на руководителей сверху строить свою хозяйственную политику в интересах граждан, проживающих на территории города и села. На равных можно разговаривать с представителями ведомств, которые, как известно, с местными интересами не всегда считались, пользовались природными ресурсами бесплатно, «нехотя» строили жилье и «кое-как» вкладывали средства в социальную сферу. Возможно, кто-то спросит: а не обернется ли это новой крайностью — местечковой монополией? Сошлюсь на зарубежный опыт. В развитых странах Запада тоже идут процессы расширения компетенции коммун, уездов, округов, земель. Вот и мы, наконец, позаботились о финансовой и экономической базе местного самоуправления. Ныне можно не на словах, а на деле наступать на бедность, поднимать местное хозяйство, составляющее отныне коллективную собственность населения территорий и их образований.

В концепции местного самоуправления вы найдете признание суверенных прав территорий, обнаружите оригинальную трактовку понятия местного хозяйства, откроете для себя и немало других социальных посылов, являющихся новациями времени. Очевидно, что в процессе всенародного обсуждения законопроекта много интересного, общественно значимого добавят и граждане — в комитете ко всем полезным «идеям со стороны» мы всегда относимся с благодарностью и вниманием. Примем закон. Будет ли он работать? — очевидно, этот вопрос волнует не только меня.

Как вы знаете, на осенней сессии Верховного Совета СССР обсуждался целый пакет законопроектов — о собственности, земле, аренде, налогах, госпредприятии. Часть из них принята уже в этом году. Искусство законодателей должно проявиться в том, чтобы все эти законы, а также те, которые еще предстоит принять, были хорошо увязаны друг с другом. Это, кстати, одно из условий, чтобы Советы на основе нового законодательства быстро встали на ноги.

По-новому придется строить с ними отношения и партийным органам. Старые традиции, когда, допустим, работники партийных комитетов дергали по любому поводу руководителей исполкомов и вызывали их к себе «на ковер», придется забыть. Парткомитеты должны не подменять Советы, а спрашивать с коммунистов за выполнение решений Советов.

Еще одна проблема: на высшем уровне уже произошло разделение законодательной и исполнительной власти. А вот внизу власть законодательная и исполнительная пока остается в одном лице — исполкома местного Совета. Предстоят реорганизация и создание новой модели управления. В крае, области, городе и районе будут теперь президиумы и исполкомы местных Советов — каждый с определенным кругом своих задач.

Наконец, существенного изменения общественного климата вокруг местных органов власти, подъема их престижа мы ждем от результатов выборов в местные Советы. Корпус народных депутатов РСФСР формировался у всех на глазах. Очевидно, и власть на местах окажется в руках граждан инициативных и компетентных, способных заставить заработать закон о местном самоуправлении. К радикальной перестройке и на этом участке социальной действительности, считаю, общество морально созрело. Тем более что гарантии для возрождения органов власти даются более чем основательные. На своей территории местный Совет — хозяин территории, и с ним придется согласовывать все вопросы жизнеобеспечения людей, будь то аренда земли, стройка, производственная деятельность по выпуску товаров для народа. Решение Совета народных депутатов, если вдруг оно несправедливо «задело закон», вправе отменить только суд.

Конечно, жизнь покажет, чего мы еще не учли. Какие-то коррективы придется внести на ходу. Главное — страна в поиске и движении, и дай нам, как говорится, бог...

Николай ЧЕРКАШИН, лауреат премии Ленинского комсомола

Честь офицера

И тогда, и сейчас нарушение военной присяги, самовольный захват власти на военном корабле, выведение его из подчинения командованию Военно-Морского флота, отказ выполнить приказы было и остается тягчайшим воинским преступлением. Но для оценки поступка моего героя требуется и другой кодекс — нравственный.

В тот год им вручали ордена почти одновременно: без пяти минут маршалу Брежневу и капитану 3-го ранга Саблину. Первому — украшенный бриллиантами орден «Победы», он получил его в нарушение статута этой высшей полководческой награды. Второму — томпаковую офицерскую звезду «За службу Родине в ВС СССР» III степени, Родине он служил на большом противолодочном корабле (БПК) «Сторожевой».

Этим двум орденским звездам суждено было: одной — бриллиантовой — бесславный закат, другой — медно-цинковой — долгое затмение...

А пока Брежневу прилежно рукоплескали. В гуле хорошо организованных оваций потонул гневный грохот железа. То стучали костылями по батареям водяного отопления безногие фронтовики в госпитале инвалидов войны, что на Преображенской заставе. Сначала стала бить одна палата, к ней присоединились другая, третья, и вот уже все этажи зашлись от грохота. Били в гулкий металл от обиды и возмущения те, чьи боевые ордена вобрали в себя цвет крови своих кавалеров... Набатный бой этого протеста не донесся до слуха четырежды звездоносного, но зато был услышан в компетентных инстанциях. Госпиталь на Преображенке был расформирован в считанные дни...

Нет, в те безгласные годы молчали не все. И Валерий Саблин был явно из породы тех гневных фронтовиков, даром что в сорок первом ему было еще три года...

В 1975-м он служил на Балтике, я — на Севере. Мы были коллегами — корабельными замполитами. В морях не встречались, на берегу тоже. Фамилию его услышал поздней осенью. Командир мой вполголоса рассказал о невероятном.

На второй день ноябрьских праздников из парадного строя военных кораблей в Риге самовольно вышел БПК «Сторожевой» и двинулся в открытое море. Замполит арестовал командира, занял его место на мостике и повел корабль в нейтральные воды. Там он обратился по радио к руководителям страны с неким революционным воззванием. Поднятые в воздух самолеты остановили «Сторожевой» предупредительными залпами. А когда командиру удалось освободиться, он, поднявшись на мостик, тяжело ранил из пистолета своего заместителя по политической части — Саблина и вернул корабль.

Трудно было поверить, что эта история разыгралась в наше время, на нашем флоте.

Потом толковали разное. Мол, содеял это душевнобольной, которого вовремя не распознали. «Никак нет,— утверждали другие,— Саблин — внук того самого белогвардейского адмирала, что отказался в 18-м году выполнить приказ Ленина о затоплении Черноморского флота под Новороссийском, его завербовала шведская разведка, и потому он пытался угнать корабль в Стокгольм». Третьи уверяли, что сделал он это назло командованию, так как служба у него не пошла: задержали звание, не давали квартиру,— вот и решил сразу всем отомстить.

Впрочем, мы нашли тогда для себя довольно удобное объяснение — «авантюра». Ломать голову над смыслом происшедшего было некогда: мы собирались на боевую службу — в океан, далеко и надолго. Да мало ли авантюристов на белом свете?..

И все же зарубка в памяти осталась — Саблин. Не забылось это имя и на флоте. Время от времени оно всплывало в досужих разговорах в доверительном кругу, обрастало подробностями, вероятными и невероятными, и всякий раз произносилось с весьма сочувственными нотками. При этом все знали, что экипаж расформирован, корабль сослан в моря, от Балтики весьма отдаленные, и толковать на эту тему весьма не рекомендуется.

Теперь обо всем этом можно говорить в полный голос. Но, право, как странно и больно: слова, которые мы читаем ныне в «Правде» о деформации социализма, о необходимости вернуться к ленинским принципам, к подлинной демократии, стоили Саблину всего, едва он поспешил адресовать их Брежневу.

Поспешил? Неужели же он должен был дожидаться апреля 85-го?

Прочитав письма Саблина, его дневники, конспекты, заметки на полях книг, я понял, что более оставаться наедине с этой болью и правдой не могу, не имею права. Я надеюсь, что мои чувства разделят все, кто прочтет эти строки.

* * *

Не было никакого белого адмирала в роду Валерия Саблина. Прадед по матери конструктор-балтиец Федор Васильевич Тюкин погиб в октябре 1914 года вместе со всем экипажем крейсера «Паллада». Дед, Василий Петрович Бучнев, тоже морячил на Балтике боцманматом в Кронштадте. Дед по отцу, Петр Иванович Саблин, прошел через первую мировую, а затем и гражданскую, трижды краснознаменец.

В семье его сына — капитана 1-го ранга Михаила Петровича Саблина — росло трое парней: старший Николай, средний Валерий, младший Борис. Отцом братья гордились, знали наперечет его боевые награды: орден Красного Знамени, две Красных Звезды, обе степени Отечественной войны... Встретил войну и закончил ее Саблин-старший на Северном флоте. Его высоко ценил и уважал тогдашний комфлота адмирал Арсений Головко.

Выйдя в отставку, Михаил Петрович перебрался в Горький, где еще долгие годы учил курсантов речного училища военному делу.

Братья, разумеется, готовились в моряки. Но одного подвело здоровье, другой на юношеском распутье выбрал стезю военного инженера. Так что отцовскую мечту осуществил лишь Валерий. В 1956 году он поступил в Высшее Военно-Морское училище имени М. В. Фрунзе — старейшее и славнейшее в стране учебное заведение, унаследовавшее стены, книги и в какой-то мере традиции знаменитого Морского Корпуса.

Пройдут годы, приутихнет юношеская восторженность, но навсегда вплетутся в его жизнь любовь к морю и искреннее внимание к матросу, к его личности, его душе. Потом оно

перерастет в острый интерес к человеку вообще, к положению дел в стране, в обществе.

«Служба идет хорошо. Очень привык к кораблю и матросам. Даже жалко расставаться. Люблю беседовать с матросами об их прежней жизни. Вот вчера с одним, Смирновым, сидели, штопали обвес и беседовали. Он из деревни в Калининской области, был младшим конюхом. Его слушаешь и как будто книгу о крестьянской жизни читаешь... До чего они интересные, эти матросы. Вот приеду — расскажу. Зря тогда Тамара (двоюродная сестра.— **Н. Ч.**) *ахала по поводу невежества в деревне. Они, правда, в большинстве имеют по 4 класса образования и не знают многих вещей, но по ряду качеств они лучше городской интеллигенции».*

«Беседа о Ленине прошла хорошо. Стыдно признаться, но только на 21 году жизни, кажется, по-настоящему понял величие Ленина. Раньше это было как-то бессознательно и поверхностно...»

* * *

Детство Валерия пришлось на четыре города с именами мужскими и мужественными: Архангельск, Полярный, Североморск и Горький. Что ни город, то дядька-воспитатель в матросской робе, в рабочей блузе; каждый оставил свой чекан в мальчишеской душе. И, наверное, больше всего — Полярный. Здесь он узнал, что такое война.

— Мама отдавала нам весь хлеб, а чтобы заглушить голод, стала курить,— вспоминает старший из братьев Саблиных, Борис.— Однажды я обнаружил в карманах Валерки множество окурков. Хотел надавать ему по шее, думал, потягивать начал. А он мне говорит: «Я из них табаку в коробочку натрясу, отдам маме. Ей как подарок будет». Я хоть и старше был, а такое в голову не пришло. Он очень любил и мать, и отца... Еще умел держать слово. Ждем его как-то из школы — нет и нет. Забеспокоились: первоклашка все-таки, полярная ночь... Пошли с отцом искать. А он за школой стоит. «Ты что?» «С мальчишками поссорился. Сказали, что после уроков бить придут. А сами не приходят». «Ну, идем домой. Ты победил. Они струсили». Такой вот характер.

Читать и писать научился рано. В шесть лет он увлекся таким делом: брал большой бумажный лист, складывал пополам, срисовывал шапку газеты «Правда», писал печатными буквами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а дальше шли заметки на домашние и дворовые темы. «Вовка — врун», например... Мама долго хранила эти его газеты...

Отца боготворил. Но спорил нещадно. Бывало, соберемся за столом: отец со своим братом и мы с Валерой. Все в общем-то военные, офицеры. Но они люди своего времени, а мы своего. «Нельзя так жить, как мы сейчас живем». И если я брал эмоциями, то Валера четко аргументировал как, что и почему.

Борис Михайлович Саблин, высокий, моложавый, пышноволосый инженер-подполковник в отставке, окончил Горьковский политех. На флот не прошел по здоровью. Но служил в тех же местах, что и Валерий. Пятнадцать лет на Севере. Был посвящен в высшие военные секреты страны.

После инцидента с братом в ноябре 1975-го его высокую должность «неожиданно» сократили. И начались хождения по мукам, то бишь по инстанциям. Кончилось тем, что он ремонтирует колхозные радиостанции в белорусской глубинке.

* * *

— В училище,— вспоминает бывший однокашник Саблина, ныне ответственный сотрудник Министерства финансов РСФСР А. И. Лялин,— Валерия называли «совестью курса». Не подумайте, что он был занудой из породы завзятых отличников. Нет, он был очень веселым и в то же время твердым в принципах. Не вилял.

Начальство его ценило. Он быстро стал командиром отделения, одним из первых из нашего потока вступил в партию — еще на 4-м курсе. Мы выбрали его секретарем факультетского комитета ВЛКСМ.

Простите мне громкие слова, но я считаю его идеалом советского человека. Ему бы в революцию родиться...

* * *

Итак, в декабре 1960 года лейтенант Саблин начал свою офицерскую службу в Севастополе на эскадренном миноносце «Ожесточенный», который очень скоро перевели на Северный флот. На корабле он командовал группой управления артиллерийским огнем, затем — дивизионом... Как командовал, видно из письма, которое командир эсминца направил его отцу 22 января 1965 года:

«Уважаемый Михаил Петрович!

Командование корабля, где служит Ваш сын, старший лейтенант Валерий Михайлович Саблин, благодарит Вас, как отца, за то, что Вы воспитали для Родины хорошего сына, для партии — преданного коммуниста, для флота — примерного командира.

За период службы на корабле Ваш сын имеет 8 поощрений от командования корабля и флота.

Мы гордимся Валерием, с которого берут пример все командиры подразделений. Он много отдает сил и своей молодой, кипучей энергии делу повышения боевой готовности корабля и укрепления воинской дисциплины среди всего личного состава...

Командир корабля капитан 3-го ранга Малаховский».

* * *

С женой Ниной ему повезло. Познакомились они в училище на танцах. Вроде бы обычный роман морского курсанта и ленинградской студентки. А вот нашли друг друга сразу и на всю жизнь. Она с ним и на край света, то бишь на Крайний Север, и на Эльбрус — в одной связке поднимались, и все кавказские перевалы облазили. Если у Валеры случался летом отпуск, он наведывался к родителям в деревню, где те снимали избу. Неделя уж пройдет, возьмет отец в сарае лопату, а к ней бумажка привязана: «Не увлекайся! Почаще отдыхай». Мама возьмет книгу, а там закладка с надписью: «Не забудь надеть очки!» И три веселых человека вместо подписи: Валерий, Нина и Миша.

— Из нас троих,— вспоминает Николай Михайлович Саблин, младший брат,— он был самый жизнерадостный. Душа любой компании, пел под гитару, хоть и без голоса, но с отвагой. Альпинист. Лыжник. Волейболист. И все с азартом, с удалью. Неплохо рисовал. Курсантом еще написал портреты Маркса и Ленина. Заядлый фотограф. Вон сколько снимков осталось...

Любительский снимок с белыми пятнами по углам. В крохотной североморской комнатушке весь немудреный лейтенантский быт: стул с наброшенным кителем, допотопная радиола, Валерий в офицерской ушанке с охапкой дров, Нина с малышом. Три веселых человечка. Миг счастья. Какой-никакой, а свой угол...

Еще один снимок. Мостик эсминца. Лейтенант Саблин с повязкой вахтенного офицера задумался у рукоятей машинного телеграфа. «Товсь! Стоп! Малый назад! Полный вперед!..»

Так стоят на распутье перед дорожным камнем: «Направо поедешь — коня потеряешь, прямо поедешь — убитому быть...»

Он выбрал — прямо.

Несмотря на блестящие аттестации, лейтенант Саблин очень не скоро стал старшим лейтенантом. Звание ему задержали почти на год. За что? Написал письмо Н. С. Хрущеву, где излагал свои мысли насчет чистоты партийных рядов. Написал, как коммунист, теоретически имевший право обращаться в любую партийную инстанцию. На практике же все обернулось жестким внушением, смысл которого разгадать нетрудно.

Кажется, Саблин урок понял и с головой ушел в корабельную службу. Почетная грамота: «Старшему лейтенанту В. Саблину за достигнутые успехи при выполнении заданий командования в период дальнего перехода Североморск — Севастополь. Командир части контр-адмирал Беляков».

Еще почетная грамота, еще, еще...

Можно долго перебирать их, цитировать, но и без того ясно: офицер служил не за страх, а за совесть.

Его прочили в командиры корабля, предлагали учебу на Классах. А он удивил всех, отпросившись поступать в Военно-политическую академию имени Ленина.

О, если бы те, кто его судил, видели саблинские конспекты трудов Ленина, Маркса, Плеханова... Как разительно непохожи они на обычные, бездумно переписанные у соседа, с одной лишь целью — предъявить на экзаменах! По этим выпискам хорошо видно, как вызревала саблинская мысль, его решимость...

Из К. Маркса: «Нравственное государство предполагает в своих членах государственный образ мыслей, если даже они выступают в оппозиции против органа государства, против правительства... Закон, карающий за образ мыслей не есть закон, изданный государством для его граждан. Это закон одной партии против другой».

Он изучал марксизм без поводыря-конвоира. Обращался с классиками напрямую — без наемных толкователей и высокооплачиваемых интерпретаторов. Он вышел в зону запретной мысли и читал то, чего не было в программе.

Мы все видели, все понимали, посмеивались анекдотам о густых бровях-усах Сталина, поднятых на должную высоту, о том, что в Москве-реке начаты промеры для крейсера «Аврора», и ждали, когда нам объявят перестройку, а вместе с ней и эпоху гласности. Он ждать не захотел.

Каждый из нас считал себя слишком ничтожной силой для того, чтобы начать и что-то изменить.

Он так не считал.

Флот — тонкая и сложная материя, на которой сразу же отзывается любое нездоровье общественного организма, будь то взяточничество, наркомания или засилье бумаг. Корабль — модель государства в миниатюре. Лихорадит страну — трясет и корабль. В те недоброй памяти годы флот лихорадило, как никогда. Именно тогда начался расцвет «дедовщины», повалил черный дым аварийности. Корабли горели, сталкивались, тонули. В 1974 году загорелся, взорвался и затонул большой противолодочный корабль «Отважный». Спустя год забушевало пламя на огромном вертолетоносце «Москва», гибли подводные лодки...

В грозных приказах причиной всех несчастий чаще всего называлась «халатность должностных лиц». Но у этой «халатности» были длинные и разветвленные корни, показуха, пресловутый вал (только в военно-морском варианте), равнодушие начальства к быту и судьбам подчиненных и, как следствие всего, дикое повальное пьянство.

Капитан 3-го ранга Саблин посмел вскинуть голову, поднять глаза, возвысить свой протестующий голос... Он поднялся на мостик корабля, взошел на эту трибуну, прекрасно сознавая, что поднимается вместе с тем и на эшафот...

* * *

«Я долго был либералом,— писал Саблин в своем прощальном письме жене,— *уверенным, что надо что-то чуть-чуть подправить в нашем обществе, написать одну-две обличительные статьи, что-то сменить... Так было примерно до 1971 года. Учеба в академии окончательно убедила меня в том, что стальная государственно-партийная машина настолько стальная, что любые удары в лоб будут превращаться в пустые звуки...*

С 1972 года я стал мечтать о свободной пропагандистской территории корабля. К сожалению, обстановка складывалась так, что только в ноябре 75-го возникла реальная возможность выступить... Что меня толкнуло на это? Любовь к жизни... Причем я имею в виду не жизнь сытого мещанина, а жизнь светлую, честную, которая вызывает искреннюю радость у всех честных людей. Я убежден, что в нашем народе, как и 58 лет назад, вспыхнет революционное сознание и он добьется коммунистических отношений в стране...»

Он увидел свой выход... Привести корабль в Ленинград и, как в семнадцатом, выстрелить в эфир: «Всем! Всем!! Всем!!! Говорит свободный корабль «Сторожевой»...» И дальше — правду-матку о положении в стране. «Граждане, Отечество в опасности!» Его подтачивают казнокрадство и демагогия, показуха и ложь... Вернуться к ленинским принципам, к демократии и социальной справедливости... Уважать честь, жизнь и достоинство личности...» О, сколько же всего надо было успеть прокричать...

А 7 ноября 1975 года Саблин писал в своей каюте под мокрый свист балтийской осени прощальное письмо родителям.

Незадолго до этого он поздравил их с 30-летием Победы. Теперешнее письмо было совсем о другом. Поймут ли? Простят?

Отец не сразу понял, во имя чего Валерий ставит свою жизнь на карту. Лишь потом, когда на свидании в Лефортовской тюрьме у них состоится разговор, отставной капитан 1-го ранга Саблин, кажется, дойдет до сути мыслей своего среднего. Во всяком случае, осуждать его не станет, как ни настаивали советчики-доброхоты.

Мама ж поняла одно: сын решился на верную гибель. Тут же отбила из Горького в Балтийск срочную телеграмму: «Получили письмо Валерия. Удивлены, возмущены, умоляем образумиться. Мама. Папа».

Из протокола обыска:

«На предложение выдать разыскиваемые предметы и документы Саблин М. П. добровольно выдал:

1. Письмо на 4-х листах белой нелинованной бумаги, начинающееся словами: «Дорогие, любимые...» и заканчивающееся словами: «Любящий вас Валерий», и конверт, адресованный Саблиным, с почтовым штемпелем «Рига. 8.11». По заявлению Саблина М. П., это письмо написано его сыном Валерием.

При обыске ничего не обнаружено и не изъято. Обыск производился в 3-комнатной квартире, коридоре, кухне, ванной и туалете.

Обыск произвел следователь по особо важным делам УКГБ по Горьковской области полковник Кукушкин. Следователь — старший лейтенант Гусев. 12 ноября 75 г.».

В «Деле» Саблина, по сути, ничего не осталось. Бесследно исчезли и это письмо, и бланки семафоров, радиограммы, протоколы допросов. По распоряжению Брежнева все материалы следствия были уничтожены, дабы никто не посмел поставить имя капитана 2-го ранга Саблина в один исторический ряд с именем лейтенанта Шмидта. По крайней мере, так рассказал об этом бывший командующий Балтийским флотом адмирал Михайлин.

По счастливой случайности сохранилось прощальное письмо Саблина, посланное еще и сыну. Перед самым обыском Нина бросила его под ванну за банки с краской. В вещах и бумагах рылись без особого энтузиазма — лишь по долгу службы. Не нашли в доме ничего лишнего: казенная мебель да книги, книги, книги... Унесли с собой саблинский орден, кортик да вырезанные из дневников страницы. И письмо осталось:

«Милая, любимая!

Мне даже трудно представить, как ты встретишь сообщение, что я встал на путь революционной борьбы. Возможно, ты проклянешь меня, как человека, который испортил тебе всю жизнь. Возможно, ты назовешь меня черствым человеком, не думающим о семье. Возможно, глубоко обидишься за то, что я скрывал от тебя свои планы. А возможно, просто печально скажешь: «Чудаком ты был, чудаком и остался!»

Это будет лучшее, что я могу ожидать. Не суди слишком строго и постарайся объяснить Мише, что я не злодей, не авантюрист, не анархист, а просто человек, любящий свою Родину свободной и не видящий иного пути к счастью своего народа, как борьба. Я очень любил и люблю тебя и, конечно

В. Саблин. Май 1975 года. Атлантический океан. Борт большого противолодочного корабля «Сторожевой».

же, Мишу. Эта любовь помогла мне быть честным к жизни...

Назовут меня «агентом империализма» — не верь. Империализм — это далекое прошлое по сравнению с социализмом... Найду ли я единомышленников в борьбе? Думаю, что они будут. А если нет, то даже в этом одиночестве я буду честен.

Настоящий шаг — это моя внутренняя потребность. Если бы я отказался от борьбы, я бы перестал существовать как человек, перестал бы уважать себя, я бы звал себя скотиной...

Не знаю, как в письме передать свои мысли наиболее убедительно, и очень жалею, что не мог рассказать их раньше. Я не хочу, чтобы после моего выступления к тебе со стороны властей были хоть какие-нибудь претензии как к моей сообщнице. Вот почему я был нем, хотя очень хотел раскрыть тебе свои помыслы. Примерно такое же письмо я написал своим родителям. Я тебя очень попрошу — не забывай их и помогай всячески. Как-то они вынесут сообщение о моем выступлении?! Очень беспокоюсь об их здоровье.

Как отнесется Миша к сообщению? Постарайся ему объяснить, что я не такой плохой, как меня будут представлять официальные органы и пресса.

Возможно, кто-то из знакомых и товарищей отвернется от нашей семьи как опасной для знакомства. Не переживай — такие и не могут быть достойны твоего внимания.

Я оптимист и не смотрю на выступление трагически, хотя шансы на успех приблизительно сорок процентов. Я уверен, что даже сам факт выступления уже дань революционному движению. Но я приложу всю энергию, все силы, чтобы довести дело до конца, то есть до создания центра политической активности в нашей стране, на базе которого будет создана новая партия.

Это не прощальное письмо, но все же я хочу сказать, что я очень хочу, чтобы вы с Мишей были счастливы, и не буду осуждать ни одного из твоих поступков, если ты будешь счастлива.

Не весь я твой — меня зовут
Иная жизнь, иные грезы...
От них меня не оторвут
Ни ласки жаркие, ни слезы.

Любя тебя, я не забыл,
Что жизни цель — не наслажденье,
В душе своей не заглушил
К сиянью истины стремленье.

Не двинул к пристани свой челн
Я малодушною рукою
И смело мчусь по гребням волн
На грозный бой с глубокой мглою.*

* Стихотворение М. Ю. Лермонтова.

И еще из письма Инессы Арманд своей дочери: «Ни в коем случае не будь из тех людей, которые, критикуя окружение, постоянно брюзжа на окружающих, не проводят своих идей в жизни и продолжают жить совершенно так же, как все те, которых они ругают. Подобные люди или лицемеры, или слабые и ничтожные люди, которые не в силах согласовать свою жизнь со своими убеждениями».

Я не хочу быть ни лицемером, ни ничтожным человеком. О радость битвы!!

Больше бодрости, моя родная, больше веры, что жизнь прекрасна, что прогрессивное, революционное всегда победит!

Целую тебя крепко.

До свидания!

Твой Валерий. 8.11.75 г.».

О том, как все произошло, поведал в беседе бывший командир «Сторожевого» капитан 2-го ранга запаса Анатолий Васильевич Васильев, живущий ныне в Ленинграде. (Фамилия изменена, чтобы не привлекать к нему обременительного внимания в коллективе, где он сейчас работает.)

Заочно этот человек представлялся эдаким заскорузлым службистом, который наверняка разразится потоком брани в адрес Саблина, оставившего в его судьбе столь тяжкий след: Васильев после ноябрьского ЧП уже никогда больше не ступал на мостик корабля, был снижен в звании, исключен из партии. Правда, сейчас восстановлен, но какой ценой все это далось.

Навстречу же вышел подтянутый, худощавый, очень сдержанный ленинградец, по лицу которого, несмотря на всю его выдержку, пробежала нервическая волна, едва заговорили о «Сторожевом»... Во всем остальном он прекрасно владел собой, и только время от времени лицо его трогала мучительная гримаса, которую он тут же сгонял.

Довольно скоро выяснилось, что командир не менее порядочный и цельный человек, что и герой этого рассказа. Их вынужденное столкновение придавало и без того драматической истории особый трагизм.

У Саблина с командиром были довольно ровные отношения, и он не хотел подвергать его унизительной, но все же неизбежной процедуре ареста. Поэтому он попробовал уговорить Васильева провести праздничный день на берегу. Но командир — кремень, с корабля ни шагу; в праздники служба правится еще круче, чем в будни,— неписаный закон военной жизни.

— В двадцать ноль-ноль 8 ноября 1975 года,— рассказал А. В. Васильев,— ко мне в каюту вошел без стука замполит. Был он очень взволнован, слегка бледен... «Товарищ командир — ЧП!» Я вскочил: «Что случилось? Где?!» «Там, в носу, в гидроакустической выгородке...»

Бросились вместе по трапам: люк за люком, палуба за палубой — вниз, вниз, вниз... Едва влетел в носовую выгородку, как над моей головой захлопнулась стальная крышка, лязгнули задрайки. Не сразу и понял, что произошло. Огляделся, увидел конверт с надписью «Командиру» и несколько книг из корабельной библиотеки. Письмо, в котором Саблин объяснял мотивы своих действий, ошеломило меня. Я выхватил из зажимов телефонную трубку — она молчала... Слышу, водичка за бортом зажурчала. Значит, все-таки пошли...

Отчаяние, гнев, обида были такими, что я — откуда силы только взялись! — одними руками выдавил крышку люка. Выбрался в верхнее помещение, но и оно было наглухо задраено...

И все же это не был захват корабля в духе пиратских романов... Да, Саблин хитростью заманил Васильева в ловушку. Замполит выбрал наименьшее зло, которое мог причинить в этой ситуации командиру. Единственное, чем он мог оправдаться перед самим собой за вынужденно бесчестный поступок,— это мысль, высказанная Чернышевским (она записана в саблинском конспекте): «Революционеру ради достижения его целей часто приходится становиться в такие положения, до каких никогда не может допустить себя честный человек, преследующий чисто личные задачи».

Собрав офицеров и мичманов в кают-компании, Саблин объявил о своем решении «превратить корабль в центр политической активности» и предложил каждому сделать свой выбор. Голосование проходило так: замполит раздал всем красные и зеленые кружки. Зеленый — «за», красный — «против». Зеленых набралось что-то около дюжины. Остальных закрыли в кубрике, хотя они и не собирались вмешиваться в ход событий. Сделано это было для того, чтобы потом их не обвинили в соучастии.

План Саблина был дерзок и на первый взгляд невыполним: перейти за ночь из Риги в Ленинград, войти в Неву и бросить якорь на месте исторической стоянки «Авроры» — против моста лейтенанта Шмидта, стоять там до тех пор, пока ему не дадут возможность выступить по телевидению. В противном случае он передал бы в эфир текст своего заявления с корабельных антенн.

Саблин давал себе на успех сорок шансов из ста.

Он прекрасно знал, сколь низка была боевая готовность флота, парализованного брежневщиной: показухой, бумажной паршой, казнокрадством, бюрократизмом. «Лицом к начальству, спиной к врагу»,— горько пошучивали в те времена моряки.

Сорок из ста — это много. В более поздние времена мы стали свидетелями, увы, еще более маловероятных событий. Уж куда как абсурдна посадка западногерманского самолета на Красной площади. Но это стало возможным лишь потому, что армия и флот еще не оправились от той болезни, которая лихорадила Вооруженные Силы под эгидой недогенералиссимуса.

Замысел Саблина вполне мог удасться, если бы не одно обстоятельство. При съемке корабля с якоря выпрыгнул за борт некий мичман и добрался до подводной лодки, стоявшей в парадном строю перед «Сторожевым». Командир подводной лодки не поверил в сбивчивый рассказ мичмана, но все же доложил на берег, и спустя какое-то время — пока информация не докатилась до Москвы — на перехват «Сторожевого» вылетели боевые самолеты с приказом потопить корабль, если он не повернет на обратный курс.

Где-то в Ирбенском проливе скоростные бомбардировщики настигли цель и дали предупредительный залп. Очередь крупнокалиберного пулемета прошила дымовую трубу. Тогда боцман освободил командира, и тот, вооружившись пистолетом, взбежал на мостик, где у машинного телеграфа стоял замполит. Васильев выстрелил, пуля попала в ногу, Саблин присел, скорчился... Все было кончено. Его отнесли в каюту, поставили у двери часового...

Утром 9 ноября «Сторожевой» вернулся в Ригу.

После всего прилетал из Москвы главком ВМФ адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков, проверял корабль, расспрашивал моряков... Удивлялся: «Не понимаю, как у такого командира могло случиться такое ЧП?!»

На общем собрании никто из коммунистов так и не смог сказать ничего дурного о командире «Сторожевого» — грамотный моряк, честный партиец, исполнительный офицер, добрый семьянин. Не за что было и зацепиться. Секретарь парткомиссии увел Васильева в свой кабинет. «Сдай партбилет, Васильич. Иначе наверху нас не поймут».

На всей дальнейшей службе Васильева был поставлен размашистый крест.

— Саблина на корабле уважали и офицеры, и матросы,— вспоминает Васильев.— Ровный, тактичный, эрудированный. Работать с людьми умел и любил. По службе его никто не затирал. Напротив, ему открывалась престижная вакансия быть замом командира по политчасти на тяжелом авианесущем крейсере «Минск»... Он пожертвовал всем... Как человека я его понимаю... Как офицера? Он же ничего не добился... Не так надо было делать...

С приходом корабля в базу Саблин был арестован и отправлен в Москву.

Следствие по его делу было несложным. Саблин ничего не отрицал, всю вину брал на себя и в последнем слове просил, чтобы матросов «Сторожевого» не отдавали под трибунал...

Пока лежал в тюремном лазарете (пуля пробила ногу), писал родителям бодрые письма.

«24.03.76 г.

Здравствуйте, дорогие мои мамочка и папочка!

...У меня все хорошо. Продолжаю поддерживать здоровье и настроение на должном уровне. Много читаю, так как здесь очень хорошая библиотека. Стараюсь меньше сидеть и лежать, а больше ходить. На прогулках напеваю песни, что помогает прочищать легкие и поднимает жизненный тонус...

Я недавно выслал на имя Коли (старшего брата.— **Н. Ч.**) *небольшую повесть о собаке Дике. Написал ее в феврале*. Это и есть то занятие, которым я заполнял время, когда библиотека не работала. Сам понимаю, что по технике литературного исполнения она (повесть) слабовата, но поручил Коле изыскать возможность издать ее. Это была бы материальная поддержка для Нины. Я вложил в описание удивительной жизни Дика столько труда и любви, что решил посвятить эту повесть маме. Понравится ли она тебе, мама, не знаю, но я очень старался...»*

«3.06.76 г.

...Только что получил ваше первое письмо из Белыни. Именно такие подробные письма о всех мелочах в вашей жизни для меня очень ценны и дороги!

...Спросите у Прыгуновых (соседей.— **Н. Ч.**), *понравилось ли корове сено, которое мы с папой так усердно спасали от дождя. Пишу и чувствую запах сена. Хорошо!*

...О себе мне как-то и писать нечего. Читаю Ромена Роллана о Бетховене, Толстом и Микеланджело. Назвал он свою книгу «Героические жизни», но в этих жизнях больше страдальческого, чем героического...

Прочитал «Письма из Сибири» — это сборник писем Кирова, Свердлова, Куйбышева и других революционеров своим родным и близким. Впечатляющая книга.

Режим выдерживаю строгий и разрешаю себе не делать физзарядку только в воскресенье. Ну, а в субботу, как положено — большая приборка. То есть поддерживается флотский порядок и режим. Так что обо мне не беспокойтесь. Берегите себя!»

Он изо всех сил старался поддерживать в стариках веру, что жизнь у него не отнимут.

После нескольких месяцев зловещего молчания пришел тонкий конверт. Из него выпало вот это:

«Свидетельство о смерти.

Гражданин Саблин В. М. умер третьего августа 1976 г. в возрасте 39 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти 1977 года февраля месяца 22 числа произведена запись за № 344. Причина смерти — (прочерк). Место смерти — (прочерк)».

Расстрелян...

По странному совпадению в номере свидетельства о смерти оказались цифры бортового номера его корабля.

Возраст Саблина указан ошибочно. Когда его расстреляли, ему было 37 лет (как и лейтенанту Шмидту).

Михаил Петрович Саблин пережил сына на шесть месяцев. Он умер в январе 1977 года. Не выдержав смерти двух самых дорогих для себя людей, скончалась спустя полгода и Анна Васильевна Бучнева, мать Валерия Саблина.

* * *

Знаю, что история Саблина вызовет разные толки. Найдутся и такие, что усмотрят в поступке Саблина чуть ли не попытку военного переворота. Да и что это, мол, за дела, если все будут выступать подобным образом?!

Да полноте! Был в старом русском флоте обычай: команда, горячо не согласная с чем-либо, становилась во фронт и не расходилась до тех пор, пока не придет командир и не выслушает ее обиды. Это называлось «заявить претензии». Нечто подобное и намеревался сделать Саблин: «стать во фронт» на виду города Ленина и «заявить претензию» на чудовищную неправду нашей жизни, на искажение ленинских идей, на самоуправство брежневской элиты...

* Эта повесть не дошла до адресата и исчезла бесследно

Саблин не нарушил военной присяги в самом, пожалуй, главном: «Я клянусь... до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине...»

В прощальном письме к сыну Валерий Саблин напишет: *«Дорогой сынок Миша! Я временно расстаюсь с вами, чтобы свой долг перед Родиной выполнить. Не скучай и помогай маме. Береги ее и не давай в обиду.*

В чем мой долг перед Родиной?

Я боюсь, что сейчас ты не поймешь глубоко, но подрастешь, и все станет ясно. А сейчас я тебе советую прочитать рассказ Горького о Данко. Вот и я так решил «рвануть на себе грудь и достать сердце»..»

«Ну, и чего добился Саблин своим выступлением?» — спрашивают скептики.

Да, внешне ничего особенного не произошло: вышел корабль из парадного строя вечером, а под утро снова занял свое место. Никто из рижан этого даже и не заметил. Выйти в эфир он не успел. И все же весть о «Сторожевом» облетела по матросско-офицерскому телеграфу все флоты.

В год гибели Саблина на экраны страны вышел фильм о Брежневе «Повесть о настоящем коммунисте». Смотреть этот кинопанегирик нас, офицеров подплава, заставили в организованном порядке. Ретивые устроители просмотра попытались заставить зал спеть под занавес «Интернационал». Но зал безмолвствовал.

Чего он добился?

Лично мне, узнав правду о Саблине, жить стало легче. Я думаю, и многим другим тоже.

Брежневщина паразитировала на страхе общества перед сталинской костоломной государственной машиной. Саблин попытался развеять этот убийственный страх. Надо ли говорить, каким отчаянным мужеством надо для этого обладать? И еще об одном никак не умолчать. О том, с каким достоинством и горьким смирением несла свой крест все эти годы обезглавленная семья Саблиных. И хоть не тридцатые, не сороковые, ох, не сладко и в наши дни быть женой и сыном «изменника Родины».

Едва только военный городок потрясла весть о «Сторожевом», об аресте Саблина, как верхний сосед по подъезду, некто капитан Белоусов, тут же стал улучшать свои жилищные условия за счет опальной семьи. Взломал дверь, принес свои вещи — убирайтесь, и все!

Сразу же замолчал телефон. Кое-кто из бывших друзей поспешил забыть дорогу к дому № 26 по улице Ушакова.

Конечно, далеко не все смотрели на Саблиных косо. Несколько раз заходил в гости старпом, капитан 3-го ранга Новожилов, спрашивал, не нужна ли какая помощь. Заглядывали и другие офицеры. Но потом прекратились и эти визиты. Кольцо отчуждения росло и ширилось. И Нина решила уехать из Балтийска в Калининград, а потом и вовсе перебралась из чужого города в Ленинград, к маме. Там и сейчас живет в Веселом поселке, где не так уж и весело,— далекий новостроечный район.

Раковины и морские звезды лежат на полках старенького серванта. Меж ними затерялась моделька корабля. Разостланный шлюпочный флаг. Книги с его пометками. Книги из серии «Пламенные революционеры», которую он собирал.

Тикает будильник — подарок на свадьбу. А этот кошелек — все, что вернули из Лефортовской тюрьмы.

Вот и весь домашний мемориал.

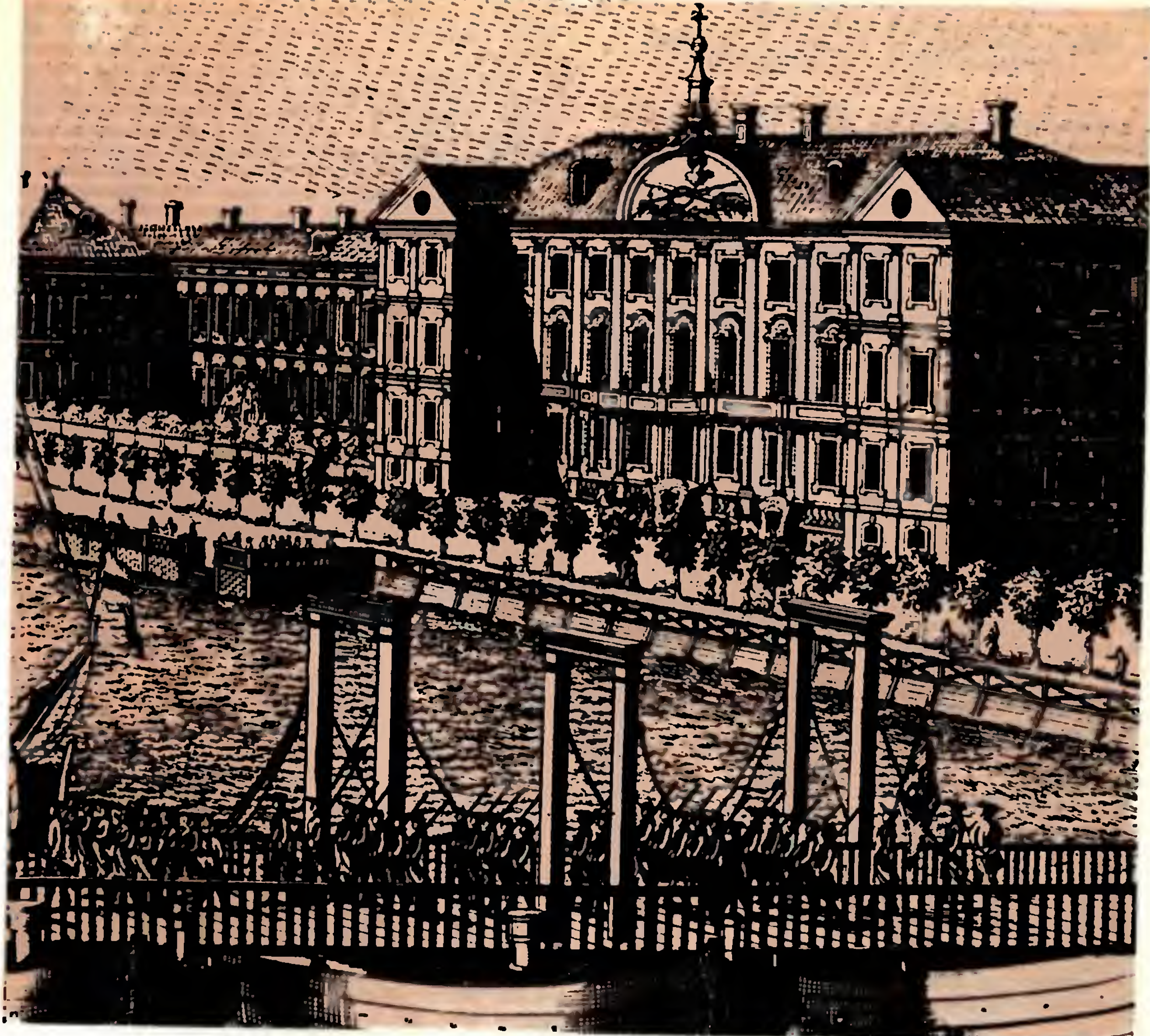
У Нины Саблиной, хозяйки дома, милая и робкая улыбка. Впрочем, она исчезает мгновенно, и все чаще лицо каменеет в печали.

Работает в стройуправлении, вечера коротает со своей мамой — пожилой и болезненной. Сын недавно женился. Живет в центре. Обещал сегодня прийти.

Что стало с кораблем? Он и сейчас несет свою ратную службу, и несет ее на отлично. И хотя уже не один экипаж с той поры сменился, моряки знают, на каком корабле они служат. И держат марку.

Некоторые из однокашников Саблина уже стали адмиралами...

Москва — Горький — Ленинград

Здание, где первоначально помещалась Российская Академия. Гравюра М. И. Махаева. 1753.

РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

ДОКЛАД КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
август 1783 года

Всепресаетлейшей державнейшей, великой государыне, императрице и самодержице асероссийской от директора Санкт-Петербургской Академии наук княгини Дашковой,

всеподданнейший доклад

Вследствие высочайшей вашего императорскаго величества воли имею счастие представить краткое начертание Российской Академии.

Никогда не были столько нужны для других народов обогащение и чистота языка, сколько стали оныя необходимы для нас, несмотря на настоящее богатство, красоту и силу языка российскаго. Нам нужны новыя слова, вразумительное и сильное оных употребление для изображения всем и каждому чувствований благодарности за монаршия благодеяния, толико же доселе неведомыя, сколь не изсчетныя для начертания оных на вечныя времена с тою же силою, как оне в сердцах наших, и с тою красотою как ощущаемы в счастливой век Вторыя Екатерины.

Естли сие краткое первоначальное начертание, представленное исполнением своим веку Второй Екатерины, как и другия многия безсмертную славу заслуживающия учреждения, удостоится высочайшей аппробации, то осмеливаюсь всеподданнейше испросить для произведения онаго в действие вашего императорскаго величества всемилостивейшаго указа.

Всемилостивейшая государыня
вашего императорскаго величества
на подлинном подписано:
всеподданнейшая раба Екатерина Дашкова.

Августа, ..., дня 1783 года

ИЗ КРАТКОГО НАЧЕРТАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ, СОСТАВЛЕННОГО Е. Р. ДАШКОВОЙ
1783 год...

Императорская Российская Академия состоять имеет единственно под покровительством Ея императорскаго величества...

2-е. Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение российскаго языка, общее установление употребления слов онаго, свойственное онаму витийство и стихотворение.

3-е. К достижению сего предмета должна сочинить прежде всего российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения.

4-е. Как таковаго рода книги не могут быть сочинены одним человеком, то и нужно общество. Учреждение таковых добровольных обществ до сего времени частию или по недостатку средств, или по несогласию членов никогда существовать не могло; а посему и должны члены Императорской Российской Академии зависеть от вышней власти, утверждающей существование и распространению оной способствующей[...]

8-е. Кроме членов имеет быть председатель, имеющий и почести и голос равные каждому члену, кроме председательства.

9-е. Собраниям быть каждую неделю один раз, а по окончании каждаго да дастся присутствующему члену жетон, а признанные по большинству баллов отличившимся трудом и пользою имеют получить по окончании года в собрании, празнуемом учреждение Академии, большую золотую медаль, каковою снабжает ежегодно разделяющая награждения верховная власть[...]

12-е. На первой случай выбор членов будет из известных людей, знающих российский язык, коих числом не менее 35-ти быть должно.

13-е. Прочие члены и впредь выбираются на убылые места балотированием.

14-е. Убылое место иначе сделаться не может, как смертию какого-либо члена.

15-е. В кандидаты представляет каждый член и председатель одного.

16-е. В секретари предлагает председатель, а не члены, на каждое место двух кандидатов, и они избираются баллотированием же; но председатель баллов не кладет, потому что он волен избраннаго не признать, а предложить к баллотированию другаго.

РЕЗОЛЮЦИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ПО ПОВОДУ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
30 сентября 1783 года

Княгиня Катерина Романовна! Прочитав доклад Ваш о заведении Российской Академии, Мы с особливым удовольствием приемлем в нем Вами представляемое, повелевая **первое:** председательство в ней препоручаем Вам на основании, в докладе Вашем изображенном. **Второе:** составить сию Академию из желающих принять на себя добровольно сей труд, да и впредь наполнять оную таковыми же желающими, кои нужныя знания и способности иметь будут. **Третие:** о потребных суммах указ Наш дан будет, обращая в число их деньги, положенные на Комиссию для переводов, которая ныне не нужна будет. **Четвертое:** приемля сию Академию под покровительство Наше, Мы позволяем сделать для нее подробныя разпоряжения и наставления, заимствуя оныя из плана, Вами поданного. Впрочем желая Вам в предлежащем полезном обществу деле добрых успехов, пребываем Вам благосклонны

На подлинном подписано собственною Ея императорскаго величества рукою тако:
Екатерина.

В Санкт-Петербурге. Сентября 30 дня. 1783 года.

ЦГАДА СССР, ф. 1239, «Дворцовый архив»

ИЗ ДОКЛАДА ПРЕЗИДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ А. С. ШИШКОВА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I
29 мая 1818 года

В Бозе почивающая бабка вашего императорскаго величества Екатерина II, находя, по примеру всех просвещенных в древния и новейшия времена держав нужным и полезным учредить ученое сословие, которое бы пеклося о корне словесности и всех вообще наук и познаний, об отечественном языке своем, основала Российскую Академию. Ваше императорское величество благоволили утвердить оную. Но по сие время не имела она твердаго постановления, состоящаго в данном ей уставе, который бы с определенными в нем средствами и наставлениями мог сообразно тому намерению, с каким оная учреждена, служить ей руководством в ея деяниях и способствовать к распространению круга попечений ея с должным для пользы Отечества успехом. Сие было причиною, что она в 32-х летнее время существования, при всем своем усердии, не могла для напоения жажды учения принести таких обильных плодов, каких при достаточных заблаговременно положениях и средствах надлежало бы от нея ожидать. Вашему императорскому величеству угодно было повелеть мне написать сей устав. Вследствие сей высочайшей воли, по сношению моему с членами Академии, и входя во все нужныя для сего обстоятельства и подробности, составил я оный, основываясь на следующих правилах:

I. Академия есть сословие свободное, состоящее из членов разнаго звания, разными должностями обязанных, собирающихся в академическия заведения добровольно: и добровольно же по способностям и досугам каждаго упражняющихся в языке и словесности. Сие свободное сословие учреждено с тем, чтобы оно, имея определенные доходы, старалось по соразмерности оных употреблять их: 1) на заведение всего для Академии нужнаго и способствующаго к исполнению ея намерений. 2) На издание книг, определяющих язык и распространяющих словесность. 3) На возмездие и поощрение тем, которые особенно и отлично сим трудам себя посвятят. Из сего состава Академии явствует, что все сии деяния не могут иначе совершиться и быть благоуспешны, как по общему всех членов ея разсуждению и согласию: если что либо в ней будет делаться без общей воли, или по общей воле не делаться, то уже она не будет больше Академия, но некое никакими узами не связанное, недействующее и следовательно безполезное общество. Академия, носящая на себе названия: 1) Императорской, 2) Российской, уже самыми сими названиями показывает, что она есть важное и во всех государствах таковым признаваемое сословие; ибо каждая просвещенная держава основывает на процветании отечественнаго языка и словесности своей, коих Академия есть страж, и надобность свою и славу: а потому согласно с составом и существом своим, долженствует она состоять под особенным императорскаго величества покровом, относиться во всех надобностях и делать представления свои государю императору чрез министра духовных дел и народнаго просвещения; располагать же получаемыми ею доходами с общаго согласия членов и ежегодно в торжественных заседаниях давать гласный отчет приходам своим и расходам [...]

III. Поелику Академия должна стараться о составлении правил, о показании свойств, о распространении знаний языка, и как оная с тем основана, чтоб быть охранительницею его от всех могущих повреждать и потрясать оный худых навыков, несправедливых толков и вводимых в него злоупотреблений, то разбор книг, или критическия суждения долженствует она почитать одною из главнейших своих обязанностей. Сия обязанность ея тем нужнее, что без нея не может она успевать в своих намерениях, и тем важнее, что вкрадывающияся в язык несвойственности и несогласныя с здравым разсудком слова и выражения часто от необращения на них внимания укореняются в нем и при всей своей невразумительности становятся употребительными; а как неясность и нечистота языка, преклоняя его к упадку, затмевают разум всех узаконений и наук, то и оныя вместе с ним теряют определительность и точность свою. Для того благоразумная критика должна недремно бодрствовать, не давать самолюбию писателей, остроумных иногда, но худо знающих язык свой, портить, колебать оный, и вводить в него несвойственные обороты и речения, чрез что делается он невразумительным и теряющим природную свою красоту, важность и достоинство. Французская Академия разбором Корнелиевой трагедии Сида отдала славному творцу ея должную справедливость, похвалила и объяснила достойное похвалы, изобличила погрешности против языка, принесла пользу ему самому и другим, и поныне служит образцем хорошей, справедливой и полезной критики. Но между тем чувствовать в сочинениях изящное и видеть худое требует совокупления в человеке многих сведений, совершеннаго в языке своем знания, проницательнаго ума, безпристрастнаго сердца и при том долговременнаго в сем роде упражнения. Соединение всех сих обстоятельств тем реже, что трудность (как и выше сказано было) сделаться хорошим академиком и критиком сопряженная с невыгодностию посвятить себя такому упражнению, которое хотя при неусыпном труде и приносит великую пользу просвещению, но не приносит соразмернаго возмездия трудящемуся, есть причиною, что при великом числе всякаго рода писателей, весьма редко видим мы искусных академиков и благоразумных критиков. Между тем польза языка, словесности, а с ними купно просвещения и самой нравственности, требует того непременно: ибо без сих нужных наставлений и без сих должных обуздываний невежества, возрастающая юность, заражаясь ложными понятиями и увлекаясь худыми примерами, неоснованными ни на каких истинных правилах и здравых разсуждениях, ко вреду себе и другим отчасу более уклоняться будет от света ума и правды. Итак если Академия есть страж языка (ибо чтож она иное?); то и должно ей со всевозможною к общей пользе ревностию вооружаться против всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, ненравственнаго в языке. Но сие вооружение ея долженствует быть на единой пользе словесности основанное, кроткое, правдивое, без лицеприятия, без нападений и потворства, не похожее на те предосудительныя сочинения, в которых, под мнимым разбором, пристрастное невежество или злость расточают недостойныя похвалы или язвительныя хулы без всякой истины и доказательств, в коих одних заключается достоинство и польза сего рода писаний. По сим причинам Академия должна прилагать всевозможное попечение, дабы таковых искусных и ревностных блюстителей отечественнаго языка иметь между своими членами, выискивать сии таланты, ободрять и награждать их по мере труда и достоинств.

IV. По сие время Академия не имела у себя почетных членов; но нужно иметь оных по разным причинам: 1. дабы Академия состояла из знатнаго числа почтенных и знаменитых особ, придающих ей ту важность, какую она, как императорское ученое сословие одного из древнейших, обширнейшаго царства, языков, иметь долженствует; 2. нужно ей со многими славенских наречий профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми сноситься; и буде кто из них изследованиями и трудами своими о славянских народах и языке их, или выписками из древних редко встречающихся книг доставить в нее какия-либо новыя, достойныя любопытства открытия и сведения, таковому Академия, как попечительница обо всем подобном, долженствует дать название почетнаго члена с приличным, по разсмотрению ея, единовременным или всегдашним награждением.

V. Главная должность Академии состоит в попечении об языке. Она приводит его в правила, вникает в состав его и свойства, раскрывает его богатство, показывает силу, краткость, высоту, ясность, благородство, сладкозвучие; устанавливает, определяет, разверзает, распространяет его; очищает от вводимых в его несвойственностей, хранит его чистоту, важность, глубокомыслие, и сими средствами полагает твердое основание словесности, красноречию, стихотворству, наукам, просвещению. Ибо без знания языка все молчит. Самое острое понятие, самый глубокий ум, самое редкое дарование не могут без него быть совершенны, не могут, как заключенный в коре алмаз, ни блистать, ни правиться, ни наставлять, ни просвещать. Итак распространение языка, есть великое, полезное и важное дело. Се подвиг и бремя Академии! Но прилагая всевозможное попечение о нем, да и не оставит она старания видеть его цветущим в повествованиях, в красноречии, в стихотворстве. Сия есть ея вторая обязанность. Да бодрствует, да заботится, да придумывает средства, да созидает она охоту в любителях словесности, поощряя их к тому справедливыми похвалами и достойными наградами.

Если Вашему императорскому величеству благоугодно будет устав сей утвердить, тогда постановленная на твердой стопе и одушевленная благотворением монаршим Российская Академия будет иметь все способы к действованию и выполнению той цели, с какою оная учреждена.

Всемилостивейший государь! На сих разсуждениях и правилах основан устав сей, который вместе с собою дерзаю повергнуть к священным Твоим стопам.

Резолюция. Быть по сему.

Полное собрание законов Российской империи, Спб., 1830, т. 35, № 27380.

Публикация кандидата филологических наук Светланы ДОЛГОВОЙ

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова

Неудивительно, что в конце 80-х годов XX века история образования Российской Академии привлекает не только внимание специалистов, и архивные документы XVIII столетия опять оказались современными. Вопрос о создании Российской Академии вновь на повестке дня. 24 января 1990 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ об ее учреждении. Лично я рад этому. Ведь у каждой республики, кроме, как это ни парадоксально, самой крупной — Российской Федерации, давно есть своя Академия.

Из опубликованного журналом «Краткого начертания Императорской Российской Академии» Е. Р. Дашковой следует, что в XVIII веке это было сугубо гуманитарное научное учреждение. Что же касается нашего времени, то, как мне кажется, Академия должна включать в себя все отрасли науки. Такова тенденция развития научного знания. Да и отраслевые академии, существующие у нас в стране (сельскохозяйственная, педагогическая, медицинская), не раз обнаруживали свою неэффективность именно в силу известной обособленности. Так что вряд ли целесообразно вырывать еще какой-нибудь раздел науки и создавать для него отдельную академию.

Еще одна проблема. Следует ли передавать будущей Российской Академии некоторую часть научных учреждений из системы «большой» Академии? Думаю, что нет. Ведь громадные подразделения могут оказаться тогда как бы не у дел. Как быть, скажем, с Институтом всеобщей истории, с Институтами этнографии или славяноведения и балканистики? Там ведутся исследования, посвященные не только России, но и остальным республикам, изучаются другие страны. Тогда, может быть, оставить эти институты центральными, а Российской Академии придать самостоятельную сеть научных учреждений? Это тоже не выход. Разве ученые Российской Федерации могут заниматься исключительно «местной тематикой»? Да и не стоит, по-моему, разрушать и усложнять сложившуюся систему научных связей.

Перспективы науки сейчас, бесспорно,— демократизация и децентрализация, и каждый институт со временем превратится в автономное научное учреждение. Академия, и не только Российская, должна, в свою очередь, стать не бюрократической надстройкой над наукой, а своеобразным мозговым трестом, независимым союзом ученых. Она будет выдвигать актуальные исследовательские проекты, объявлять конкурсы, поддерживать наиболее важные научные разработки. К тому же она возьмет на себя обязанность контролировать доведение всех проектов до логического конца, их внедрение. А громоздкий аппарат нынешней Академии не в состоянии справиться ни с одной из этих задач. Поэтому лучше, чтобы в Российской Академии было сравнительно небольшое число членов, может быть, без деления на академиков и членкоров.

Конечно, Академия в качестве вневедомственного независимого форума — это идеал. Но почему бы не начать его воплощение с Российской Академии наук?

Иван КОВАЛЬЧЕНКО, академик

НАЙДИТЕ НАШИ ДУШИ

Заголовок синей «деловой» папки, хранящейся в сейфе одного из отделов МВД СССР, лаконичен: «Дети, пропавшие без вести». Внизу маленькое уточнение: «девочки». Значит, есть и та, где написано «мальчики». И наверняка еще несколько подобных папок, куда занесены сведения о взрослых — мужчинах, женщинах, стариках... Всех канувших в Лету. Какой Харон перевозил их туда?!

Но взрослый есть взрослый. Он может защищаться, как-то реагировать на случившееся, бороться... Даже самые неприспособленные имеют одно важное преимущество перед попавшим

в беду ребенком — опыт прожитых лет. Маленькое же существо оказывается совершенно беззащитным перед насилием. Именно поэтому общество, казалось бы, должно в набат бить, во все колокола звонить, организовывать всевозможные специальные комитеты, фонды и т. д., даже если бы **во всей стране в мирное время пропало без вести** всего пять или шесть детей. Но этого нет. А число неразысканных несовершеннолетних за последние пятнадцать лет достигло уже полутора тысяч. Причем пропавшие без вести дети вовсе не обязательно оказываются в руках сексуальных маньяков или убийц. Хотя и это случается.

— Жи-и-и-вая! — аж закатывается в восторге маленькое существо, состоящее из жиденьких косичек, огромных бантов и гремящего ранца. И, боясь — а вдруг этот удивительный дядя передумает и ей не удастся поиграть с живой обезьянкой,— торопится его поразить: — Я ей подарю свой пенал, он у меня красивый. И яблоко. Она любит яблоки?

Заручившись таким образом согласием чудесного обладателя обезьянки, Маша деловито взяла его за руку, и они двинулись в гости к веселой Чите.

Домой девочка не вернулась.

А через месяц, когда оглушенные горем родители уже перестали обзванивать приемные отделения больниц и допытываться у работников морга, не скрывают ли те от них тело единственной дочери, когда они поняли безнадежную бессмысленность своих ежедневных, точно на работу, приходов в отделение милиции, в подвале старого дома подростки нашли засыпанный землей и, судя по запаху, уже разлагающийся труп.

Позже задержали и преступника. Как многие маньяки, он был изобретателен и осторожен во всех деталях, которые касались того, чтобы не вызвать у ребенка подозрений, чтобы никто из посторонних не заметил его рядом с жертвой. По сути дела, он был «невидимкой»... Подвела тяга к «приятным ощущениям» — он фотографиро-

вал все стадии своих издевательств над детьми.

К сожалению, именно детям чаще всего приходится расплачиваться сполна за все пороки. По какому-то до абсурдности несправедливому закону самые слабые становятся жертвой сильных...

Молодая пара заявляет о нападении. Рассказывают, как вечером они возвращались домой с маленьким ребенком, как неизвестный вырвал у них из рук крошечное существо и убежал. Вскоре милиция находит труп ребенка в канаве. Разыскивают и «неизвестного» — им оказывается старый знакомый семейства. Вся ситуация была заранее спланирована родителями убитого ребенка.

Нельзя сказать, что этот случай — нечто из ряда вон выходящее. Любой розыскник с ходу вспомнит десяток подобных. Почему же, имея гарантированное законом право отказаться от ребенка официально, сдать его в детский дом или в интернат, люди **сознательно** выбирают преступление?! Неужели только из-за сложности процедуры отказа?

Впрочем, не менее трагичными оказываются случаи «бескровные». В больницу пришли двое — мужчина и женщина. С ними — тяжело больной ребенок, которого они оставили в приемном отделении. Больше эта пара не появлялась. Имена они назвали вымышленные, и разыскать их не удалось. Ребенок был отдан в детский дом.

Таких детей, живых, но все равно «БП» — 64 по всей стране. Подкидыши... Такого ребенка вряд ли когда-нибудь отдадут на усыновление — врачи ничего не знают о состоянии здоровья малыша и его родителей, не могут предупредить возникновение патологии. Вот и будет для всех подкидыш «темной лошадкой». Когда он вырастет, ему снова не повезет — у «отказников» есть юридическое (хоть такое!) право на часть жилплощади родителей. У подкидыша нет и этого. Даже угол в общежитиях ему дают со «скрипом». А все потому, что всем подброшенным и неустановленным детям (по другим ведомостям это «БП») выдают новое свидетельство о рождении, по которому ребенок считается **коренным** жителем данного города. По положению об общежитиях места в первую очередь предоставляются иногородним.

Ежегодно около 60 детей (обычно самых здоровых и хорошеньких) воруют из роддомов. Бывает, детей продают, словно поросенка или курицу. Недавно на Киевском вокзале женщина продавала... мальчика. Недорого — всего за 100 рублей. И хотя мамаша явно принадлежала к племени алкоголиков, и, следовательно, и ребенок вряд ли был полностью здоров, мальчика купили. Какие-то сердобольные люди пожалели его и усыновили. А может, и хорошо, что малыша продали? Может быть, мальчику просто невероятно повезло,

что его матушка оказалась на мели и таким способом решила поправить свое финансовое положение? Будем надеяться, что его купили люди порядочные и малыш счастливо избежит судьбы тех детей, которых воруют бичи, воспитывая их по своей особой системе. Потом, когда ребенок подрастет и никого уже не сможет разжалобить, его бросают на произвол судьбы. И воруют следующего...

Позволю прибегнуть к протоколу очень типичного дела о «БП»: «В приемник-распределитель для несовершеннолетних поступил ребенок. Он утверждал, что ему 8 лет. По данным медицинского заключения он должен быть старше. Мальчика бросила у случайных знакомых на хуторе женщина (на вид ей лет 60), которая называла себя его матерью. По свидетельству хозяев хутора, с мальчиком она вела себя жестоко, била его, заставляла ребенка попрошайничать возле церквей и в электричках, принуждала пить и курить. За отказ жестоко избивала. Водила мальчика по притонам, часто не давала есть. Случалось, ребенок ночевал в скирдах, просто на улице... Органами милиции мальчик направлен на лечение в санаторий для туберкулезных детей. Ведется расследование».

Убийства детей встречаются в практике розыскников редко. Чаще — будничные, серые истории. И они-то, без изощренного насилия, самые страшные. Безликая вереница обыденных случаев, где сталкиваются подлость и лицемерие, непорядочность и алчность, жестокость и неразборчивость в средствах,— обратная сторона лозунговой морали и мера глубины нашего падения в пропасть бездуховности.

Общую боль мы должны лечить вместе. Пока же всем кругом этих проблем занимается только милиция. И слова «ведется расследование» — сегодня естественное и единственно возможное завершение каждой трагедии маленького человека. Только вот естественное ли?

Елена ВИШНЯКОВА

ПОЛИТИКА И МЫ

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

ДО ОСНОВАНЬЯ... А ЗАТЕМ?

Рубрику ведет Сергей ВАСИЛЬЦОВ, доктор исторических наук.

То, что опросы общественного мнения стали распространенным явлением нашей жизни, понятно и закономерно. Глубокие преобразования общества требуют отлаженной системы «обратных связей», самая надежная среди которых опирается на социологические обследования. Они дают возможность каждому сопоставить свою точку зрения с другими. А значит, и помогают уяснить собственные политические координаты, более осознанно включаться в общественную жизнь.

Следует заметить, что в большинстве стран мира начало подобных исследований пришлось на время послевоенного устройства, когда от науки потребовали выработать методику, способную определять морально-политическое состояние общества перед его очередным серьезным шагом вперед. Со временем этим же путем пошли и государства, надолго задержавшиеся под плотной опекой авторитаризма. Скажем, в Испании только за пятилетие перехода от франкизма к парламентской демократии (1975—1980 гг.) была опрошена почти треть жителей. Что в немалой степени способствовало тому, что демократические преобразования прошли достаточно плавно и бескровно.

Сегодня и у нас к обследованию массовых ориентаций активно приступили научные центры, органы информации, отдельные специалисты. И хотя спектр интересующих их настроений остается еще весьма узким, мы все лучше начинаем узнавать себя. Правда, вне досягаемости большинства социологических зондажей лежит пока немало мощных пластов общественного сознания, в том числе историко-политического характера. Отчасти это вызвано повышенной остротой таящихся тут проблем, отчасти — сохраняющимся скепсисом к подобным исследованиям. «Ну, ответят вам две-три сотни пенсионеров, что это даст?» — так обобщенно выглядит последняя точка зрения. Редакция «Родины», надо сказать, оказалась одной из первых, кто активно поддержал подобную идею, предоставив страницы для анкеты «Политика и мы», опубликованной в сентябрьском номере журнала.

И уже первые обработанные ответы подтвердили: все опасения, будто соотечественники наши разучились мыслить, запуганы и не решатся искренне отвечать, лишены основания. Общее количество пришедших ответов на анкеты давно уже перевалило за 7 тысяч, а они все продолжают поступать. В сущности, мы получили как бы снимок умонастроений, бытующих главным образом среди россиян, к которым принадлежат почти 90% опрошенных. Хотя в исследование включились люди многих национальностей практически из всех союзных республик. Нам писали семьями, трудовыми коллективами, воинскими частями. Откликнулись не только беспартийные, коммунисты и комсомольцы, но и активисты разнообразных «неформальных» движений — от «Мемориала», ДС и «Памяти» до украинского «Руха» и народных фронтов Прибалтийских республик.

Ответы поступили от самых разных по своим убеждениям лиц, далеко не равнозначно оценивших и нашу инициативу. «Это снобистская анкета, типичная для интеллигентского отношения к прошлому и настоящему»,— упрекает молодой ученый с Украины. С таким мнением, однако, не согласна пятидесятилетняя рабочая из Ухты, которая пишет: «Низко вам кланяюсь, ничего подобного не встречала за всю свою жизнь». Для других наше обследование — попытка выжать нужные неким «инстанциям» сведения. «Где-то читал, что есть профессиональная хитрость задавать вопросы так, чтобы интервьюируемый отвечал, как надо журналисту»,— делится своими опасениями пожилой рабочий. Есть, кто говорит об этом более прямо: «Вопросы — очередная провокация. Тенденция с оглядкой на ЦК и МВД!» Есть и такие, кто, наоборот, усмотрел в анкете непростительную вольность. «Кто вам конкретно рекомендовал печатать ее? Почему вдруг возникла необходимость в анкете с политическим уклоном?» — волнуется беспартийный служащий средних лет. Ну, а кое-кто увидел здесь и возможность выплеснуть в мир накопившиеся чувства, надеясь, что они, быть может, дойдут и до руководителей страны. «Скажите М. С. Горбачеву, что перестройку он начал не с того конца! — восклицает рабочий из Орехово-Зуева.— Рубим сук, на котором сидим. Вымываем последнюю трудовую копеечку».

Многие одобряют российскую направленность ряда поставленных проблем. Но есть и такие, у кого они вызывают отрицательные эмоции. «Меня возмущает постановка некоторых вопросов, в упор говорящих только о России...» — без обиняков сообщает пожилой интеллигент из Тбилиси.

В целом же, невзирая на подобные «шероховатости», хочется выразить признательность всем приславшим ответы. Ваши замечания и критику мы учтем при составлении следующих анкет.

Знакомство с итогами данного опроса начнем с одного из самых непростых и потому интересных моментов — с отношения наших современников-читателей к событиям гражданской войны.

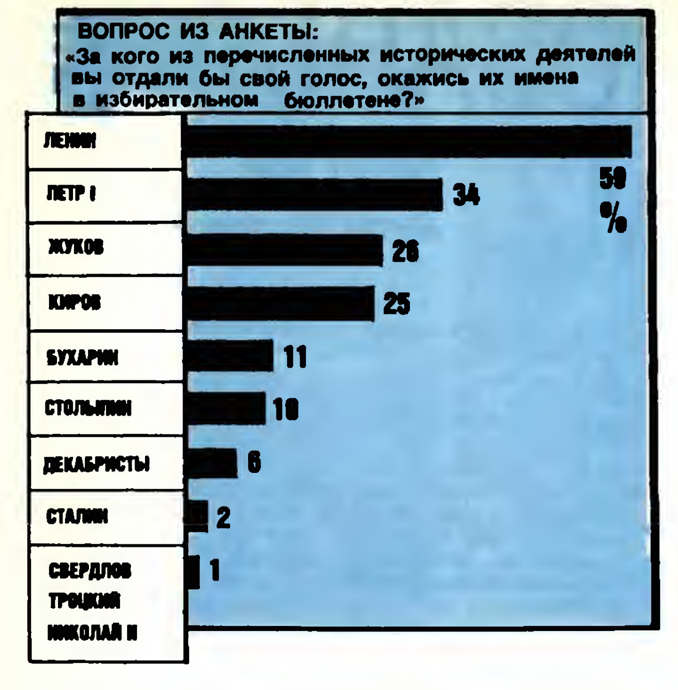
Конечно, нас могут спросить: а не новый ли это пароксизм отечественного самобичевания? Да нет, все обстоит сложнее. Из опыта многих государств известно: взрыв интереса, нередко болезненной пытливости к собственному прошлому приходится, как правило, на переломные моменты в общественном развитии. Примеров тут можно привести немало. В том числе и на Западе. Скажем, современные французы проявляют куда больший интерес к революционным событиям 1789—1794 годов, нежели ко временам завоевания римлянами Галлии или крестовых походов. Так и испанцы отводят своей гражданской войне 1936—1939 годов куда более видное место, чем даже открытию Америки.

Так удивительно ли, что и кризис советского общества, все чаще выливающийся в подлинные акты гражданской войны, заставляет наших соотечественников с нарастающим вниманием и требовательностью вглядываться в события семидесятилетней давности, из которых развился наш строй. Меняется массовый менталитет. И, скажем, старая Россия уже не видится нашим современникам «нищей и бескультурной» окраиной Европы. Подобную ее оценку в наши дни способен поддержать всего **один** опрашиваемый **из шести**. Большинство же **(53%)** полагают: не испытай наша страна всеобъемлющей революционной ломки, не прокатись по ней волны сталинских репрессий и скороспелых «экспериментов» позднейшей поры, мы, опираясь на всю свою исторически накопленную мощь, смогли бы сейчас встать в один ряд с ведущими державами мира.

Именно гражданская война видится многим тем рубежом, с которого начался отечественный упадок, скольжение вниз. И потому мало кто соглашается начинать историю нашей страны с 1917 года (см. рис. 1), хотя усилий на введение подобного летосчисления положено было немало. Что же усматривают откликнувшиеся на анкету в далеких и грозных событиях гражданской войны.

— То была трагическая ошибка, рожденная непониманием людей 57,2%
— Неизбежная схватка нового со старым, отжившим 29,6%
— Излились веками копившиеся в обществе злоба, раздражение 24,9%
— Раскол страны и братоубийство спровоцировали чуждые нам антинациональные силы 18,5%
— Народ справедливо мстил эксплуататорам 8,0%

Многое отошло сегодня на задний план: и мотив праведной классовой мести, и бездумная апология новизны, и взгляд на случившееся как на взрыв стихийного протеста. Возобладало другое. Главную причину национальной усобицы основная часть опрошенных выводит из неспособности в то время самого общества совладать с кризисом. «Вполне

возможно, что ее можно было бы избежать, если бы нетерпимость обеих сторон не была доведена до крайности»,— замечают анкетируемые.

Какими же видятся в наши дни первые шаги, направившие страну на путь братоубийственной войны? Опрос недвусмысленно указывает один из них — расстрел царской семьи. Проведи мы подобный опрос еще пять — десять лет назад, настроения людей, возможно, оказались бы другими, нежели те, которые мы выявили в результате анкетирования. Определенно что-то весьма серьезное должно было сдвинуться в сознании наших соотечественников, чтобы их оценки выстроились следующим образом:

— Все содеянное с царской семьей — преступление, которое нельзя оправдать 55,8%

— Выгоднее было бы использовать царя в качестве заложника, чтобы предотвратить интервенцию. Его убийство спровоцировало гражданскую войну, разрушило общественную мораль 40,8%

— Конечно, с позиций сегодняшнего дня казнь Николая II и его семьи выглядит делом незаконным, его следовало бы всенародно судить, однако такова была эпоха, и ничего тут не поделаешь. 12,9%

— Царя и его близких постигла суровая, но справедливая кара, и нет смысла вновь ворошить этот для всех ясный вопрос 4,6%

Все потеряло тут свою привычную простоту. Мало кого убеждают теперь ссылки на особенности того времени, на неизбежность возмездия. Наоборот, происшедшее видится именно тем рубежом, на котором еще можно было сдержать сползание страны к усобице, всеобщему попранию гуманности.

Нас могут спросить: а не возрождение ли это царистских настроений? Ничуть. Хотя бы потому, что, взяв на веру подобное объяснение, нам пришлось бы к носителям монархических идей отнести и **четыре пятых** французских граждан, не желающих в наше время оправдать казнь Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Да к тому же еще и причисляющих короля — наряду с Наполеоном I и Луи Бланом — к историческим персонам, воплотившим «лучшие черты» французской нации. Ну, а враги короля и его судьи? Как говорится, по велению судьбы, Робеспьер, Марат, Сен-Жюст пользуются теперь симпатиями всего около **трети** своих соплеменников. Как видно, с монархией, этим древним общественным институтом, сегодня ассоциируются такие понятия, как национальное достоинство, порядок, преданность традициям. И это сохраняет ее исторический престиж. Не случайно англичане, которых трудно обвинить в антидемократизме или общественной отсталости, вовсе не спешат (исключение около **5%** населения) солидаризироваться с призывом отменить устаревшую-де королевскую власть.

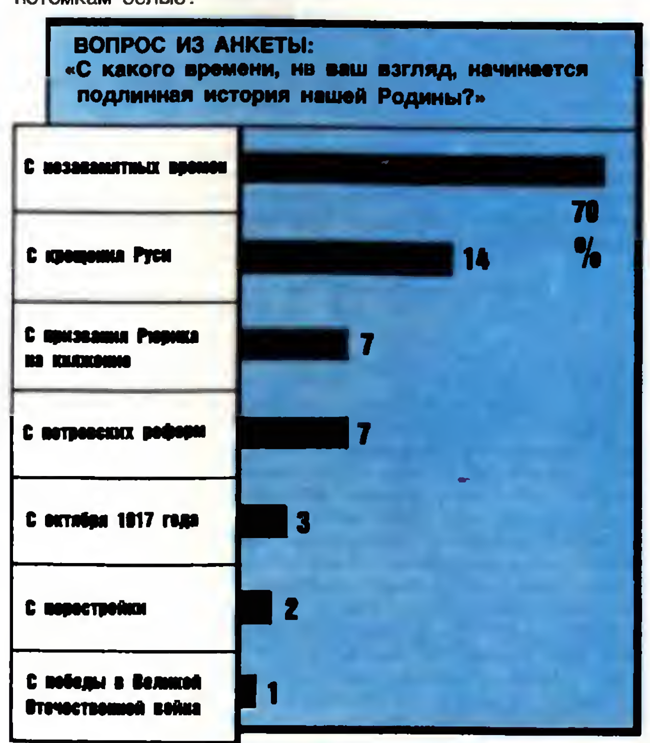
Однако вернемся к российским делам. И мы убедимся: для большинства наших соотечественников их предки, некогда втянутые в междоусобицу — победители и побежденные,— стали сегодня «своими». В них многие наши современники видят людей на свой лад честных, искренних, жизни самой не пожалевших за идеалы. Впрочем, это не мешает предъявлять им и счет за потрясшую Россию катастрофу. Вот какими кажутся нашим соотечественникам красные:

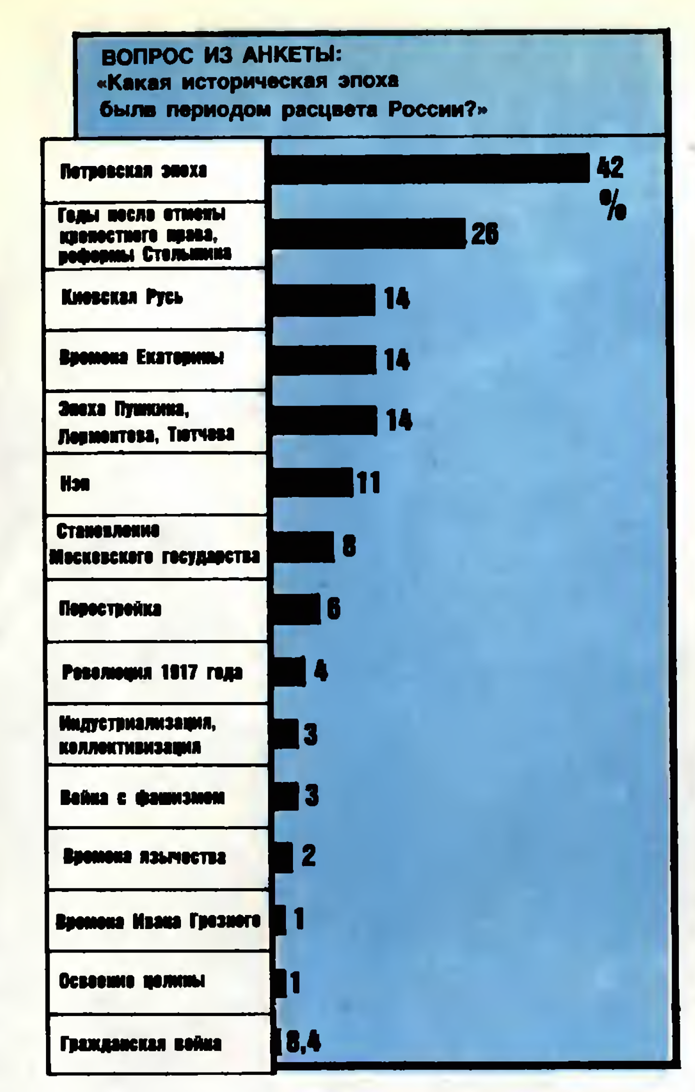
— Патриотами, мечтавшими о лучшем будущем для народа 37,3%
— Людьми честными, но обозленными, темными . . 36,7%
— Мстителями старому обществу, каравшими и правых, и виноватых.... . . . . 34,7%
— Героями, защитниками обездоленных 3,7%
— Другими 13,1%

Что в первую очередь бросается тут в глаза, так это зыбкость оценок, неустойчивое их равновесие, при котором любая способна сделаться вдруг главной. За исключением безоговорочной героизации людей, некогда истребивших «именем революции» своих политических врагов. Позитивный образ красных держится уже не на ней, а на признании за ними патриотических устремлений, преданности народу. Вместе с тем многие опрошенные подчеркивают и другое: малограмотность победителей, ненависть, нередко застилавшую им глаза, неразборчивость в средствах, жестокость. Особенно бескомпромиссно судит та группа читателей, которая не сумела отыскать в анкете созвучных своим чувствам формулировок. Их мнения эмоционально взвинчены, резки:

— Красные были заблудившимися: они верили в свою правоту, думая, что дерутся за лучшее будущее.
— Идеалистами — простыми людьми и преступниками.
— Были еще и путаники, были и подлецы.
— Пеной, всплывшей в результате октябрьского переворота.
— Завистниками, делителями чужого добра.
— Агентами вредительской творим классовой борьбы плюс неудачниками при старом режиме.
— Орудием в руках масонов.

Одновременно изменились и взгляды на тех, кто сознательно или в силу стечения обстоятельств оказался по ту сторону баррикад. Безапелляционно уничижительные их характеристики пошатнулись. Монархиствующие уголовники, взбесившиеся от пресыщения хищники-миллионеры, впавшие в параноидальное озлобление, и спивающиеся хлюпики-интеллигенты — все эти образы, вдосталь покочевавшие по страницам художественных произведений и экранам кино и телевизоров, перестали олицетворять ту крайне разноликую массу, что противостояла красным. Кем же кажутся потомкам белые?

— Людьми, вынужденными защищать себя, близких, свой мир 60,7%
— Патриотами, отстаивавшими национальное достоинство, традиции, честь 29,2%
— Идейными сторонниками старого строя, монархии 28,9%
— Угнетателями, бившимися за свои капиталы и привилегии 12,0%
— Людьми, искренне заблуждавшимися 11,4%
— Другими 3,0%

Очевидна куда большая, чем у их противников, целостность образа белых. Даже негативные черты окрашены в нем чем-то напоминающим уважение к последовательному и стойкому недругу. А многие взгляды носят уже и чисто позитивный характер — подчеркиваются патриотизм белых, верность долгу, национальной культуре. И над всем этим господствует, перекрывая прочие точки зрения, основное — ореол жертвенности, трагизм судьбы людей, принужденных поворотом истории защищать свою жизнь, все, что было им свято и дорого.

В парадоксальной порою форме даются оценки белого движения в ответах все той же, имеющей свое собственное мнение, группы читателей. Похоже, что вопрос этот вообще сделался для них чем-то вроде повода для выражения личного социального протеста и негодования. Сама шкала предлагаемых оценок выглядит у них как бы перевернутой, по принципу: «красные — это белые, белые — это красные». Откровеннее, наверное, и не передать нынешнего смятения национальных и политических чувств немалого числа россиян:

— Белые были людьми, слепо преданными старой присяге.
— И патриотами, и реакционерами.
— Глубоко несчастными людьми.
— Людьми, уважавшими русскую культуру.
— Противниками разрушения, анархии, жестокости, голода.
— Провидцами, знавшими, к чему приведут Россию дилетанты.
— Цветом нации, золотым генофондом.
— Жаль, что они не нашли общего языка с народом.

Да, мучительно воспринимается сейчас тот исторический разрыв в обществе, невосполнимость понесенных потерь. Именно этой вспышкой братоубийственной войны и кончается для многих наших сограждан подлинная, тысячелетняя история России. Ее отдаленные времена малоизвестны, а недавнее прошлое не привлекает. Былое как бы окрашено в тусклые, серые тона, на фоне которых подобно горным вершинам дыбятся эпохи Петра I и Петра Столыпина (см. рис. 3).

И еще один вывод по результатам анкетирования. Наше массовое сознание трезвеет. Пробуксовка с обновлением, наряду с пугающей импульсивностью и скоропалительностью ряда принимаемых мер, а также дефицит гражданственности, патриотизма и слабеющая общественная мораль — все это, будучи мало-помалу осознаваемо, влияет на психологию людей. Мы привыкаем, как и жители Запада (не менее **двух третей** которых — сторонники осторожных, поступательных реформ), ценить социальный мир, стабильность. Ведь не случайно же, задумываясь над вопросом анкеты, перед кем в первую очередь обязан человек исполнить свой долг — семьей, родителями, друзьями, Родиной, один из читателей написал: «Не дай Бог всерьез выбирать что-нибудь одно, как в гражданскую». Есть здесь над чем поразмыслить.

Очередной блок проблем, поставленных в наших анкетах, мы рассмотрим в следующих номерах журнала.

ВОПРОС ИЗ АНКЕТЫ

По инициативе КПСС отменена 6-я статья Конституции СССР. Какую же альтернативу предлагает общественное мнение, в каком политическом институте или в каких социальных силах видит оно выразителя своих чаяний и дум? Данные опроса, проведенного журналом «Родина» среди семи с половиной тысяч своих читателей, позволяют так ответить на вопрос:

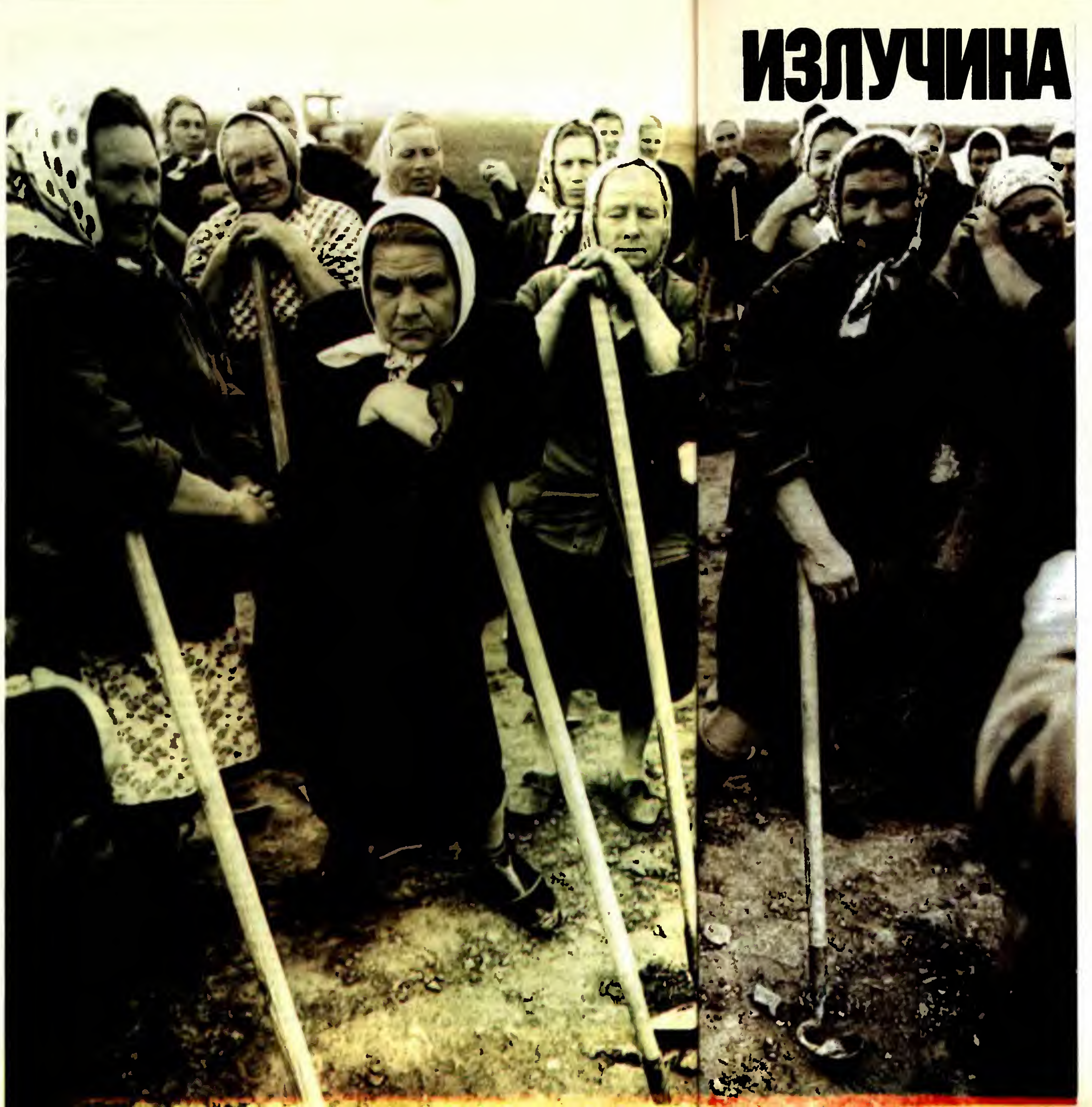
«Кто должен играть в нашем обществе главную, руководящую роль?»

Воля народа, выражаемая путем референдума	47,9
Съезд народных депутатов	33,1
Верховный Совет СССР	16,1
Интеллигенция, ученые	10,9
КПСС	7,4
Правительство СССР	6,1
Рабочий класс	4,4
Церковь	2,9
Генсек ЦК КПСС, Президент страны	2,3
Председатель Совета Министров СССР	2,1
Партийное и государственное руководство республик	1,2

Очевидно, что никакой из перечисленных политических институтов и никто из социальных сил не имеет абсолютного влияния в общественном умонастроении. Даже институт референдума. А значит, у нашего общества только один путь: поиск приемлемого для всех компромисса, сотрудничество всех этих институтов и социальных групп. Необходимо их взаимодействие и сосуществование, а не попытки доминировать одних над другими.

Геннадий МАЗУРИН,
политолог

Фото Валерия АРУТЮНОВА

ИЗЛУЧИНА

Давным-давно написал Евгений Кириллович Маслов свою исповедь. Много лет кочевала она по редакционным кабинетам сначала в одном журнале, потом в другом... Мне досталась грустная участь отслеживать этот путь почти с самого начала (и писать автору обнадеживающие письма из разных мест: потерпите, вот-вот напечатаем...). Хлопотал о публикации дневников земляк Маслова писатель Евгений Носов. Не печатали. Сначала потому, что нельзя было, потом — вроде бы уже и ни к чему, и так все ясно... А минувшей осенью взялись депутаты Верховного Совета обсуждать законопроекты о земле, об аренде и о собственности, и оказалось, что нет по многим вопросам ни ясности, ни согласия даже среди просвещенных народных избранников.

Нечего и говорить, как я рад, что хотя бы малая часть этой рукописи наконец-то увидит свет — все повествование, в котором более пяти авторских листов, журналу не осилить, тут должна идти речь о книге. Но дело не только в восстановлении справедливости по отношению к автору. Именно сегодня, когда страна делает решающий, судьбоносный выбор формы хозяйствования на земле, давняя хроника деревенских будней наполняется новым смыслом, обретает второе дыхание. Не устарели, оказывается, простые вопросы, которые ставила жизнь перед председателем колхоза без малого 40 лет назад. И уж тем более не потеряла значения в современной жизни честность, с которой пытался ответить на эти вопросы председатель, за что и поплатился в конце концов. Автор подробно рассказывает о трагическом зигзаге своей председательской судьбы в той части дневника, которая, к сожалению, осталась за рамками нашей публикации.

Придирчивый читатель этого документа возразит, что честным может быть и заблуждающийся человек; что автор дневника приложил, судя по всему, много усилий для укрепления той самой абсурдной, бесчеловечной системы, которая и привела к нынешнему кризису; что вся борьба протекала в пределах, самой же системой положенных и ничуть ей, системе, не опасных; что, наконец, нечасто проглядывает на страницах повествования приоритет общечеловеческих ценностей, который совсем недавно просветил наш разум, но зато немало здесь гневных упреков в адрес «несознательных» колхозников, не желающих усердствовать за палочки... Что тут можно сказать? Автор, конечно, сын своего времени, так же как все мы — дети своего. И это замечательно, что Е. Маслов ничего не переписывал, не подстраивался, избегал подделки. Именно благодаря этому дневник председателя прочитывается как суровый приговор уходящей эпохе — без скидок на меняющиеся взгляды, настроения и групповые позиции.

Сергей ЯКОВЛЕВ

ДНЕВНИК ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА. ОСЕНЬ 1951 ГОДА

Евгений МАСЛОВ

11 сентября. День без ветра, без солнца, какой-то серенький, подслеповатый. Сначала состоялось партийное собрание. Три коммуниста — Ракитский Порфирий, Гаков Василий Петрович и Маруська Думчева в тесной комнатушке правления колхоза имени Хрущева заслушали мою биографию. Потом на току состоялось общее собрание. Восемь баб и три мужика единодушно проголосовали «за». Инструктор райкома партии Артем Еровяковский понуро пожал мне руку и напутственно сказал:

— Ну вот... товарищ Маслов. А теперь желаю успеха.

Андриян Пулянский — только что освобожденный председатель — рад без памяти. Вечером пригласил на квартиру. Поставил четверть самогона, нас поил и сам пил без меры. На радостях даже плясать пошел...

26 сентября. Вот и работаю. Уже 15 дней работаю. Мечусь как в угаре. Мокро, холодно. У нас же до сих пор гречиха не убрана, 160 гектаров ржи не обмолочено. Пшеницу только свезли с поля. Начали копать сахарную свеклу.

В третьей бригаде, что расположена в Нижних Деревеньках, дремучая анархия. Развал. Нужно всю растленную братию менять: и животновода Халову — подстилку Пулянского, и бригадира Ворчакова — ходит схиля бок, улыбается в усы, как морж на непогоду, а дела — ну никакого нет!

27 сентября. Проснулся рано. Чувствую себя как побитый. За окном туман по всему лугу стелется — мягкий, белесый.

Вчера бригадиру третьей бригады Ворчакову дал наряд: солому свезти с поля и заскирдовать. Сегодня проверил и удивился: на поле — ни души. Из двенадцати пар волов только шесть заняты на колхозной работе. Где остальные? Ворчаков разводит руками:

— Работают...
— Где работают?
— Да где! Наряд выполняют...
— Частникам огороды перепахивают? Ты посылал?
— Нет...
— Кто же?
— Да... таво-етаво...

Уставился на меня подслеповатыми свинячьими глазками, смотрит как баран на новые ворота.

28 сентября. Людей в колхозе — кот наплакал. И те пытаются бежать. Ночной конюх Пашка-«Вояка» ходит по пятам: «Отпусти в отход». «Не могу, не могу, товарищ Сенин! Вас отпущу, другие уйдут, кто в колхозе работать будет?» Обиделся, запахнул серый плащ-дождевик, забубнил под нос что-то злое.

Вечером пригласили к телефону в сельсовет. Звонил первый секретарь райкома партии С. М. Данков. Поинтересовался делами колхоза. Настаивал на выполнении плана хлебопоставки: «Не тяни, товарищ Маслов, сдавай!» А что сдавать: гниль, мусор? Кому это нужно? Сегодня с пункта «Заготзерно» вернули рожь и пшеницу — влажные.

Зашел в амбар. Просо, только что обмолоченное, «горит». А сушить негде. Приказал бухгалтеру составить ведомость. Раздадим по трудодням: не пропадать же добру.

29 сентября. Утром ездил в Льговский поселковый Совет к Быкову просить людей на уборку свеклы. Пообещал подослать.

Опять звонили из райкома. Приказали пшеницу в поставку везти, хоть и влажную. Повезли. Вернули, какой-то запах обнаружили. Заводиловка...

Пришли шабашники — плотники из Густомоев. Будем договариваться: надо построить кормокухню для свиней и покрыть свинарник. На своих надежды пока нет.

В третьей бригаде скот стоит в ветхих сараишках, в грязи, некормленый. А потребовать с кого?

Вечером провели заседание правления. Заведующим животноводством назначили хоть и малограмотного, но старательного мужичонку — сторожа птицефермы Колю Савченко, бригадиром третьей вместо Ворчакова — Василия Папусева. Кто он и что? Толком не знаю. Завтра поеду в Деревеньки, помогу принять бригаду.

Сегодня новолуние. С севера потягивает свежим ветерком. Как бы чего не нагнало. А у нас рожь на току, просо...

30 сентября. Вот тебе и сюрприз! Папусев после торжественного обещания бригаду принимать отказывается. Говорят, пошел в больницу «ложиться на операцию». Что делать? Кого ставить? Людей толком еще не знаю. Дела затягиваются, а время не ждет.

2 октября. Солнце в тучах, как гаснущий уголек, светит, а не греет. Падают редкие дождинки. Небо у горизонта синеет, грозится большим дождем. Был в третьей бригаде. Направляюсь к Папусёву. Живет он на Холодной горе — «у черта на куличках». На молодом вороном жеребчике подъезжаю к хате. Останавливаюсь. Василий выходит из-за сарая. Фуражка в пуху, козырек извилинами. на плечах истерзанная стеганка, брюки с большими черными латками на выпуклых коленях, ботинки растоптанные, нечищеные. Из-под фуражки выбиваются пеньковые волосы, как у сказочного Ваньки. Лицо мутное, мужластое. Подхожу, спрашиваю:

— Ну что ж ты, Василий Степанович?..

Махнул рукавом по носу, схватился за бок, тягуче загундосил:

— Не могу, брат. Печень вот-вот оторвется. Бок болит. Понимаешь, как схватило, еле домой дошел. Был в больнице... Пять дней дали освобождения.

— От чего?
— Да вы что? Не верите?..
— Хитришь...
— Ей-богу, Кирилыч!

Вышла жена. Круглая, миловидная. Смотрит и молчит. Говорить больше нечего: сдрейфил мужик.

3 октября. Пасмурно. Холодно. Холодно и на душе. Прогноз обещает заморозки. А у нас картофель еще не убран, молотьба застопорилась. Подготовка к зиме ведется плохо.

Присматриваюсь к заведующему фермами второй Сугровской бригады Николаю Латвинову. Какой-то ненадежный, безответственный. Вчера супоросная свиноматка через Сейм переплыла, в лес убежала Сегодня свиньи дыру проломали в плетеном закуте, разбежались. Видит же — надо заделать, нет, ожидает, пока пальцем укажут. Минуты не держал бы такого животновода. А что поделаешь?

4 октября. Погода сырая, промозглая. Езжу в легкой разлетайке. Вчера продуло. Болит грудь, спина. А дел — непочатый край. Смотрю на принятое хозяйство — ни формы, ни содержания, все валится, рушится... Нужна опора, актив, серьезные люди. А где они? Егорьевна — мой заместитель — любит рассуждать. Наболтает, натреплется и кажется ей, дело сделала. Секретарь парторганизации Беркин (кладовщик) в стакан заглядывает чаще, чем в контору. Предупредил. Дал слово, что больше пить не будет.

5 октября. Был с участковым зоотехником Мурзой у молоковоза Асташова. Уговаривали на животноводство. Он будто и не против, да старуха несговорчива.

— Я ему, старому змею, соглашусь!.. Опять пить с доярками будет. Глотка облезнет! — подбеливая потолок, зло ворчала старуха.

Асташов, щупленький, сморщенный, косо посмотрел на жену с подоткнутым подолом и тоже тихо, но колко съязвил:

— Не гавкай собакой, ведьма! У тебя не спрошусь...

13 октября. Мотаешься как черт в оглоблях. О еде только желудок напоминает нудным посасыванием. У Ворчакова с картофелем не ладится. Отдал распоряжение убирать с десятой. Высыпали и стар и мал, особенно поселковые рабочие усердствуют. Чтобы не тянуть с обмолотом хлебов, решил: кто честно работает, тому килограмм пшеницы на трудодень. Дело идет хорошо. На душе радостно. Но вот Степан Дунёв — член правления — ох и вояка! Разорался на току: «Почему им пшеница, а я, ветсанитар, должен работать за палочку?! Соседу мому пуд, а я за палочку?» Самоуправно нагрякал воз соломы. «Стой, Степан, не разрешу тащить! Поворачивай оглсбли!..» Ядовито смотрит Капрал, один из «бывших»... Не нравится. Круто беру. Не агитируй, мол, не брызгай слюной...

14 октября. Сегодня Покров — праздник старины. Вчера некоторые предрекали: «На работе людей не увидишь». Ошиблись. Есть люди на работе. Но сколько и как работают? Это вопрос. Конопли пять га, по-хорошему — на один день уборки, а будут тянуть неделю. Нет у колхозников заинтересованности, вот в чем беда. За так не найдешь патриотов работать. Каждому есть хочется. Надо колхозников заинтересовать. Попробуй, заинтересуй... Осудят и на дыбу вздернут. Сделать втихаря? Но капралы и дуневы за каждым шагом следят. Берегись, председатель! Не делай хорошо, делай по закону. А если совесть не позволяет плохо? Тогда рискуй: либо сена клок, либо вилы в бок.

...Ищу актив. На хозяйстве встретил Чикулая. Борода белесая, окладистая, щеки как спелые помидоры. Бодрый, энергичный старик. Говорят, когда-то председателем колхоза работал да проштрафился. Поставить его животноводом? Он согласен, но «с бабкой надо потолковать». Вот недоверчивые бабки!

15 октября. Вечером разговаривал с Сеничкой Микулиным, агитировал его на пост заведующего фермой.

— Дай подумаю, председатель, с семьей потолкую. Я нешто против. Завтра скажу.— Помялся, провел рукой по серой колючей щетине на подбородке и добавил: — Утро мудрёней вечера, как я понимаю.

А Чикулай — куда его к черту! Сегодня уже набронзовался вдрызг и еле ползет домой на карачках.

16 октября. Утро пасмурное, с низин сыростью тянет. Ездил в Льгов по разным колхозным делам. Приехал затемно. Завернул на ток. Много зерна лежит под открытым небом. Брызжет дождь. Хожу меж ворохами из конца в конец, тревожные думы распирают голову. Добро, золото! Лежит и никому не нужно. С поставкой кое-как рассчитались, а по трудодням распределять нечего. Фуражное — вот оно, и ты, председатель, гадай, как заставить людей привести его в порядок.

Некому работать. На зиму многие подались в отход. Во второй бригаде остался один-разъединый мужичонка

Иван Алтышёв. И он сегодня с досады напился до чертиков.

В Льгове встретился с писателем Валентином Владимировичем Овечкиным. Он вышел с директором МТС Левицким, поздоровался:

— Тяжко? Не вешай голову.— Погрозил пальцем.

Подошла легковая, и он укатил.

20 октября. Турнов — бригадир первой. Неисправимый скандалист. Спекулирует тяглом, пьет. Колхозники его не уважают, не слушают. Держу за неимением подходящего человека.

С плотниками-стариками договорился за 175 трудодней построить птичник.

— Э-эх, Кирилыч, нам твои трудодни только для минимума нужны, чтоб не судили,— говорит Кузьма Синяков.— А получать на них нечего.

21 октября. На хозяйство пришел до зари. Ругал Турнова. Лицо багрово-красное, губы толстые, глаза вниз скользят.

После обеда ездил на велосипеде в Городенск. Через Сейм переправлялся на пароме. Он в лугах, далеко от села. Паромщик Гаврилыч — добрый старикашка в рубахе с расстегнутым воротом и синих домотканых штанах. Прикрепил паром цепью и поприветствовал:

— Доброго здоровьица, Кирилыч! Тестька решил проведать?

За переправой — обширный луг соседнего городенского колхоза имени Булганина. Вырвался я на волю из хозяйственной карусели, и вот душа блаженствует. Какая красота! От кустов и кустиков, от шафранных трав тянет бодрящей осенней свежестью. Врачующая благодать! Покой, тишина... Хорошо здесь прилечь, забыться, хоть на одно мгновение освободиться от всяких житейских забот и волнений.

Вернулся поздно. На бригадном дворе встретил объездчика — молодого парня Григория Меркулова. Мне нравятся его ухватка и смелый взгляд. Сам опрятный, и конь в порядке. Намекнул ему насчет того, чтобы подменить Турнова. Сверкнул глазами:

— Кирилыч!.. У меня седьмого свадьба. Женюсь. Своих хлопот целый рот.

Странно звучит для меня «Кирилыч». Далось же оно сугровцам. Ладно, после свадьбы решим вопрос. Ведь ты же, Григорий, комсомолец. А это что-либо да значит.

22 октября. Опять потянуло холодом. Ветер северный. На деревенском распашном лугу третья бригада убирает гречиху. Два часа дня. Пять пожилых мужчин у костра. Волы, грюкая ярмами, бродят по рядкам скошенной гречихи. Свезено ее к месту кладки воза два, не больше.

— Ну что, деды, греемся?

— Холодновато,— потирая над костром ладони, отвечает бородатый здоровила.

— А работа разве не греет?
— За что работать, товарищ председатель?
— За совесть...

— Сколько можно за совесть? — обиженно смотрит хромой, косоглазый Иван Титяев. Стеганка на нем дырявая, шапка помятая, с отвислым налобником.— Вот принесли налогу на полторы тыщи. А где денег взять? Штанов купить не на что.

Убеждать трудно. Обещать? Сколько раз им обещали... Берусь за вилы.

27 октября. Григория Меркулова поставил бригадиром, и тут же на правлении утвердили. Сегодня прояснилось, подул холодный северный ветер. Погода резко меняется. Вместе с Асташовым хожу по квартирам и уговариваю людей обмазать свинарник.

Ночь синяя, прозрачная. А звезды — ух, какие звезды! Как вызревшие апельсины, хоть бери рукой да снимай, особенно вот эти, близкие, янтарные. К утру будет мороз.

...Свинарник обмазали. Это уже удача. Асташов работает, дело видно. Григорий Меркулов тоже работает. Уборку конопли завтра закончит. Сам похвалился: «Сделаем, Кирилыч, ей-богу! Вот тогда скажешь, каков я сукин сын». Настроение у Григория бодрое. И мне приятно.

За обмазку свинарника выписал женщинам по 5 рублей и 200 граммов меда. Была вечеринка, Григория напутствовали.

28 октября. Морозное, светлое утро. Зябко, так и жмет всего, так и хочется руки потереть да в карманы сунуть. Большой мороз. Доярки кутаются в платки, жалуются и требуют: «Холодно, товарищ председатель... Коров надо ставить в помещение». А в коровьем помещении-то еще ни кормушек, ни привязей нет. Давно надо сделать, да некому.

29 октября. Направляем колхозников за лесоматериалом на станцию Шерекино, а документы у заместителя Егорьевны. Заскакиваю на квартиру. Лежит баба на полу у припечка, голову в угол прячет.

— Бей меня,— хрипит,— бей старую стерву!.. Не могу встать. Виновата... Нахлебалась вчера, голова разламывается...

Беркин тоже с перепоя болен, не вышел на работу. А бухгалтер Плетнев целую компанию на квартире приютил, похмеляются. Тут и Дарья Глинская — председатель Сугровского совета, и секретарь Рязанова. Весело привыкли жить. Помощнички...

2 ноября. Проверял работу в первой бригаде. Возвращаемся с поля с Григорием Меркуловым. В крайней хате на Шляховке веселый шумок. Зашли и растерялись: дым коромыслом! Председатель совета Глинская, секретарь Рязанова, кладовщик Беркин пьют и капустой закусывают. Увидев нас, спохватились, деланно обрадовались:

— А, Кирилыч!.. Гриша!.. Григорий Тимофеевич! Садитесь, присаживайтесь...

Булькает самогон в стаканы. Дарья Глинская бьет по столу кулаком, «доказывает» Беркину, что надо помогать молодому председателю и новому бригадиру. Беркин, дирижируя неверной рукой, освобождает для нас место на грязной хромоногой скамейке. Дарья и Катя браво подхватили стаканы. Григорий мигает:

— Во веселые ребята! Пошли, Кирилыч, нам тут делать нечего.

Фрося — хозяйка — загородила дверь:

— Куда вы?..

— Фрося,— зло шепчет Григорий,— ты мне какая-то родня. Не соблазняй, а то я тебе и вот этой поганой публике сейчас такое скажу!..

— Гриша... Кирилыч...

— Руководители! — осуждающе раздалось за спиной, за захлопнувшейся дверью.

Ночь синяя, прозрачная. Еду из Деревенек верхом на жеребце. Монотонно похрустывает седло. Справа торжественно плывет месяц. Над перекидным железнодорожным мостом, над соломенными крышами хат, над полями... Плывет он, розовый, молодой, выгнутый, как татарская сабля... А в душе такая накипь... Эх, схватил бы эту саблю, пришпорил бы коня и, как лозу, налево, направо, всю нечисть — в капусту!

3 ноября. Первая бригада быстро и старательно произвела обмазку животноводческих помещений. Вечером женщины собрались в квартире звеньевой Дуськи Катаргиной. Колхозницы очень довольны бригадиром. Подогрелись вином, пели, плясали. Схватили улыбающегося Григория и давай подбрасывать...

Был тут и Турнов. Он от зависти к Григорию налакался, раскис, как соленый огурец. Смеются над ним, толкают, двигают, особенно Нюрка Обоянчикова, другая звеньевая: «Турнишкин, спляши!» Вышла в круг, тонкая, выбила каблуками чечетку, руки в боки, глазки в потолок, и понеслась, и начала перед Турновым кружиться. Пробудилось и в нем что-то молодецкое, буйное. Прыгнул медведем в круг, облапил колени ручищами, обвел невидящими глазами присутствующих и принялся молотить сапогами, да так, что лампа замигала. А бабенка прямо ему в лицо:

Эх, лапти мои —
Четыре оборки,
Хочу дома заночую,
Хочу у Егорки!

Стащил Турнов сапоги и давай босиком выписывать, портянками пыль разметать...

4 ноября. Работ непочатый край, а на бригадных дворах безлюдно. Пусто на полях, пусто на душе. Пришел на квартиру, пообедал, и, кажется, чего-то недостает, что-то

не доделано большое, серьезное... И тянет опять — сейчас же, немедленно — на хозяйства, в поле, в контору. А там ни души. Так уж заведено здесь: воскресенье — в колхозе полное затишье.

...Сижу в конторе. В окне попискивает ветер, напоминая муху в паутине. Думается, что и сам, как муха в паутине, застрял в недоделках.

Сухо пощелкивают костяшки. Подсчитываю, сколько потребуется кормов скоту на зиму и сколько имеется в наличии. Грубых с натяжкой хватит. А вот сочных и концентратов маловато. Продержаться бы до января, а там в госпоставку двинуть часть свиней и крупного рогатого...

Коровы подняли рев, бодают друг друга. Плохо, черт возьми: нет привязей в коровниках, кормушки надо латать, в свинарнике пол не доделан, а в городе ни веревок, ни досок. Обещают, а когда дадут?

Колхоз велик: двенадцать улиц, больше полутысячи дворов, грамотных немало, а стенгазету написать некому. Есть два клуба и два завклубом, они-то напишут, да кто читать будет?.. Пишу сам. Зайчика сюда пьяного, толстуху Маню, чтоб не таскала в подоле, что плохо лежит. Кого еще? Стоп! Кто-то шапортается у двери. А, Асташов. Явился, не запылился. Глазки лукавые, поблескивают, как у хорька. «Я уже, того... маненько долбанул. Не ругай старика. Завтра чуть свет, ей-богу, буду на своем посту». Ну что ж, и тебя сюда, дьявол, нарисую. Вот ты завтра посмотришь, каков будешь.

6 ноября. Вчера вечером провели заседание правления. Назначили премии шестнадцати лучшим колхозникам — 1525 рублей. Деньжата есть: свеколка выручила. С заседания вернулся далеко за полночь. Не спится. За окном бушует холодный северный ветер. А в загоне под открытым небом — скот. Грязь по колено. Коровник все еще не приведен в порядок. Народ в селе есть, а работать некому. Только сахар — дополнительная оплата за свеклу — удерживает тех, кто еще остался. Районное руководство в колхозе не показывается...

7 ноября. Праздник. Нынче бы гулять, веселиться всем колхозом, отмечать успехи, чествовать героев труда... А мы вчера скромненько на торжественном вручили премии, поздравили колхозников с наступающим. И вот стою у окна, посматриваю на серую массу снеговой тучи, выползающую из-за леса, на медлительных грачей, отлетающих вдаль, а за спиной девяностопятилетняя бабка — мать хозяина квартиры — укачивает мою годовалую дочурку Валюшку: скрип-скрип, скрип-скрип...

11 ноября. Застала нас зима, как буран девчонку в летнем платьице: вертится она, кутается, а ветер рвет, шматует, домогается, как оголтелый насильник. Вот так и у нас.

Пришли в контору мужчины — человек пятнадцать — деньги получать. В ожидании сидят, курят, болтают. Выхожу из кабинета, спрашиваю: кто желает работать в животноводстве? Молчат.

— Ну, кто? Вы, Бабичев?

— Не...— категорически мотает головой.— Я на курорт еду... Я больной.

— А вы, Муранов?

Муранов приставил к ноздре большой палец, высморкался со свистом:

— Я к этому делу не привычен, отвечать за массу животных не могу. Как-нибудь по наряду... Помаленьку...

— Может, ты, Мелентьев, по-стариковски?

— У меня глотка — во... На холоде нельзя,— хрипит Мелентьев.

И так все пятнадцать.

12 ноября. Вот так мороз! Здорово жмет. А работа не идет, хоть разорвись. Скот мучается. Холодно, ветер жгучий... Гиблое дело.

Приедет кто из района, посмотрит и скажет: «Сукин ты сын, а не хозяин! Судить тебя надо, такого негодяя!» А приедут из редакции, те напишут о беспечности, о халатности, назовут нерадивым, безответственным руководителем. Да, назовут и напишут. И все по-своему будут правы. А ты?..

13 ноября. Сейм стал, покрылся льдом. Плохо стало с водопоем. Плохо и с Асташовым. Приходил на квартиру, плакал, упрашивал жену, хозяина и хозяйку, чтоб они повлияли на меня и помогли ему освободиться от «страшной нахабы» — животноводства. Потерпи, Асташов, наладим, все наладим...

14 ноября. Вызывают на бюро райкома с отчетом о выполнении плана развития животноводства. План-то у нас есть, а вот чем кормить этот план?

В третьей бригаде провели общее собрание колхозников. Выдвинули кандидатуры в народные заседатели. Собрание прошло на уровне, только животновод из бригады Савченко задремал и навзничь упал со скамейки на пол. Как не задремать, когда человеку день и ночь приходится работать!

17 ноября. Только что вернулся из поездки. Замерз. Руки окоченели, начинают отходить. Пальцы щемит, кажется, сотни заноз покалывают их. Был по разным делам в Льгове. Заходил в райком, беседовал с первым секретарем Данковым. Говорит, ничего, не у тебя одного плохо, есть похуже... Ну, одним словом, успокоил.

19 ноября. Составил список невыработавших минимума трудодней. После обеда пройдем с бригадирами по квартирам, выясним причины.

Из Нижних Деревенек пришла бабушка Прокофьевна. То платок поправит, то нос утрет. Пришла узнать о заработке. Подходит ко мне, хочет что-то сказать и побаивается, и вроде бы так, ни к кому не обращаясь, начинает рассказывать:

— Внучек мой Миколушка получил сорок пять рублей, прибежал домой, рад без памяти. И говорит: «Вот, коньки и лыжи куплю». А я говорю: «Внучек, я ж летичко ходила, в подол по колосочку собирала, вот и денежки заработала. А ты на коньки истратишь... Давай мы лучше купим пуд хлеба». Отвернулся мой внук, опустил голову. А потом вынул деньги и протягивает мне. А мне жа-алко его стало. «Ну, говорю, возьми, сколько тебе надо?» «Ла-адно, бабуш, обойдусь без коньков, купим хлеба...» Ребенок-ребенок, а рассудок мужской.

Прокофьевна помолчала, провела по щеке рукой и, наконец, осмелилась:

— А все ли он денежки получил?..

Счетовод Варя — молодая разведенка с лицом, как луна в погожую ночь,— открыла ведомость и торжественно сообщила:

— А не задаром вы, бабуля, пришли: еще пятьдесят рубликов получите, дополнительные...

Старушка обрадовалась и начала загибать пальцы, перечисляя, что она купит на эти деньги.

21 ноября. Перед обедом в контору пришли женщины, гурьбой ввалились. Шум, крик, гам, как растревоженные осы, того и гляди ужалят.

— Обманули колхозниц! Сахар себе заграбастали!.. Вот она — справедливость! Не позволим, до самого района и выше дойдем!..

Бухгалтер, солидный мужчина, устал, охрип, вытирает платком мокрый лоб, убеждает разъяренных женщин, что весь заработанный сахар они завтра получат. Поняли. Притихли. Прячут под платки пряди выбившихся волос, извиняются и постепенно уплывают за двери конторы, расходятся по домам. А толкотня в конторе не прекращается до вечера. Приходят новые партии женщин и тоже стучат по столу кулаками, фанатично требуя:

— Отдайте наше кровью заработанное!

К темну все разошлись. Ушел и бухгалтер с пухлым портфелем под мышкой. Я остался на хозяйстве один. Жду, пока окончательно стемнеет. Спустился в балку, что отделяет хозяйство от улицы Луговой, оглянулся — человек крадется...

— Стой! Что несешь?!

— Да я чурбачок... чурбачок... Нужен...

Подхожу, всматриваюсь.

— Макар?..

— Извините, Кирилыч...

Тяжело. Будто вся эта громада колхозная, все содержимое только одному тебе и нужно, а больше никому. Все занимаются своим, маленьким, но своим. Смотришь и думаешь: как всю эту богадельню повернуть вспять, заставить людей работать — не принуждая, не уговаривая, а по доброй воле?

РАКУРС

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН

ИСТИННОЕ РОДИНОВЕДЕНИЕ

Тот факт. что свою историю мы знаем плохо. ни для кого не секрет. но есть имена. о которых мы. к сожалению. или вообще не слышали. или знаем до обидного мало. Одна из таких фигур — родоначальник русскои цветнои фотографии. замечательныи фотомастер. ученыи-химик. педагог. издатель и редактор популярного фотожурнала дореволюционнои поры Сергеи Михаилович Прокудин-Горскии (1863—1948).

В третьем номере журнала «Фотографические новости» за 1918 год можно прочитать заметку о проведении в самом большом зале Зимнего дворца — Николаевском — сеансов показа «картин в натуральных цветах». Собравшиеся. как явствует из сообщения. стали свидетелями удивительного зрелища: в течение нескольких часов на огромном экране возникали красочные пеизажи России — бескраиние просторы степеи. волжские плесы. Уральские горы. Менялись слаиды — и возникали картины жизни огромнои страны. ее достопримечательности. памятники древнего зодчества. знаменитые архитектурные ансамбли. «Насколько велик интерес публики к таким вечерам.— писал журнал.— может свидетельствовать посещаемость этих вечеров: например. на последнем вечере. 31 марта. присутствовало более двух тысяч человек!»

В конце того же 1918 года автор снимков. которые с таким успехом показывали в Зимнем дворце. Прокудин-Горскии уехал за границу. После этого его имя было на полвека забыто. Следующее упоминание о нем встречается лишь в 1968 году. во время празднования 140-летнеи годовщины со дня рождения Льва Толстого. На обложке «Огонька» появился цветнои портрет великого русского писателя. и в том же журнале была напечатана небольшая заметка о том. как летом 1908 года известныи специалист в области цветнои фотографии Прокудин-Горскии приезжал в Ясную Поляну и сделал этот снимок. которыи тогда был отпечатан в виде открытки и воспроизведен на страницах многих издании. Спустя десять лет. в 150-летнии юбилеи писателя. в журнале «Советское фото» уже более подробно рассказывалось об этои уникальнои фотографии. затем появились публикации об опытах по «съемке в натуральных цветах». проводившихся Прокудиным-Горским. о его путешествиях по России.

Но все это были лишь отрывочные упоминания. отдельные снимки. а между тем. судя по архивным данным. только во время последних поездок по стране в 1909—1911 годах автор сделал по меньшеи мере несколько тысяч цветных фотографии. Прокудин-Горскии был не просто автором съемки. но и инициатором целои программы по распространению цветных изображении. Он стремился познакомить самые широкие слои населения с достопримечательностями Отечества.

Объем созданнои коллекции стал столь значительным. что возник вопрос об особом помещении для ее хранения. Функции хранителя брал на себя Русскии музеи. Его администрация. в частности. считала. что «выдающиеся художественные и технические достоинства работ г. Прокудина-Горского общеизвестны и не подлежит сомнению. что испол-

нение намеченной задачи (издание и распространение снимков.— В. Н.) явилось бы ценным материалом для научных работ по археологии, истории искусства и этнографии».

Продолжение работ по проекту Прокудина-Горского требовало уже значительных материальных вложений и переставало быть частным делом. Было решено создать при Министерстве просвещения специальную комиссию, в задачи которой входило бы выяснение целесообразности проекта, определение стоимости работ и выработка условий закупки всей коллекции государством. Комиссия, признав целесообразным дальнейшее продолжение работ, отмечала: «Когда картинам С. М. Прокудина-Горского будет устроен широкий доступ в наши учебные заведения, как средние, так и низшие, у нас окажется образцовое, истинное родиноведение, и в этом важном и необходимом деле Россия займет завидное, передовое положение между культурными странами».

Начавшаяся первая мировая война и бюрократическая волокита так и не позволили Сергею Михайловичу завершить свое начинание, но все-таки несколько тысяч негативов уже были сделаны. Естественно возникает вопрос: так где же находится весь этот уникальный материал? Ведь не мог же он исчезнуть бесследно!

Ответ обнаружился совершенно случайно. В 1980 году ко мне в руки попала только что изданная в США книга «Фотографии для царя», в которой были опубликованы 120 цветных и столько же черно-белых снимков, выполненных Прокудиным-Горским. Альбом этот производил странное впечатление. Было ощущение, словно что-то нарушилось во временном исчислении, будто я вдруг увидел телерепортаж из... прошлого. Великолепные цветные снимки: монахи за посадкой картофеля; эмир бухарский в роскошном восточном наряде с кривой саблей в руках; колодники, закованные в кандалы, которые теперь увидишь лишь в музее; необычные старинные наряды; города, неузнаваемо изменившие свой облик. Все это как-то не укладывалось в голове. Приученные к монохромной гамме фотоснимков той поры, мы не раз встречали подобные сюжеты, и они не удивляли нас. Цвет! Вот что поражало! Все увиденное напоминало художественный фильм о прошлом, где атрибуты тщательно подобраны дотошным режиссером. Но на самом деле все это было в действительности, и объектив фотографа лишь запечатлел ее.

Из предисловия к американской книге многое прояснилось: уезжая за границу, Прокудин-Горский захватил с собой большую часть негативного фонда. Заграничная судьба фотографа и ученого складывалась не совсем удачно: из Норвегии, куда его пригласили как специалиста в области цветной кинематографии (уже тогда Сергей Михайлович проводил опыты по внедрению цвета в кинематограф в основанном при его участии акционерном обществе «Биохром»), он вынужден был отправиться в Англию, там запатентовал несколько технических изобретений, но они не принесли ему финансового успеха. Тогда он переехал на постоянное жительство во Францию, поближе к другим русским, оказавшимся, как и он, в эмиграции.

В Ницце Сергей Михайлович продолжал по мере возможности дело своей жизни — пропагандировал достижения цветной фотографии, устраивал показы слайдов для эмигрантов с тем, чтобы «молодые русские, которые давно живут в изгнании, учатся в чужих школах, могли вспомнить свое отечество». Он надеялся, что его фотографии будут служить «документальным подтверждением того, что их родина — это реальность».

О последних годах его жизни известно немного. Умер он в преклонном возрасте, в 1948 году, и только после смерти фотографа его дочь передала коллекцию негативов Библиотеке Конгресса США. Так почти 2000 негативов русского мастера оказались за океаном.

Более чем через 30 лет они попались на глаза Роберту Алсхаусу, который и издал книгу «Фотографии для царя». Название звучит сенсационно, но не совсем соответствует действительности. Прокудин-Горский снимал, конечно же, не для царя. Но, к чести последнего, надо сказать, что Николай II не только

благосклонно отнесся к начинанию фотографа и несколько раз с удовольствием смотрел его слайды, приглашая для этого Сергея Михайловича в Царское Село, но и помогал ему. Так, по указу царя, Министерство путей сообщения выделило фотографу вагон для его передвижной лаборатории и обеспечило бесплатный проезд по всем железнодорожным магистралям России.

Книга «Фотографии для царя» пользовалась в США большой популярностью и была мгновенно раскуплена — начинал сказываться интерес к России, который сегодня проявляется во всем мире. Кроме того, столь значительной по масштабу работы в области цветной фотографии во времена Прокудина-Горского никто другой не проводил. В 1987 году Библиотека Конгресса устроила выставку работ русского мастера, которая пользовалась большим успехом.

Сегодня мы знакомим вас с несколькими снимками из книги «Фотографии для царя». Очень жаль, что встречи с нами они ждали восемь десятилетий.

«РАЗГОВОР С АНТИСЕМИТОМ»

Леонид ГОЗМАН, Александр ЭТКИНД

Мы устали от вранья. Нам надоело слушать туманные речи о масонах, сионистах, о людях чуждой культуры и о денационализированных элементах. Нас бесят разговоры о некоей «малой народности», которая захватила то ли сорок, то ли все восемьдесят процентов от числа кандидатов и докторов наук в стране. Давайте называть вещи своими именами — это все о нас, о евреях. Давайте не стесняться своих чувств и взглядов. Мы предлагаем антисемитам диалог [1].

Мы предлагаем присоединиться к этому диалогу и тем евреям, которые считают, что антисемитизм был, есть и будет и что если евреев не убивают на законном основании сегодня, то просто ждут, когда это можно будет сделать завтра; евреям, которые верят в антисемитизм как мистическое свойство русской или любой нееврейской души, проклятие или испытание, ниспосланное нам Творцом. Мы приглашаем всех, кто считает, что с антисемитизмом, как со слепой силой, можно либо бороться и победить — или погибнуть, либо затаиться на время и переждать очередной погром. Мы приглашаем врагов, от века избегавших друг друга, взглянуть друг другу в лицо.

Диалог нужен хотя бы потому, что нравится это или нет, но ни евреи, ни антисемиты не могут упразднить друг друга и, значит, надо жить вместе на этой земле. У нас общее прошлое и общее будущее. Конечно, далеко не все проблемы нашей страны сводятся к национальным вопросам. Но Россия всегда была многонациональным государством, ее культура была не только русской, но и российской, включающей в себя культуру многих народов. Не понимая необходимости разрешить проблемы национальных отношений, мы будем продолжать блуждать в потемках.

В диалоге нуждаются обе стороны — без этого невозможно понять самих себя. Для понимания, а не просто ощущения себя, человеку необходим собеседник. Ни евреи, ни их недоброжелатели не могут сами по себе разобраться в том, что значит быть евреем. Группа людей может с успехом обсуждать любую проблему, кроме одной — той самой, которая собрала и сплотила эту группу. В диалоге «мы» можем понять и подвергнуть критическому анализу ту бессознательную мешанину из исторических фактов, идеологических штампов и прямой политической лжи, которой живут «они». Гораздо труднее признать, что какой-то своей мешаниной, не заметной «нам», но очевидной для «них», живем и мы сами. И понять свою мешанину «мы» можем только с «их» помощью. Мы заинтересованы друг в друге ровно настолько, насколько интересно нам видеть реальность. Мы прячемся друг от друга в той мере, в какой мешают нам привычные стереотипы, и мы хотим еще за них подержаться. Евреи отдельно, антисемиты отдельно могут лишь повторять стертые клише своих мифов.

Одна из ключевых догм антисемитского мира состоит в том, что евреи — все и всегда — одинаковы, в любых обстоятельствах от них исходит примерно одинаковое зло. В перевернутом виде эту догму восприняли многие евреи, считающие антисемитизм вечным, инвариантным и универсальным. Обе стороны склонны к тому же катастрофически переоценивать могущество противника: антисемиты готовы объявить любые трагические события нашей истории следствием еврейского заговора; многие же евреи способны объяснить почти любую свою неприятность происками антисемитов.

Эти мифы имеют свой внутренний смысл и цель. Неизменность и всемогущество, приписываемые враждебной силе, оправдывают собственную пассивность и беспомощность — инфантильные чувства жалкого, маленького человека, не способного влиять не то что на ход истории своего народа и своей страны, но даже и на ход собственной жизни. «Нам помешали», «нас обидели», «нам не дали»... Но почему я не смог сделать то, что хотел? Почему не сумел ответить на обиду или предотвратить ее? Почему мы позволили управлять собой людям, которых считаем недостойными? Успокаивающий душу ответ на все эти вопросы один: потому что **они** сильнее, **они** всемогущи и с **ними** все равно ничего не сделаешь. От меня же и вовсе ничего не зависит...

КАК БЫЛО ПРИ СТАЛИНЕ?

Долгожданная свобода, не успев созреть и укрепиться, выразилась не только в интенсификации духовной жизни, росте социальной активности и вообще в возможности дышать, но и в резком и для многих неожиданном обострении межнациональных отношений. Конечно, десятилетия игнорирования национальных чувств и проблем и без перестройки привели бы к большим и малым взрывам, которые были бы тем более деструктивными, чем менее готова социальная и политическая система к диалогу и компромиссам. Человеческое восприятие, однако, не подчиняется законам формальной логики и «после» превращается во «вследствие»...

Межнациональная напряженность привлекает к себе внимание большей частью тогда, когда принимает формы политических или экономических противоречий между республиками или территориями. Есть, однако, и другой тип межнациональной напряженности, который представляет не меньшую потенциальную угрозу и, возможно, имеет значительно более широкое распространение. Мы имеем в виду широкий спектр негативных чувств — от иронии до открытой ненависти, от зависти до презрения, от тихого недовольства до жажды погромов.

Межнациональная гармония прошлых лет — одна из ярких черт потерянного рая сталинской эпохи. Конечно, говорить об интернационализме сталинского государства можно, только абсолютно не зная истории. Братство народов основывалось на геноциде по отношению к отдельным нациям и подавлении своеобразия всех остальных. Но что бы ни творилось на окраинах империи, в центральных ее регионах и столицах долгое время удавалось поддерживать ощущение межнационального равенства и благополучия. Репрессии 20-х и 30-х годов более или менее равномерно распределялись по всей семье народов. Московские и ленинградские органы не особо интересовались национальностью своих жертв. Впрочем, и другие индивидуальные и групповые характеристики людей не играли особой роли: уничтожение грозило каждому — крестьянину и интеллигенту, партийному и беспартийному, военному и священнику. Подобный неизбирательный, равномерный и по сути дела случайный характер террора — принципиально важная особенность тоталитарного режима.

Тоталитаризм отличается от других форм власти как раз тем, что ни один член общества не должен чувствовать безопасности, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Достигается это не объемом пролитой крови, а непредсказуемостью, алогичностью выбора жертв. Террор достигает своей цели, если любая попытка понять закономерность репрессий ведет к неудаче и единственной формой психологического приспособления к сюрреалистическому миру являются доверие властям и нерассуждающая любовь к вождю. Более того, человек привыкает бояться и, следовательно, ненавидеть не столько людей далеких и не похожих на него, таких, как представители другого этноса, сколько самых близких — родственников, соседей по коммунальной квартире, сослуживцев: именно они, зная о нем все, могут разоблачить его перед лицом вождя. Вертикальная ориентация социальной жизни разрушает все горизонтальные структуры — как семью, так и национальные общности. Вера во всемогущество власти выбивает почву из-под всяких национальных предубеждений, по крайней мере относящихся к согражданам. Враг может быть на свободе, только если он временно не разоблачен. Именно поэтому враги не должны иметь очевидных отличий от тех, кто врагами в данный момент не является. Так что например, борьба с троцкистами значительно боль-

[1] Наша статья «Почему мы не уезжаем?» была опубликована в журналах «Век XX и мир» (№ 9, 1988), «Вестник еврейской культуры» (№ 1, 1989) и посвящена проблемам еврейской эмиграции. Соответственно здесь мы не касаемся этой тематики.

ше соответствует природе тоталитарного режима, чем, допустим, борьба с евреями. Поэтому-то в 30-е годы были троцкисты и зиновьевцы, а евреев как бы не было. Объективный факт национальной принадлежности роли не играл, субъективное же чувство еврейства каралось точно так же, как и любая другая национальная, сословная или даже профессиональная идентичность, придававшая ненужную структурированность хорошо перемешанному «человеческому материалу».

Эти соображения объясняют принципиальную разницу в той роли, которую играл антисемитизм в государственной политике Сталина и Гитлера. Объявив врагами евреев, Гитлер поставил перед народом ясную и, как это ни трагично, достижимую цель их уничтожения. Тем самым он дал возможность каждому немцу уважать себя хотя бы за то, что он не еврей. Подданный рейха мог быть уверен в том, что, если он не еврей (а также не коммунист, социал-демократ, католик) и не позволяет себе прямых выступлений против власти, он не только не будет репрессирован, но и получит свою долю от грядущих завоеваний. Жизнь и работа в этих условиях могла быть кровавой, но оставалась понятной и предсказуемой, по-своему законосообразной.

Всеобщий террор в сталинском Советском Союзе и избирательный характер репрессий в нацистской Германии позволяют высказать предположение о разном характере власти и соответствующем различии господствующих типов политического сознания в этих двух государствах. По-видимому, они могут быть описаны как различия между тоталитарной властью, стремящейся к всеобъемлющему контролю за жизнью подданных, и авторитарной, при которой принуждение, насилие и контроль носят избирательный характер, подчиняясь достаточно определенным политическим целям. При этом для тоталитарной власти исключительно важной становится идея равенства всех граждан, авторитарная же дает хотя бы некоторым из них определенные гарантии, которые могут проявляться именно в неравенстве — сословном, экономическом или национальном.

Предсмертная антисемитская кампания Сталина до сих пор не находит адекватного объяснения. Сведение ее к обострившимся в старости предрассудкам вождя или к тому, что, как сказал В. Тендряков, победители подражают побежденному врагу, представляется нам недостаточно убедительным. Хотели бы высказать гипотезу: антисемитские акции и предшествовавшая им волна великорусского шовинизма были симптомом распада классического тоталитаризма. Распад этот был неизбежен — противоречия человеческой природе и здравому смыслу в конце концов разрушали тоталитарную утопию. Но способы преобразования в авторитарную политическую систему могли быть разными. Сталин, на наш взгляд, сознательно или бессознательно переходил к авторитарно-фашистскому режиму гитлеровского типа. Антисемитская кампания конца сороковых — начала пятидесятых годов принципиально отличалась от предыдущих. Во-первых, ей предшествовала длительная идеологическая и психологическая подготовка, утвердившая концепцию русского народа как старшего брата. Во-вторых, враг в этом случае был куда более конкретен и зрим, чем раньше: если вредителем, например, мог оказаться каждый, в том числе и тот, кто ничем не отличался от невредителя, то размытое и неясное вначале понятие «космополит» стало приобретать постепенно национальные еврейские черты. Отныне враги знали, что они враги, а все остальные могли чувствовать себя хозяевами положения. Для подавляющего большинства населения уровень страха при этом, безусловно, снижался, появлялся шанс на более спокойную и предсказуемую жизнь.

ЧТО ДЕЛАТЬ С НИМИ?

Война, которую по замыслу вождя следовало выиграть «малой кровью, могучим ударом», дала толчок продолжающемуся поныне процессу демистификации власти. Крах в 1941—1942 годах догматических представлений о мире и о себе поставил под сомнение всемогущество властей, их способность магическими заклинаниями и директивными указаниями нарушать законы природы и общества на благо всего прогрессивного человечества. Одним из следствий стало признание, что враг бывает не только неразоблаченным, но еще и недоступным для возмездия, недоступным сегодня или даже вообще в обозримом будущем. Враг получил право на жизнь. Таким четко обозначенным врагом, с которым тем не менее приходится сосуществовать, легко может стать еврей. Антисемитизм перестает быть чем-то тайным и подпольным, он уже необязательно противостоит государственной идеологии и становится одной из вполне приемлемых, хотя по тактическим соображениям и не слишком рекламируемых позиций.

«Еврейская проблема», понимаемая не как поиск путей конструктивного сотрудничества разных народов и культур, а как задача, требующая «окончательного решения», широко обсуждается на разных уровнях — от международных переговоров до коммунальной кухни. Спектр предлагаемых решений весьма широк. Самое радикальное и наиболее близкое к тоталитарной идее всемогущества власти — уничтожение евреев, геноцид. В нашей стране эта идея ни разу не получала последовательной реализации, хотя и не исключено, что Сталин собирался продолжить дело покойного фюрера, идя без Гитлера по гитлеровскому пути.

Более цивилизованным вариантом решения проблемы евреев является их территориальная или культурная изоляция. Врага необязательно и не всегда возможно уничтожить сразу же по обнаружении — достаточно просто убрать его с глаз долой. Однако в России после революции границы гетто оказались размыты, евреи покинули местечки и еврейские кварталы. Изоляция требовала уже не просто закрепления статус-кво, но целенаправленных действий — депортации. Психологически и организационно депортация качественно отличается от уничтожения. Для депортации за пределы страны власть должна вступать в переговоры с руководителями другого государства — Израиля или любого иного, которое согласится принять высылаемых, ей придется проводить работу среди намеченных к переселению евреев, объяснять им, что на новом месте будет лучше или не так плохо, как здесь, и так далее. Нельзя допускать возникновения паники или сопротивления. При переселении в специально выделенные зоны внутри страны возникают похожие проблемы. Депортация, таким образом, требует от властей вступления в партнерские отношения с теми, чье существование они традиционно игнорировали и кого уж, во всяком случае, не признавали равными себе. Мир больше не пирамидален, кроме самих себя, в нем появляются и другие вершины.

Зарубежный пример депортации в послевоенной истории — известная акция тогдашнего руководителя Польши Владислава Гомулки, совершенная, надо полагать, не без консультаций и согласований с советскими лидерами. У нас же депортация лишь планировалась: вопреки здравому смыслу на Дальнем Востоке была создана Еврейская автономная область — порождение сталинской национальной политики. Ее существование выглядит как минимум анахронизмом — сколько-нибудь значительный процент советских евреев может иметь отношение к этой территории лишь в качестве узников концлагерей. Нас неприятно поразило прозвучавшее в телевизионных репортажах о предвыборной поездке секретаря ЦК КПСС О. Д. Бакланова по Хабаровскому краю сообщение о том, что в ЕАО предполагается открыть единственный в стране педагогический институт, где будет изучаться еврейский язык, и филиал НИИ, предметом исследований которого станет, в частности, еврейская история и культура. Такая попытка реанимации идеи еврейского центра в Биробиджане напоминает о черте оседлости, только в худших, искусственных условиях. Мы считаем, что Еврейская автономная область должна быть упразднена. Не представляя ни советских евреев, ни еврейской культуры, это образование символизирует лишь государственный антисемитизм эпохи «дела врачей» и борьбы с космополитами. Что же касается прав, которые существование ЕАО якобы дает евреям (представительство на Съезде народных депутатов, например), то ведь это права не евреев как нации, а населения области. Вообще права дисперсных наций должны обеспечиваться не искусственной привязкой их к территориям, не имеющим никакого отношения к их культуре и истории, а реальной возможностью создания национальных объединений, пользующихся политическими правами.

Конечно, советский Израиль в Биробиджане создать не удастся, депортации и переселения сейчас не в моде. Времена меняются, и с ними не только «мы», но и «они». Задача культурной изоляции евреев, которая продолжает, конечно, стоять перед антисемитами, приобретает иные, либеральные очертания. Речь уже идет не о каких-то насильственных акциях, а о вполне респектабельном ограничении участия евреев в общественной жизни. В политических, исторических, литературных дискуссиях должно быть как можно меньше евреев — занимайтесь своими делами, не вмешивайтесь в наши. Надо сказать, что концепция культурной автономии абсолютизируется и активно используется антисемитами. Мы, естественно, приветствуем создание еврейских обществ, но не хотим, чтобы они, как об этом мечтают современные антисемиты, трансформировались в своего рода культурные

резервации, выход из которых разрешался бы особо достойным для участия в ритуальных праздниках дружбы народов. Автономия не должна превращаться в изоляцию, самоорганизация этнокультурных обществ — в апартеид. Автономия не самоцель, а средство обеспечения диалога между национальными культурами.

Либеральный антисемитизм — стремление не допускать евреев к участию в общественном диалоге — вовсе не обязательно связан с собственно антисемитскими предубеждениями. Его субъектами могут быть и вполне интеллигентные люди, и даже сами евреи. Так, прогрессивная газета или журнал может стараться не публиковать евреев не потому, что они сами по себе не нравятся редактору — вовсе нет,— а для пользы дела, чтобы не дать возможности оппонентам объявить коллектив редакции агентами жидомасонов, а всю их деятельность — проеврейской. Как это ни печально, такого рода антисемитизм интеллигентных людей не снижается, а даже возрастает. По крайней мере раньше нам реже приходилось сталкиваться с прямым отказом в публикации из-за «неблагозвучности» фамилии и с предложениями писать под псевдонимом. Да и сами мы не без греха. Собирая недавно подписи под одним обращением, адресованным наверх, мы старались соблюсти некую процентную норму, отдавая предпочтение русским фамилиям перед еврейскими. При этом, конечно, исходили из вполне рациональных соображений, стремились обеспечить наиболее благоприятное восприятие текста адресатом. И действовали, как антисемиты: дискриминировали евреев, желавших подписать письмо. Это было ошибкой. Мы пользуемся случаем заявить здесь, что осуждаем либеральный антисемитизм, в том числе и свой собственный. Он не только безнравственен, но и в конечном счете прагматически невыгоден.

ИНОРОДНОЕ ТЕЛО

Однако в стремлении антисемитов устранить евреев от обсуждения принципиальных проблем есть своя логика: «Евреи другие, чужие, еврею не понять русских и Россию, он смотрит со стороны, а надо — изнутри. Ведь умом Россию не понять...» В таких рассуждениях примитивизируется сложнейшая проблема национальной идентичности. Эйнштейн был и чувствовал себя евреем. Но он думал, говорил и писал на немецком языке, во многих своих занятиях был носителем немецкой культуры. Основная же часть того, что он сделал, была вкладом в культуру мировую: его мысли живут в головах евреев и японцев, немцев и русских... Возможно, есть закономерность в том, что чем более масштабен человек, тем больше наций и народностей признают его своим. Закономерность эта, конечно, относится не к одним евреям. Раскрыться всему миру, не отрываясь от национальных и географических корней,— это было свойственно и Гете, и Пушкину, и Пикассо.

Космополитизм лишь по невежеству можно приравнять к «безродности». Он отлично сочетается и с дворянской гордостью своим родом, и с крестьянской любовью к своей земле, и с городской привязанностью к домам и памятникам, среди которых рос. Подлинный космополитизм не только не исключает, но, наоборот, требует развития и утверждения своей национальной культуры. Любой народ может чувствовать тем больше национальной гордости и удовлетворения, чем больше он открыт и интересен для других народов, чем более естественной частью общемирового дома он себя сознает. Лишь в межнациональном диалоге культур человек любой нации может развить самый высокий, общечеловеческий уровень своей идентичности, ощутить себя Человеком — гражданином мира.

Культура, в которой мы воспитаны и в которую пытаемся внести посильный вклад,— это русская культура. Через русско-советскую культуру мы надеемся стать понятными и интересными для зарубежных коллег. Это не мешает нам чувствовать себя евреями. Национальная принадлежность — одна из сложнейших социальных категорий, и если выйти за пределы вульгарных сталинских дефиниций (единство языка, территории и прочее), то главным и в ряде случаев единственным критерием национальной идентификации оказывается самосознание. Мы чувствуем себя евреями, значит, мы ими являемся.

В цивилизованном обществе национальность не биологическая категория, а предмет выбора, может быть, даже неокончательного. Национальная идентичность есть личное дело каждого человека, такое же, как его религия и политические убеждения. Иной подход к национальной проблеме с неизбежностью ведет к подсчетам чистоты крови, мистическим спекуляциям на тему духа расы и, довольно логично, к расизму. У каждого народа исторически складываются свои правила идентификации, и они самоценны — этически недопустимой является лишь забота о биологической чистоте расы.

АНТИСЕМИТИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Люди много раз обманывались, думая, что после очередного рубежа — революции, победы над врагом, введения хороших законов или пуска нового вида техники — наступит рай на земле. Давайте учиться на ошибках. Мы ждем демократии, стараемся приблизить ее, счастливы видеть ее ростки, но не стоит обольщаться. Многое плохое остается, и антисемитизм тоже — если не навсегда, то надолго.

Демократия не означает, что все будут гуманны и интеллигентны. Она означает лишь, что каждый, каких бы взглядов он ни придерживался, должен подчиняться демократическим законам и процедурам. Демократическое общество отнюдь не гарантирует евреям всеобщей любви, оно лишь обеспечивает им защиту прав и возможность объединяться для самозащиты и влияния. Сами же антисемитские взгляды и идеи выражаются более свободно, чем при других системах власти, и становятся предметом обсуждения и анализа.

Мы считаем, что в интересах евреев не просто отвергать предъявляемые им обвинения, но обсуждать их, давать на них ответ. В свободном обществе возникает возможность обсуждать межнациональные отношения — выявлять точки зрения, очищать их от грязи и мифов, сопоставлять и анализировать. В итоге могут наконец возникнуть условия и для компромиссов, способных стать базой межнационального сотрудничества.

Но диалог еврея с антисемитом, еще не начавшись, рискует свестись к неинтересному обмену упреками. «Вы занимаете ключевые позиции в престижных областях. Как сообщила газета «Литературный Иркутск», 45% кандидатов и докторов наук — евреи. Где же справедливость?» — скажет антисемит. «Вы не дали нам и не даете нашим детям возможности получить высшее образование, поступить на нормальную работу, занять достойное место в жизни. И вы говорите о справедливости?» — ответит, пожалуй, любой советский еврей. Удивительная ситуация! Вообще-то несправедливость — дело нередкое, но чтобы обе стороны считали себя потерпевшими, а своего врага — выигравшим... Видимо, что-то не в порядке с самими представлениями о справедливости, и суду здесь делать нечего — прежде чем судить, надо разобраться с критериями, по которым судят.

Антисемиты правы в свете своих представлений о справедливости: 45% — цифра явно дутая, но и то, что процент «остепененных» евреев выше доли евреев в популяции, отрицать невозможно. Мы, евреи, тоже правы в свете наших критериев справедливости: очень многие из нас не получили в жизни того, что заслужили по своим делам.

Справедливость «Литературного Иркутска» — это равенство распределения вознаграждений между национальностями. Объектом справедливости выступает не индивид, а нация, и справедливость понимается как равенство. Мы же исходим из другого понимания справедливости: каждому — по труду. Это значит, что человек получает вознаграждение в точном соответствии с ценностью сделанного им лично. Его национальность, равно как и количество людей той же национальности, получающих те же блага, не играет никакой роли. «Справедливость» — слово, относящееся не к общностям людей, а к ним самим, к каждому из них в отдельности.

Доводя заботу о межнациональной и вообще межгрупповой справедливости до логического конца, следовало бы добиваться, чтобы от русских и евреев, латышей и эвенков, мужчин и женщин, грамотных и не очень — от всех было бы пропорционально равное представительство среди писателей и генералов, академиков и депутатов, руководства ЦК КПСС и общества «Память»... Идея пропорционального представительства — хорошо знакомой разнарядки — как средства достижения межнациональной и даже социальной справедливости прямо ведет к абсурду. Сейчас ясно почти для всех, что дифференциальная справедливость, действующая на индивидуальном уровне — каждому по труду, кем бы он ни был,— ведет к более эффективному и динамичному обществу, чем любые иные виды распределения.

Стоп. Мы подменяем диалог изложением своей точки зрения, которая нам кажется очевидно верной. К тому же мы исходим из ценностей (эффективность, динамизм), которые могут вовсе не быть ценностями для наших оппонентов. Лучше попробуем представить их аргументацию. С какой это стати, спросят они, вообще вознаграждать евреев за их вклад в русскую культуру? Пусть евреи как хотят, так и вознаграждают сами себя за свой вклад в свою культуру.

Русская культура всегда была предметом и результатом межнационального диалога. Это относится и к тем временам, когда русские князья женились на татарских и литовских царевнах, и к тем, когда русские литераторы писали по-русски, а думали по-французски, и к тем, когда, по словам Ахматовой, фамилия Рубинштейн считалась столь же русской, сколь и Иванов. И действительно, поэзия Мандельштама, Пастернака и Бродского такая же русская, как и Есенина, Гумилева и Цветаевой. Живопись Альтмана и Фалька, театр Мейерхольда и Михоэлса, физика Ландау и Иоффе — все это тоже русская культура. Вклад евреев в нее неоспорим, и в своем воображаемом диалоге с антисемитом мы не собираемся доказывать очевидное. Сейчас нас интересует другое — возможный ответ нашего оппонента.

«Евреи, действительно, бывают одаренными людьми. Но все, что они сделали для России,— это не наше, не русское, это чуждая струя в развитии национальной идеи. Только вы можете не видеть этой еврейской суетливости, жажды признания, неувязчивой потребности в переменах во что бы то ни стало. Не говоря уже о пренебрежении к национальным традициям и быту, настоящей ненависти ко всему русскому, двигавшей Троцким, Свердловым, Зиновьевым».

Все это очень серьезно, и игнорирование подобной позиции может нам дорого обойтись. Постараемся отделить в ней правду от скоропалительных и поверхностных обобщений.

Действительно, еврейская ветвь российской культуры обладает определенным, ясно различимым своеобразием. В противостоянии западников и славянофилов, которое питает собой все развитие российской цивилизации, евреи почти неизменно принадлежали к одному, западному, лагерю. Фактически все последнее столетие евреи играли в России важную роль культурного медиатора, воспринимающего навыки западной цивилизации и через сопротивление внедряющего их на отечественной почве. Причин для именно такой роли евреев много — и особенности подвижного национального характера, и традиционное уважение к книжному знанию, и географически пограничное положение еврейского расселения.

И в нынешней ситуации одни воспринимают перестройку как призыв стать наконец Европой, другие — как способ найти и осуществить вопреки всему миру русскую национальную идею. Позиция большинства евреев в этом споре очевидна, она вызывает сочувствие одних и ненависть других вовсе не в силу юдофилии или юдофобии, а в соответствии с политическими взглядами и личными пристрастиями.

ПОИСК ВИНОВАТОГО

В своих оригинальных «еврейских да-цзы-бао» И. Губерман писал: «Царь-колокол безгласен, полометый, Царь-пушка не стреляет, мать ети, И ясно, что евреи виноваты, Осталось только летопись найти». Поиски «летописи» ведутся весьма активно, причем с целью доказать обвинения куда более серьезные...

Люди, делавшие революцию, исходили, безусловно, из абстракций, в которых Россия была лишь одним, хотя и важным, звеном. Мы согласны с В. Кожиновым — диалог же! — в том, что Россия стала средством для мировой революции, а не той целью, во имя которой эта революция совершалась. Кожинов деликатно оговаривается, что дело не в национальности — Бухарин был русским, но провел жизнь в эмиграции, России не знал и не понимал. Мы же не хотим закрывать глаза на то, что, действительно, среди революционеров было множество евреев и что на них лежит ответственность и за многочисленные преступления, и за колоссальный ущерб России. Но встает вопрос, много раз возникавший в истории, о коллективной вине народа. Вопрос этот куда более сложен, чем может показаться на первый взгляд, и не решается подсчетом процента евреев среди жертв, палачей и палачей, ставших жертвами. Недаром сказано: «Не судите, да не судимы будете» — азартная охота на злоумышленников и супостатов может сыграть злую шутку с самими охотниками. Если и вправду евреи совместно с литовцами, поляками, латышами и другими инородцами в дикой своей злобе против всего русского целенаправленно и жестоко уничтожали русский народ и русскую культуру, то позволительно спросить: «Почему столетия совместного проживания под дланью русского царя, среди русского народа сформировали в означенных инородцах не чувство признательности и любви, а неприязнь и отчуждение? Не несет ли свою долю вины и сам старший брат и патрон — русский народ, все русские, в том числе и живущие сейчас?» Мы-то думаем, что нет, не несут, так как сама идея коллективной вины и коллективной же ответственности кажется нам дикой, средневековой и вызывает протест, идет ли речь о евреях, немцах, русских или о ком-либо еще. В исторических вопросах выяснение «кто первый начал» еще менее конструктивно, чем в драке между первоклассниками. Конечно, людям, не связанным с русской культурой, оторванным от нее, «легче» было осуществлять против нее варварские акции. Дискриминация, провоцирующая чувство отчуждения, опасна — пружина может разжаться резко и неожиданно, дискриминируемое меньшинство несет в себе заряд разрушения. Равенство и социальная справедливость не просто этический императив, это безопасность завтрашнего дня. Нищета и бесправие черты оседлости не лучшим образом дали себя знать после семнадцатого года.

Но, право же, не стоит связывать всю кровь и деструкцию в нашей истории с евреями или вообще с инородцами. В когорте верных соратников Сталина на одного Кагановича приходится множество русских, заслуживших себе почетное место в аду. Среди славных бойцов НКВД, осуществлявших геноцид в Эстонии и Крыму, в Литве и на Северном Кавказе, «чужеродный элемент» отнюдь не доминировал. А уж брежневское Политбюро и партийный аппарат в расовом отношении были безупречно чисты (в среде аппаратных работников обсуждалась, например, такая проблема — какие фамилии предпочтительны как более русские: кончающиеся на «ов» или на «ин»); однако именно под их руководством столь активно и бессмысленно разбазаривались природные богатства страны, велась преступная война, а народ спивался.

ЕВРЕИ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Заголовок шокирует: эти два слова непривычно видеть рядом. Евреи давным-давно не играют заметной роли в политических решениях, и новые демократические порядки вовсе не несут евреям привилегий: достаточно ознакомиться со списком народных депутатов — там практически нет явно еврейских фамилий.

Откуда же идет легенда о жидомасонском заговоре, воскресшая из забвения как раз в годы перестройки? В обильной масонской мифологии выражаются недоверие к переменам, ощущение их чуждости и навязанности, свойственное консервативной части населения. Для тех, кто воспринимает идеи перестройки как конец спокойной и удовлетворяющей все потребности жизни, как подрыв дорогого сердцу имперского образа страны — для них идеи перестройки действительно смыкаются с черносотенным образом не имеющего своих корней еврея, ненавидящего Русь и от века беспокоящего простого рабочего человека. Это «объективное», никем не придуманное совпадение образа вносит гораздо больший вклад в жидомасонский миф, чем мелкие и глупые сплетни о родственных связях членов Политбюро. Похоже, сегодня юдофобия превращается в бо́льшую политическую проблему, чем вчера. Сегодня она касается далеко не только евреев. За антисемитизмом скрывается консерватизм, один из главных факторов большой политики. Так, кстати, уже было в начале нашего века.

Множество хороших начинаний сгинуло оттого, что среди авторов были евреи. Достаточно оказывалось подозрения, что некоторое предложение может пойти на пользу еврею, чтобы с предложением этим было покончено. Пустить такой слух — верный путь задавить любую инициативу. Совсем недавно один из авторов наблюдал в Ленинграде такую сцену. За кандидата в депутаты, молодого русского парня, отважно конкурировавшего с первым секретарем горкома партии, агитировал в мегафон его доверенное лицо, наверное тоже русский. В толпе кто-то сказал: опять евреи хотят революцию сделать...

Есть евреи, среди которых подобные настроения вызывают сильнейшее беспокойство. Тот, кто помнит антисемитские шельмования 50-х годов, неодобрительно относится к любой политической активности, исходящей от евреев: опять крайними будем мы, опять спасать Россию начнут за наш счет.

Но евреев тянет в перестройку и особенно острая неудовлетворенность прошлыми временами, и извечная вера в возможность разума изменить мир. Участие в новой политической жизни — тот шанс на реализацию, которого не мог, да и сейчас, как правило, не может получить еврей в официальной культуре. Однако, по нашим наблюдениям, евреев сегодня не так уж много в общественных движениях Москвы и Ленинграда. Надеемся, завтра их станет не меньше, а больше.

Перестройка является не менее еврейским делом, чем русским, эстонским, армянским... Поэтому последняя наша реплика в диалоге — «За нашу и вашу свободу!».

Неужели я переживу это море

Виктория ИВЛЕВА

Фото автора

Неужели я действительно переживу это море? Неужели мы и впрямь уже научились уничтожать вечное за срок меньший, чем человеческая жизнь? Как не хочется в это верить.

Я не привожу практически никаких цифр сознательно. Слишком мало пришлось мне пробыть на Арале, чтобы рассуждать о нем на уровне тех, кто изучает его на протяжении долгих лет. Мое восприятие скорее эмоциональное. И потом, о многом ли большинству из нас скажут цифры кубокилометров или куболитров воды, которые должны течь, вливаться, бурлить, впадать, но не текут, не вливаются, не бурлят, не впадают и даже не существуют? На меня, например, гораздо сильнее действует полуторагодовалый мальчик со вспученным животом, руками-веточками и ножками с кожей, как у маленькой черепашки. И такая же девочка, весящая всего пять кило, и еще один такой же мальчик, и еще одна девочка, и еще, и еще. И все они, как убежденно и однозначно считают врачи детского отделения Аральской больницы,— жертвы экологической трагедии.

Песок наступает неумолимо, море уходит, а с ним и люди. Взять хотя бы большое село Бугун, что недалеко от Аральска: из семи тысяч жителей осталась одна треть. Русские и немцы уехали первыми, сейчас за ними потянулись и казахи.

От тех недавних дней, когда море волшебно плескалось и шумело под окнами, а рыбу можно было ловить чуть ли не руками, остались лишь воспоминания да пара-тройка нелепостей: и в Муйнаке, и в Аральске до сих пор стоит весьма странное садово-парковое сооружение эпохи девушки с веслом — этакий полуоблупившийся железобетонный человекообрубок с огромной рыбой в руках. В одном из городов сооружение венчает надпись, прославляющая славный труд славных тружеников славного моря. В Муйнаке прямо при выходе из аэропорта глаза, уже немножко попривыкшие к желто-блеклым краскам этих краев, начинает буквально щемить от аляповато-цветастого лозунга с оптимистической, но совершенно не вселяющей никакой надежды надписью: «Арал будет жить!» И там же: «Муйнак — город рыбаков». Впрочем, это верно. Рыбаки остались, уезжать отсюда они не хотят, только вот профессии сменили. Один, например, бывший капитан рыболовецкого баркаса — теперь на Муйнакском кладбище кораблей, довольно саркастически называемом «кладбищем дружбы народов», так как почти все сваленные здесь суда носят названия союзных республик, вооружившись автогеном, разрезает свой собственный баркас на металлолом. Другой работает на консервном заводе — штампует тару, в которую подчас нечего складывать. Старуха морячка, проведшая больше 30 лет в море, ушла на пенсию раньше срока. А что делать?

Что делать — местные женщины согласны на любую работу. Комбинат «Аралрыбпром», гремевший некогда по стране и еле успевавший обрабатывать рыбу из Арала, сейчас делает консервы из рыбы, которую сюда привозят в рефрижераторах аж с Дальнего Востока.

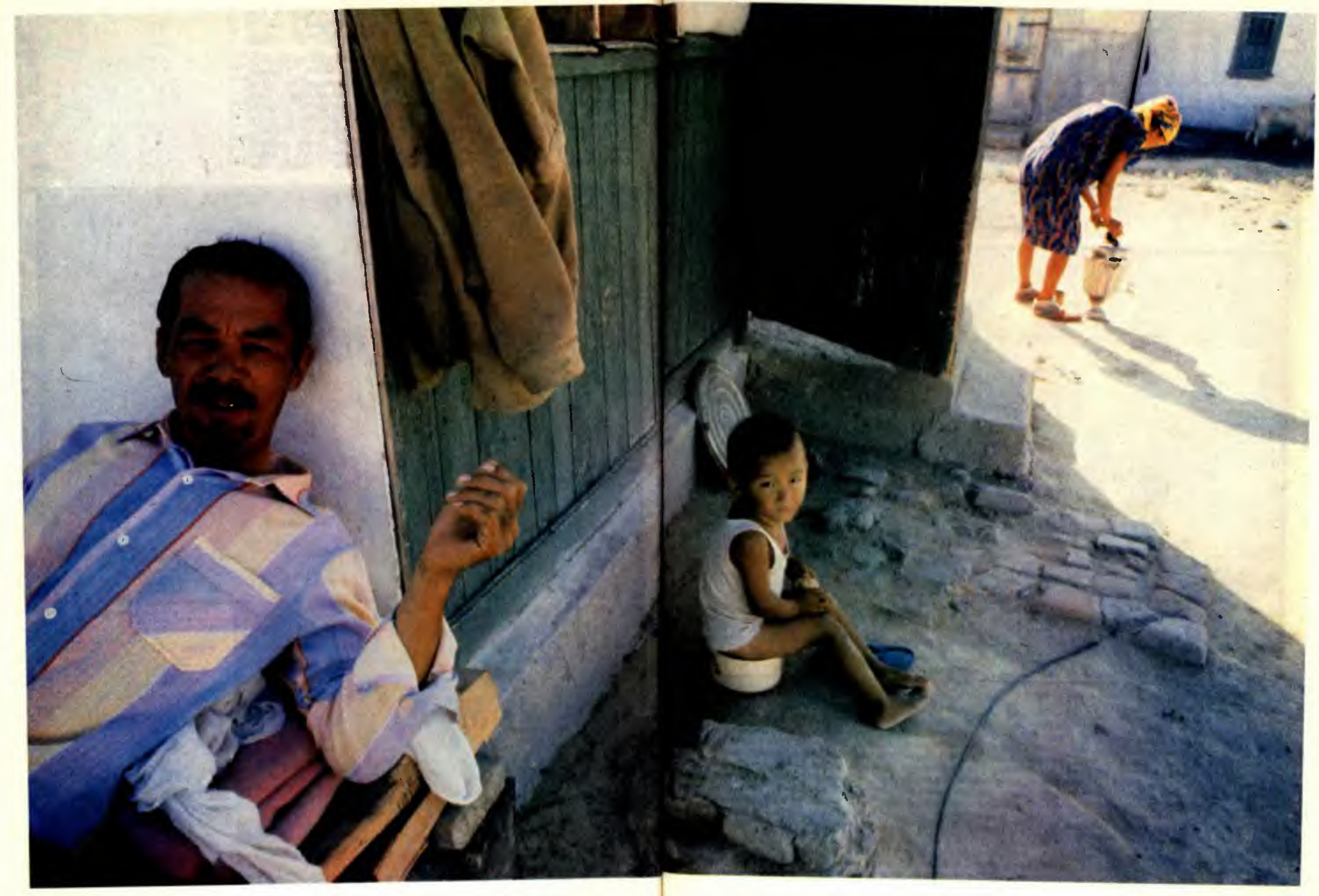
Те, кто не хочет никуда уезжать, пытаются приспосабливаться к новым обстоятельствам. Вот, к примеру, сов-

хоз Ак-Кала, бывшее крупное рыболовецкое хозяйство. В память о прошлом остались здесь два естественных озерца с дивной рыбой, маленький рыбокоптильный цех, в котором работают шесть стариков... А сейчас здесь разводят лошадей, и вроде успешно. Лошади, конечно, не знают, что пасутся они на дне бывшего моря, а меня не покидает чувство ирреальности всего происходящего. Лошади, пасущиеся на дне моря, рыба, привозимая к морю за десять тысяч километров от другого моря, лозунги, прославляющие то, чего нет, я сама, бредущая под палящим солнцем по дну того же моря на острове Барса-Кельмес, где так отчетливо видно, насколько уходит вода за год, раздувшиеся животики детей — что это, страшный бред?

Стоят ли все хлóпки мира и все то замечательное, что из них можно произвести, слезы аральской рыбачки?

Думаю, что европейцу, привыкшему к дождям и зелени, жить здесь почти невозможно. И все-таки есть какая-то сила, которая тянет вернуться к полузасушенному и полузадушенному морю, уже распавшемуся надвое. Может быть, чувство вины?

И как странно думать: я переживу это море...

Инакомыслящие в позе лотоса

Владимир СКОСЫРЕВ

По соседству с «Прагой» пестрая процессия, самозабвенно напевая один и тот же рефрен — мантру «Харе Кришна» и пританцовывая в такт ударам бубна, двигалась в направлении Арбатской площади. «Солист» — высокий мужчина лет тридцати с бритой головой и пучком волос, собранных на макушке как бы в шнурок. Зовут его Сергей Зуев, по образованию инженер-механик. Работал на производстве. Но все это — раньше. А сейчас всецело посвящает себя Обществу сознания Кришны — думаю, читатели уже догадались, что речь идет именно о последователях этого религиозного движения.

Представляюсь. Диалог журналиста с кришнаитом моментально привлекает внимание гуляющих, благо день выходной. Так что интервью получается как бы коллективным — мои вопросы то и дело дополняет кто-то из обступившей нас толпы.

— И давно вы порвали с мирской суетой?

— Ушел с прежней работы полгода назад, но я не считаю, что мы отгораживаемся от жизни, от забот людей. Наша цель — перестройка сознания на основе учения Кришны. Люди у нас в стране поглощены материальными заботами. Многие пьют, принимают наркотики. А наши братья в боге не курят, не употребляют алкоголь, не едят мяса, рыбы, словом, ведут праведный образ жизни. Среди нас есть бывшие наркоманы — они излечились без помощи лекарств.

— Все это выглядит очень заманчиво, но ведь существовать вам на что-то нужно. Откуда средства?

Сергея этот вопрос не смутил. Среди нас, ответил он, есть представители разных профессий: музыканты, преподаватели, артисты, педагоги и даже милиционеры, военнослужащие. Они получают зарплату. Ну а те, кто, как я, отдает все время обществу, существуют на добровольные пожертвования. Когда ведешь скромный образ жизни, 50—60 рублей достаточно...

Пока Сергей пытался растолковать нам, несведущим, смысл бытия, как его понимают кришнаиты, один из бритоголовых парней в желтом хитоне достал из сумки брошюрки, «Бхагавадгиту» — священную книгу общины на русском языке, и стал показывать собравшимся. Божественные откровения стоили недешево — по 35 рублей за штуку.

Надо сказать, кришнаиты пропагандируют сведения о себе не только во время шествий по Арбату. Однажды в метро мне вручили листовку, которая начиналась такими словами: «Чтобы приступить к простой, возвышенной йога-медитации, вам нужны только голоса и уши... Воспевайте, пожалуйста, имена Бога — Харе Кришна...— и ваша жизнь станет возвышенной».

Соблазнительно так вот взять и в одночасье отрешиться от повседневной суеты, но я все же усомнился в простоте рекомендаций и решил послушать, как же толкуют суть экзотического культа самые авторитетные в общине проповедники. Случай вскоре представился.

С лекцией в МГИМО выступал Вячеслав Руденко, в миру преподаватель музыки, вполне респектабельного вида молодой человек. Доклад сопровождал показ слайдов, в аудитории звучали песнопения, горели ароматические палочки из сандала, словом, лектор постарался воссоздать атмосферу индуистских храмов, какие ему довелось увидеть во время недавнего посещения Индии большой группой наших кришнаитов.

Вячеслав Руденко без тени сомнения говорил, например, что были времена, когда люди жили до 100 тысяч лет. Но, постепенно утрачивая духовность, они все глубже погрязали в грехах, а потому в следующую, более близкую к нам эпоху могли дотянуть всего до 10 тысяч лет, пока не докатились до нынешнего незавидного состояния. Правда, не все так безнадежно: лет 500 остается до начала новой эпохи духовного возрождения, связанного с учением Кришны, и человек снова станет набирать продолжительность жизни, какая сегодня нам и не снится. Во время лекции довелось узнать и историческую сенсацию: оказывается, еще в доисторические времена в битве при Курукшетре, где на стороне праведных сил сражался сам Кришна, погибло ни много ни мало... 640 миллионов человек. Думаю, такие факты может всерьез принять лишь тот, кто оказался в плену мистического учения Бхакти Веданта Свами Прабхупады — основоположника общества Кришны.

Ступив на землю Нью-Йорка безвестным проповедником (а Америку индийские аскеты пытались покорить в прошлом не раз), Прабхупада через год создал Международное Общество сознания Кришны (или сокращенно ИКСКОН). И такой отклик нашли его идеи, восторгаются биографы, что к тому

моменту, когда в 1977 году Прабхупада навсегда покинул бренный мир, общество «выросло до всемирной конференции, состоящей из более чем ста ашрамов (обителей), школ, храмов, институтов и сельскохозяйственных общин».

Что ж, поклонники мудреца из Калькутты нисколько не преувеличивают, когда пишут о стремительном распространении популярности ИКСКОН. Пританцовывающих бритоголовых активистов общества можно было встретить в шестидесятые и начале семидесятых годов в выходной день на людных улицах как американских, так и западноевропейских городов.

И самое время задаться вопросом: каким образом семена

— С исторической точки зрения это движение можно считать продолжением тех религиозно-философских исканий в Европе и Америке конца XIX — начала XX веков, когда предпринимались попытки создать новые религиозные системы на основе восточного мистицизма, а иногда путем синтеза с ним христианства.

Конечно, богоискательство — феномен в русской духовной жизни не новый. В годы между первой и второй революциями им увлекались замечательные умы. Да и после 1917 года остались у нас оригинальные религиозные мыслители, пока их не вырубили под корень сталинские радетели идейной чистоты. И сегодня, когда мы очищаемся от пятен стали-

Фото
Юрия. КОЗЫРЕВА

кришнаизма дали всходы у нас? Я спрашивал об этом нескольких советских кришнаитов и в ответ слышал следующее: в 1971 году Прабхупада приезжал в Москву, беседовал с нашим видным индологом профессором Г. Котовским, имел другие встречи и инициировал первого ученика (то есть исполнил обряд посвящения в общину). Так учение начало распространяться на нашей земле.

Поскольку в этих рассказах постоянно фигурирует профессор Котовский (сын прославленного полководца гражданской войны), я попросил Григория Григорьевича припомнить встречу с Прабхупадой.

— Однажды мне (я заведовал отделом Индии и Южной Азии в Институте востоковедения Академии наук) позвонили из посольства Индии и попросили принять ученого-санскритолога Прабхупаду, находящегося в Москве в качестве гостя посольства. Я согласился,— сказал Г. Котовский.— К моему удивлению, гость явился не один, а в сопровождении группы своих последователей — американских юношей. Мы довольно долго беседовали на философские темы, а также о деятельности кришнаитов, и на том все, казалось, кончилось. Но года через два мне показали изданную за границей брошюру, где была помещена в переводе на русский язык стенограмма беседы. Это означало, что в нарушение нашей договоренности с Прабхупадой о конфиденциальности беседы ее записали на магнитофон.

— Можно ли сделать вывод, что кришнаизм — это еще одно ответвление или секта внутри индуизма?

— Нет, это было бы неверно: хотя кришнаиты имитируют прическу, одежду и некоторые моменты в обычаях брахманов — последователей вишнуитского толка индуизма, это движение остается внешним для Индии. Его приверженцы — в основном граждане США, других государств Запада. И это естественно. Ведь, согласно традиционным представлениям, индусом нельзя стать, им можно только родиться. Один из краеугольных камней индуизма — это кастовая система, а принадлежность к касте зависит не от воли человека, а от касты родителей. Вот почему мои друзья из числа ортодоксальных верующих рассматривали движение как своего рода карикатуру на индуизм.

— Но если не настоящий индуизм, то что же это?

низма, когда рушатся строжайшие табу, возрождение интереса к православию, исламу, другим традиционным для нашей страны верованиям, на мой взгляд, вполне закономерный процесс. Но почему все же часть молодежи подпала под влияние новых религиозных течений, в частности кришнаизма?

Г. Котовский называет несколько факторов. Это и притягательность «восточной мудрости», и активность самого общества, которое при поддержке определенных сил настойчиво стремилось распространить учение в Советском Союзе. Что же это за силы? Из бесед с индийцами, говорит профессор, мне стало известно, что в начальный период деятельности общества оно в основном финансировалось миллионерами из Канады и США.

Но не это главное. Никакая экзотика и умелая пропаганда из-за океана не смогли бы привлечь в общество Кришны людей, если бы официальные идеалы и ценности не потеряли авторитета в их глазах. Вспомним 70-е годы, когда наши лидеры сплошь и рядом произносили с трибун одно, а поступали совсем иначе, плодя неверие и цинизм. Как ни парадоксально, но популярность кришнаизма «у них» и «у нас» — плод разочарования. Только «у них» это было разочарование во вседозволенности, погоней за материальными благами, «у нас» — полным разладом между провозглашаемыми лозунгами и тяжкой повседневной реальностью. Блюстителям нашей идейной стойкости в застойные годы это казалось настолько обидным, что они придумали инструкции, позволявшие отправлять кришнаитов за решетку. Кое-кто из них вышел на свободу лишь год-два назад, но успел уже совершить паломничество в Индию.

С позиций сегодняшнего дня преследование за религиозные убеждения выглядит дико. Слава Богу, с этим покончено. Община кришнаитов теперь зарегистрирована официально. Мы преодолеваем предубеждения прошлых лет, перестаем бояться инакомыслия.

Нужно учиться терпимости. Терпимости к взглядам другого человека, даже если они кажутся чуждыми. И тогда наши бритоголовые парни в самодельных шафрановых тогах перестанут смотреть на окружающий мир как на враждебную среду.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РАССТАНЕМСЯ С «МИТИНГУЮЩИМ» ОБЩЕСТВОМ?

Илья ЗАСЛАВСКИЙ, народный депутат СССР

По мнению политологов, в мире существуют несколько типов организации общества: тоталитарное, авторитарное, либеральное.

А где, в каком социальном измерении мы с вами находимся и живем?

Прежде аппарат правил страной по своему усмотрению так, как то считало нужным небольшое количество людей. Это в конце концов обернулось внутренним кризисом общества. Была потеряна эффективность труда в промышленности, сельском хозяйстве, управлении, науке, ибо люди работали в направлении, какое выбрал аппарат, что зачастую не соответствовало объективным интересам общества. Возникла объективная необходимость, чтобы органы власти отражали интересы народа, только тогда возможна продуктивная работа всего общества. Так начала пробивать себе дорогу, реально воплощаться в жизнь идея перестройки.

Гласность, первые прорывы в системе экономической монополии... Наконец выборы народных депутатов СССР на конкурсной основе. Процесс свободного волеизъявления народа наталкивался на целый ряд ограничений. Вспомним антидемократическую процедуру окружных собраний при выборах народных депутатов СССР. А привилегии для общественных организаций! Однако сегодня, думаю, мы вправе говорить и о некоторых позитивных переменах. Закон об аренде — он кое-чего стоит. Как ни ругай Верховный Совет СССР, но ведь именно он принял решение, согласно которому каждый депутат вправе заниматься политической деятельностью профессионально, а не только в свободное от работы время. Именно парламент поставил вопрос об отмене шестой статьи Конституции СССР и едва не включил его в повестку второго Съезда народных депутатов СССР. Словом, на мой взгляд, у нас сегодня некое промежуточное общественное состояние. Мы — страна с признаками либерального общества, где многое еще «не положено», «нельзя»...

Скажем, народный депутат СССР не может получить выхода на прессу, телевидение, чтобы объяснить людям те или иные свои действия или поступки. С другой стороны, отсутствует механизм доведения реального общественного мнения до депутата... Я полагаю, бурные волнения в стране — митинги, забастовки и так далее — как раз и отражают несоответствие соотношения сил и точек зрения в обществе и в органах власти. Но ведь мы хотим не «митингующего», а работоспособного государства! Эффективного гражданского общества! Путь к нему может лежать через выборы в республиканские, краевые, областные, городские, местные Советы. Соотношение сил в них должно соответствовать соотношению сил в самом обществе. Насколько это реально?

К главному недостатку Законов о выборах народных депутатов РСФСР и депутатов местных Советов я бы отнес прежде всего отсутствие у кандидатов возможности агитировать за свою программу: ведь деньги тратить нельзя — ни свои, ни общественных организаций, ни предприятий или граждан. Биографии кандидатов издаются за счет средств государства. А где и на что печатать программу? Отсутствует экономическая основа выборов — деньги, типографии.

В итоге, что и показали прошедшие весной выборы, далеко не все люди оказались в состоянии познакомиться с различными политическими течениями и движениями граждан, что, естественно, на руку консерваторам и аппарату. Для них идеал — клубы избирателей, аморфные образования без четкой позиции и членства. Такие клубы, наверное, тоже нужны как место просвещения, арена дискуссий...

Но наряду с аморфными клубами необходимы и политически ориентированные объединения избирателей с четкой позицией и платформой, такие, как, например, московское объединение избирателей.

Московское объединение избирателей (МОИ), поддерживающее межрегиональную депутатскую группу, сложилось давно. Но его регистрация стала проблемой. Совместными усилиями актива отделения московского объединения избирателей Октябрьского района столицы, куда входили члены координационного совета МАИ Д. И. Катаев, А. Е. Шабат и А. Н. Медведев, и моими тоже удалось добиться регистрации РОИ Октябрьского района. Чего же боялись во многих других местах? Право людей с другой позицией тоже объединиться и поспорить с нами. А мы — за рыночную экономику, за передачу заводов и фабрик в собственность трудовых коллективов, за право владения отдельным гражданином средствами производства, может быть, небольшим предприятием.

Для кого-то это неприемлемо, но мы убеждены: любое ограничение демократии в экономике приводит к ограничению демократии в политике. И наоборот.

В российском Законе о выборах отмечались иные его прогрессивные положения, например, отсутствие окружных собраний и выборов от общественных организаций. Думается, год назад этого было достаточно. Но каждый закон должен соответствовать своему времени. Опубликован проект Закона о печати — если бы такой закон мы имели, скажем, шесть лет назад, даже в наиболее консервативном из ныне предлагаемых вариантов, так называемом варианте с «поправками группы депутатов»! Сегодня этот «вариант» может быть оценен однозначно. Согласно «поправкам», отдельный гражданин не может стать основателем газеты или журнала. Учредитель издания располагает чрезвычайными правами, по сути это — цензор. Так что «вариант с поправками» в наши дни заведомо консервативен.

И все же состоявшиеся выборы — это дорога вперед. Когда в обществе возникнут депутатские структуры сверху донизу, структуры, имеющие свою позицию, ситуация в стране может сильно измениться. В отдельных регионах, городах возникнет возможность проведения в жизнь различных идей, концепций, точек зрения. Легче станет регистрировать в органах власти новые общественные организации и новые органы печати. А значит, начнет быстрее развиваться и все общество. Именно этого и не хотят консерваторы. Они, к примеру, пытаясь скомпрометировать межрегиональную депутатскую группу, пугают обывателя: смотрите, мол, возникает новая пирамида власти. Ничего подобного! Рождается структура всех депутатских уровней и, как ее часть, межрегиональная группа. Кто мешает народным депутатам СССР с иными взглядами создать свою группу, отстаивать свои позиции, поддерживать своих сторонников на местных и республиканских выборах?! Ни на какую монополию межрегиональная группа не претендует. В нее, как и в московское объединение избирателей, собираются люди, которых привлекают как разнообразие более частных позиций, так и некоторый «джентльменский набор» политических требований, без которых нормальный демократический строй просто дышать не может. Свобода экономики. Свобода печати. Политические свободы. Элементарные права граждан...

Господин МЭТЛОК – «прораб» доверия

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Гости столицы да и многие москвичи свое представление об американском посольстве связывают исключительно с монументальным 10-этажным зданием, стоящим на Садовом кольце в двух шагах от площади Восстания.

В отличие от массивного, заметного издали здания посольства «Спасо-хаус» можно запросто проскочить, гуляя по арбатским переулкам, хотя тот, кто его видел даже мельком, никогда не скажет, что он мал или неприметен. Более того, дом этот обладает величием формы и благородством стиля. Его построили в 1914 году в модном тогда стиле «неоампир» для богатого московского купца Второва известные архитекторы Адамович и Маят. Недолго пришлось наслаждаться хозяину пышными своими хоромами: в 1917 году, еще до Октября, Второва то ли застрелили, то ли он уехал за границу. После Октября же дворец экспроприировала Советская власть, и он использовался ЦИКом для официальных приемов. В нем одно время жил Георгий Васильевич Чичерин, нарком иностранных дел. С той поры дом навсегда стал пристанищем для дипломатов. Правда, с конца 1933-го советских заменили американские, когда СССР и США вступили в дипломатические отношения. Первый американский посол Уильям Буллит выбрал из трех предложенных для посольства зданий два: для персонала — на Моховой, рядом с гостиницей «Националь», и второвский — для собственной резиденции. С тех пор хозяином «Спасо-хауса» является очередной посол Соединенных Штатов в СССР. Точный почтовый адрес дома — Спасопесковская площадь, 10. Имя площади дала небольшая, но удивительно изящная церковь Спаса-на-песках, построенная в 1711 году.

Три года назад здесь поселился новый хозяин — пятидесятивосьмилетний Джек Мэтлок. Впервые порог этого дома он переступил еще в 1961 году в качестве простого сотрудника консульского отдела посольства. В дипломатию молодого Мэтлока привела любовь и обостренный интерес к русской литературе и культуре. Они зародились в нем еще в студенческие годы, когда он прочел «Преступление и наказание» Ф. Достоевского. Получив степень магистра славистики и литературы в Колумбийском университете, Мэтлок некоторое время преподавал русский язык в Дортмутском колледже. Тогда же он открыл для себя Н. Лескова, который, в свою очередь, помог ему понять глубинные особенности русской жизни, русского характера, русского языка. Войдя сам в мир Лескова, Мэтлок постарался сделать этого писателя близким и для широкого круга американцев: посол США в СССР начинал свой путь в Россию переводами Лескова на английский язык.

Тогда, в конце пятидесятых, его общение с русской культурой было возможно лишь с помощью книг. Прямое же, непосредственное знакомство с Россией могла дать или журналистика, или дипломатическая служба. Он выбрал дипломатию.

Два года длилось его первое пребывание в Москве. Затем он приезжает в СССР в 1974-м — заместителем посла, и задерживается здесь на сей раз вдвое дольше. Наконец, третий его приезд в 1981 году — в качестве временного поверенного в делах. В том же 1981-м он занял пост американского посла в Чехословакии. Спустя два года президент Рейган назначает его своим советником и старшим директором отдела по европейским и советским делам в Совете национальной безопасности.

В перерывах между дипломатической службой Дж. Мэтлок углубленно занимается наукой, становится профессором политических наук в университете Вандербильта. Этот факт сам по себе говорит о многом и прежде всего о разносторонности и глубине личности посла. А это чрезвычайно важно, ибо от нее, от личности, зависит в немалой степени, как будут складываться отношения между странами. Общая компетентность, помноженная на доброжелательное отношение к стране пребывания,— вот что характеризует Дж. Мэтлока. И вполне закономерно, что он стал одним из главных вдохновителей тех инициатив, из которых выросли исторические соглашения между М. С. Горбачевым и Рональдом Рейганом.

Осенью прошлого года в Вайоминге состоялась встреча между госсекретарем США Бейкером и министром иностранных дел Э. Шеварднадзе. Она была проникнута духом открытости и дала мощный импульс дальнейшему развитию советско-американских отношений. Как заявил Дж. Бейкер, «мы перешли от конфронтации к диалогу, а теперь и к сотрудничеству — к совместным действиям с целью решения общих проблем...».

И тем не менее некоторая прохлада, которая ощущалась в начале пребывания у власти новой администрации США и которая так встревожила нас всех, оставалась в памяти. Еще весной на одном из брифингов, которые регулярно проводит господин Мэтлок в «Спасо-хаусе» для советских журналистов, я спросил посла:

— Не было ли вызвано это похолодание сомнениями нового президента в правильности старого курса?

— Мне кажется, никакого ужесточения не произошло. Президент Рейган хотел, насколько возможно, договориться. Он хотел решать проблемы между нашими странами путем переговоров. Президент Буш тоже стремится продвинуть вперед урегулирование спорных вопросов. Я не вижу коренной разницы. Но, конечно, когда мы решаем вопросы, оставшиеся проблемы становятся чем дальше, тем труднее. Само собой разумеется, что вначале решаются менее сложные вопросы. И, кроме того, никакой американский президент не хочет подписать договоренности, которые сенат затем не одобрит. И поэтому, когда президент Буш выступил с требованием вести переговоры очень тщательно, это потому, что он считал, что нельзя подписывать договоренности ради самого подписания. Так что никакого ужесточения не было, хотя не секрет, что во многом наши мнения не совпадают. Мне кажется, в области обычных вооружений президент Буш выдвинул очень конструктивные предложения, которые продвигают дальше более ранние предложения Советского Союза. Так что начатая прежней администрацией политика в отношении СССР сохраняет свою направленность. Все-таки Буш лично участвовал в формировании рейгановской политики в качестве вице-президента. Хочу также обратить внимание на неоднократные заявления Буша, что он хочет сделать Америку «добрее и мягче». Уверен, это относится и к контактам с Советским Союзом.

Прошло полгода, и эти слова Мэтлока полностью подтвердились во время переговоров в Вайоминге. Там была достигнута договоренность о встрече Дж. Буша и М. С. Горбачева в конце весны — в начале лета 1990 года.

И вдруг это декабрьское рандеву на Мальте, такое неожиданное для всего мира, такое романтичное в своем внешнем оформлении и в то же время столь прагматичное по сути. Политические результаты, достигнутые в ходе двухдневных переговоров на борту советского пассажирского лайнера, мировая общественность оценила как выдающиеся. Как писала в те дни влиятельная «Вашингтон пост», «после года, в течение которого для отношений между сторонами — советской и американской — была характерна неопределенность, Буш повернул политику своей страны в сторону открытого политического и экономического сотрудничества с СССР и активной поддержки Горбачева. Сделав это, президент США превзошел своего предшественника Рональда Рейгана».

Несмотря на всю свою внезапность, встреча на Мальте тем не менее отнюдь не была этаким политическим экспромтом. Когда-нибудь мы, конечно же, узнаем во всех деталях, как и кем она готовилась, хотя некоторые любопытные подробности уже просочились в печать. Так, миланская газета «Эпока» рассказала о том, что 25 сентября премьер-министр Мальты Э. Адами, находившийся в Нью-Йорке в связи с сессией Генеральной Ассамблеи ООН, был приглашен Бушем на официальный обед и в тот же вечер — на официальный ужин. Через несколько дней Э. Адами встретился с Э. Шеварднадзе и имел с ним часовую беседу. «Вспоминая обо всем этом сегодня,— сказал корреспонденту «Эпоки» мальтийский премьер,— я думаю, что, быть может, они решили все уже тогда».

— Я понимаю, господин посол, что вряд ли вы расскажете сейчас про все то, о чем наверняка напишете в своих мемуарах через много-много лет, но все-таки: какую роль сыграли лично вы в подготовке «мальтийского сюрприза»?

— Посольство постоянно посылает в Белый дом свои оценки того, что происходит в Москве, и они безусловно играют свою роль при формировании президентом политики в отношении СССР. Думаю, что наши оценки в какой-то мере навели президента на мысль о неофициальной встрече с Горбачевым.

— Так это президенту Бушу принадлежит идея встречи на Мальте?

— Да-да, это президент придумал, это была его инициатива, и когда он сообщил об этом Михаилу Сергеевичу Горбачеву, тот сразу ее поддержал. Это было где-то в конце июля. Прочие детали: где, как, сколько — решали уже позже. На Мальте руководители наших двух стран договорились ускорить работу над четырьмя новыми соглашениями в области контроля над вооружениями.

— Президент Дж. Буш и М. С. Горбачев встретятся еще раз в конце весны — в начале лета 1990 года. Какова лично ваша «программа-максимум» в отношении этой встречи и каков реальный «потолок», достижимый сегодня в области контроля над вооружениями? Сумеем ли мы уже сейчас заключить договор о сокращении американских и советских стратегических арсеналов на пятьдесят процентов?

— Я считаю, что главной целью встреч на высшем уровне является консультация наших политических лидеров по широкому спектру важных вопросов, касающихся наших стран. Если договоры будут готовы, то, конечно же, их подпишут, но самое главное — не подписание соглашений, а достижение лучшего взаимопонимания по целому ряду вопросов. Что же касается договора о пятидесятипроцентном сокращении стратегических наступательных вооружений, то мы, американцы, хотели бы заключить договор как можно скорее. Однако и здесь самое главное — это достижение хорошего, прочного договора, к которому обе наши страны будут относиться с полным взаимодоверием. Поэтому мне кажется неразумным и нецелесообразным втискивать переговоры в какие-то временные рамки. Пусть наши представители работают, пока не достигнут хорошего соглашения. Если они сумеют закончить эту работу до встречи в верхах, то прекрасно. Но даже если и нет, то сама встреча наших лидеров наверняка продвинет дело вперед.

— За долгие годы конфронтации мы хорошо научились

видеть друг в друге плохое. Образ врага заменяется на образ друга. Как сделать этот процесс необратимым?

— Надо создавать больше возможностей для общения, начиная со школьного возраста. Мы уже многое сделали в этой области, но надо еще больше, гораздо больше. Наши традиции, наш образ жизни и ваш — они очень отличны. Но дело не в различии, дело во взаимопонимании. Изменения в области идеологии во многом способствуют этому процессу. Ведь когда вы считали, во всяком случае на официальном уровне, что классовая борьба определяет в основном внешнюю политику и что буржуазное общество должно быть «похоронено» в будущем и борьба между двумя системами неизбежна,— это воспринималось американцами не как абстрактная теория, а как реальная угроза. Сейчас ваши руководители говорят об общечеловеческих ценностях, и это, конечно, гораздо более располагает к взаимопониманию, чем постулаты классовой борьбы.

— Какую роль в этом процессе отводите вы «народной дипломатии»? Как и в чем помогает ей дипломатия официальная?

— Народная дипломатия — это прямые контакты людей, стремление лучше знать друг друга. Это очень важно, ибо здесь закладывается основа доверия, основа взаимопонимания. Без «народной дипломатии», без широкого общения межправительственные договоры иногда оказываются непрочными, потому что, если общественность в целом не доверяет другой стороне, это мнение не может не сказаться и на политике правительства. Мое глубокое убеждение: если мы собираемся и дальше улучшать наши взаимоотношения, «народную дипломатию» необходимо развивать как можно энергичнее. И я, как посол, стараюсь максимально способствовать развитию этого процесса. Мы предложили президенту Рейгану, а он Горбачеву, чтобы наши страны расширяли обмены школьниками и студентами. Многое приходится делать, чтобы восполнить недостаток информации. Очень часто американские общественные организации ищут партнеров в Советском Союзе, и здесь посольство приходит на помощь. Очень бурно развивается побратимство между нашими городами, и мы часто выступаем как посредники. Но особенно приходится помогать при частных контактах...

Надо сказать, что посланцы «народной дипломатии» находят всегда теплый прием в «доме на Спасо». Посол Мэтлок завел хорошую традицию: если из Штатов приезжают интересные люди или делегации, например, ученые, писатели, общественные деятели, в «Спасо-хаусе» обязательно устраиваются встречи с ними представителей московской общественности. Одна из таких встреч — со Стивеном Коэном, оставила особенно глубокий след. Это крупный историк-политолог, автор первой (и пока единственной) научной монографии о Н. Бухарине. Во встрече приняли участие известные советские историки, политологи, экономисты, журналисты, были приглашены на нее также вдова Бухарина, его сын с супругой, сын Н. С. Хрущева Сергей Никитич.

— Выступление Коэна было очень интересным,— говорит посол,— хотя не со всеми его оценками и положениями по поводу перестройки и ее перспектив я могу согласиться. Но суть не в этом — главное, получилась содержательная, полезная для всех дискуссия.

— В какой-то степени ваша резиденция выполняет функции культурного центра. Не кажется ли вам, что отсутствие таких центров — советских в США и американских в СССР — в сегодняшней ситуации просто нонсенс? В связи с этим не представляется ли вам возможным передать под эти центры здания новых канцелярий — советского посольства в Вашингтоне и американского в Москве?

Прежде чем передать ответ посла, позволю себе небольшое отступление, чтобы пояснить читателям суть вопроса. Несколько лет назад в Москве и в Вашингтоне по взаимному соглашению было начато строительство новых посольских комплексов. И вот, когда пришла пора вселяться в новое здание канцелярии в Вашингтоне, в стенах его были обнаружены... подслушивающие устройства. Разразился скандал. В ответ американцы объявили, что и в их канцелярии обнаружены подслушивающие устройства. Президент Рейган даже принял решение снести здание канцелярии и построить новое. Но, во-первых, конгресс не одобрил этого решения — как-никак, затрачено более 30 миллионов долларов, американцы же на ветер деньги бросать, как известно, не любят, даже в интересах престижа; во-вторых, началось то самое потепление, которое не хотелось омрачать неприятными эксцессами. Обе канцелярии — и в Москве и в Вашингтоне — стоят запертые. Окончательное решение повисло в воздухе. Но разве перспектива дальнейшего улучшения советско-американских отношений не стоит того, чтобы поискать компромисс? Сказано же, что политика — это искусство возможного. Так почему бы не попытаться сделать все возможное, только бы не омрачать с таким трудом налаживаемого взаимопонимания и взаимной доброжелательности? К сожалению, в конце декабря Буш повторил решение Рейгана о сносе здания. Поддержит ли на этот раз Президента сенат?

— Хочу вам сказать, что я в принципе за культурные центры, причем не по одному, а по нескольку — и там, и тут. Но я не согласен, что ими должны стать эти здания, предназначенные специально для канцелярий. Приспосабливать их для культурных центров — это не самый лучший вариант. И, кроме того, это не решает проблемы канцелярий. И вам, и нам они нужны. Что касается культурных центров — этот вопрос безусловно назрел. Консультации между двумя сторонами продолжаются, но каков будет результат, я затрудняюсь сказать.

Что ж, поживем — увидим. И все-таки... Почему бы не обсудить идею о перепрофилировании канцелярий в культурные центры? Согласен, это не лучший вариант, но если других нет?

— Господин посол, вы по-прежнему продолжаете заниматься переводом произведений Лескова на английский язык?

— Да, конечно, но, к сожалению, сейчас гораздо меньше — советско-американские отношения стали такими насыщенными, что для творческой работы почти не остается времени. Я даже вынужден сократить чтение художественной литературы — а это мое самое любимое занятие. Приходится жертвовать в пользу публицистики, которая просто захватывает. Мы с женой также стараемся не пропускать новые театральные постановки. Самое большое впечатление на меня произвел спектакль по пьесе Б. Можаева «Живой» на Таганке. Как всегда внимательно слежу за творчеством Андрея Вознесенского — это моя вторая «доминанта» в русской литературе. Мы поддерживаем с Вознесенским дружеские отношения, я даже переводил по его просьбе некоторые стихи. В последнее время у меня, кажется, вырастает третья «доминанта» — Татьяна Толстая. Ее рассказы, на мой взгляд, просто потрясающи.

— Ваш интерес к русской литературе понятен, он в определенной степени носит профессиональный характер. Но чем объяснить ваше другое увлечение — создание собственных рисунков грузинского и русского шрифтов?

— О, это очень просто. Я пишу, вернее печатаю на компьютере. Компьютеры — мое хобби. Когда я готовился к открытию выставки «Информатика в жизни США»,— она проходила в Тбилиси в декабре 1987 года,— то рисунок шрифта машинки (мы с трудом раздобыли ее в Москве) меня совершенно не удовлетворил. Шрифт очень мелкий, рисунок затруднителен для чтения. Тогда я и сделал свой рисунок или — другими словами — дизайн грузинского шрифта, и ввел его в свой личный компьютер. По этой же причине и для кириллицы я тоже сделал свой дизайн. Я считаю, что шрифт при чтении не должен вызывать затруднений. Когда-то ценился каллиграфический почерк, то есть четкий и ясный. Надеюсь, что мой компьютер в этом смысле «пишет» каллиграфически. Кто-то из древних мудро сказал, что нет лучшего времени на свете, чем то, когда старые враги становятся новыми друзьями. Именно такое время переживаем мы сейчас в отношениях между СССР и США. Как оказалось, нас объединяет гораздо больше, нежели разъединяет. Не это ли имел в виду Иисус Христос, когда говорил: «Если вы собратья в том, что вечно, будьте ими и в делах человеческих»...

Я глубоко убежден: посол Джек Мэтлок — это тот человек, который сегодня более чем кто-либо другой соответствует миссии, которую ему уготовила судьба: строить мосты доверия между нашими странами. Много народу сегодня трудится на этой нелегкой и непростой стройке. Но, как известно, конечные результаты зависят не только от количества строителей, но в такой же степени и от организации труда. И здесь роль «прорабов», к числу которых, несомненно, относится Джек Мэтлок, трудно переоценить.

Валерий КАДЖАЯ

Красные купцы на «заминированном» рынке

Возле дома академика Л. Абалкина группка людей с плакатиком. На нем нечто новое: «Не дадим продавать Россию!»

Новое? Моей свекрови 84 года, в свои молодые годы она уже слышала подобное. Вспомним, что коллективизация началась в стране после ликвидации иностранных концессий. Иссяк источник валютных доходов, и новые администраторы России принялись за грабеж крестьянства и даже музеев: лишь бы добыть валюту.

А где были эти пикетчики, когда из тюменских недр и до западных границ рылись гигантские канавы по проекту «газ — трубы», бумерангом ударившему, между прочим, по ценам на ту же тюменскую нефть?

Ни один народ не стал великим, отказавшись от международного сотрудничества. «Догоним и перегоним» оказалось столь же несостоятельным, как и все пятилетние планы. Теперь, слава богу, времена иные, но разве не отягощает их груз прошлых ошибок?

На апрель 1988 года было зарегистрировано 37 совместных предприятий. Сейчас — больше тысячи. Но и это — крохи. Суммарная мощность всех СП в январе 1990 года сравнима с экономикой 2—3 районов Московской области. Осторожничаем мы — выжидает, присматривается и «западная» сторона. Хотя цели давно известны, больше того — обоюдополезны.

Зачем сейчас создаются совместные предприятия?

Для более полного удовлетворения потребностей страны в определенных видах продукции производственно-технического и потребительского назначения.

Для привлечения в народное хозяйство СССР передовых научно-технических достижений, управленческого опыта, дополнительных материальных и финансовых ресурсов.

Для ускорения практического освоения советских научно-технических достижений.

Для расширения экспортной базы страны.

Для сокращения нерационального экспорта СССР.

Кто против **таких** целей? Никто.

Но откуда пошло это: распродаем Россию за бесценок, иностранцы выгребут наши богатства?

В книге, вышедшей в 1921 году, есть такие строки: «Россия в первую очередь нуждается в машинах, станках и средствах производства, которые она обильно ввозила из-за границы. Своего собственного производства этих продуктов иностранной промышленности, за исключением тракторов, электрических машин и кое-каких других продуктов... она не наладила и остро нуждается в их подвозе из-за границы...»

А вот аргументы из той же книги под названием «Концессии»: «Изолированная от всего мира Советская Россия могла бы существовать только ценою отказа от удовлетворения своих элементарнейших нужд, понижения техники... Для сохранения чистоты принципов... Советская Россия была бы вынуждена пойти на тяжелые материальные жертвы. Такое отношение к событиям было бы совершенно нецелесообразно и экономически причинило бы стране непоправимый ущерб».

Пагубность изоляционистской политики была отвергнута молодой Советской республикой.

Декрет Совета Народных Комиссаров о концессиях от 23 ноября 1920 года гласил:

«Но этот процесс восстановления производительных сил России, а вместе с тем и всего мирового хозяйства, может быть ускорен во много раз путем привлечения иностранных государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий акционерных обществ, кооперативов и рабочих организаций и других государств к делу добывания и переработки природных богатств России. Острый недостаток в сырье и избыток свободных капиталов в некоторых европейских странах, особенно же в Соединенных Штатах Америки, настоятельно побуждал иностранный капитал обращаться к Правительству Советской Республики с конкретными предложениями применения на тех или иных условиях иностранного капитала для использования естественных богатств обширных областей РСФСР».

России было тяжело, как, наверное, никогда ранее. Стремительный рост инфляции (а к 20-му году количество денег в обращении увеличилось уже в пять раз), развал промышленности и сельского хозяйства, космическое число новых чиновников, штаты которых росли в геометрической прогрессии,— все это были результаты не только, а может и не столько гражданской войны, сколько бестоварного «ренессанса», попытки построить коммунистический идеал «точно по Марксу». Вернее — по одному из вариантов утопического толкования Маркса.

И вдруг появились заголовки в зарубежных газетах: «Большевики продают Россию!»

Что же предлагали на продажу большевики?

Обширные и богатейшие лесные массивы в Западной Сибири, находящиеся в бассейнах Оби, Иртыша, в количестве более 70 миллионов десятин превосходного леса.

Лесные массивы на севере Европейской России — 18 миллионов десятин из 65 миллионов десятин, транспортно тяготеющих к Северному Ледовитому океану.

Каменноугольные и железорудные месторождения. А именно: часть Кузбасса, Экибастузское, Риддеровское, Ирбинское, Абаканское месторождения, Изыхский и Черногорский угольные районы.

Районы, предназначенные для тракторной вспашки. Продовольственные концессии. Более чем три миллиона десятин в Самарской, Царицынской, Кубано-Черноморской, Ставропольской губерниях и Донецкой области.

Такого поворота событий не ожидал никто. Да, соблазн был велик. А есть ли гарантии? Кто знает, что может прийти в голову этим «любителям экспроприации»?.. Снова все отберут. Было и другое соображение: власть учит солидности и консерватизму. Экстремисты, захватив власть в России, отказавшись платить долги и присвоив собственность иностранных компаний, теперь одумались и совершают фланговый исторический маневр: возвращают частную собственность под видом концессий. Это могло быть расценено и как отказ от курса на мировую революцию. Большевики будто предлагали сделку: мы не будоражим ваши народы — вы забываете о долгах.

«В целях широкого применения этого способа восстановления и усиления производительных сил Республики и всего мирового хозяйства Совет Народных Комиссаров постановил опубликовать следующие общие экономические и юридические условия концессий.., которые могут быть заключены с солидными, заслуживающими доверия, иностранными промышленными обществами и организациями:

1. Концессионеру будет предоставляться вознаграждение долей продукта, обусловленной в договоре, с правом вывоза за границу.

2. В случае применения особых технических усовершенствований в крупных размерах, концессионеру будут предоставляться торговые преимущества (как-то: заготовка машин, специальные договоры на крупные заказы и т. д.).

3. В зависимости от характера и условий концессии будут предоставляться продолжительные сроки концессии для обеспечения полного возмещения концессионера за риск и вложенные в концессию технические средства.

4. Правительство РСФСР гарантирует, что вложенное в предприятие имущество концессионера не будет подвергаться ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции.

5. Концессионеру будет предоставляться право найма рабочих и служащих для своих предприятий на территории РСФСР с соблюдением Кодекса законов о труде или специального договора, гарантирующего соблюдение по отношению к ним определенных условий труда, ограждающих их жизнь и здоровье.

6. Правительство РСФСР гарантирует концессионеру недопустимость одностороннего изменения какими-либо распоряжениями или декретами Правительства условий концессионного договора».

Советские дипломаты вели переговоры. Однако капиталисты не спешили заключать договоры: юридические гарантии — ничто по сравнению с политическими тенденциями. Как подтолкнуть толстосумов? Без них с разрухой не справиться.

Тогда и родилась идея нэпа.

В 1921 году была отменена национализация мелкой кустарной промышленности. Опустошающая продразверстка заменена продналогом, сняты ограничения на торговлю. И зашумели рынки... Быстро обрастала мясом крестьянская косточка, добела оструганная гражданской войной, военным коммунизмом.

Сегодня это зовется иначе — демократизация экономических отношений.

В чем была цель нэпа? «В смычке города и деревни»,— много лет твердил учебник по истории КПСС. Владимир Ильич вряд ли согласился бы с подобной трактовкой. В статьях и докладах тех лет Ленин настойчиво подчеркивал, что новая экономическая политика — это не просто признание своих ошибок и возврат к меновой экономике. Цель нэпа — научиться хозяйничать. «Хозяйничайте все,— писал Ленин.— Капиталисты будут рядом с вами,— рядом с вами будут и иностранные капиталисты, концессионеры и арендаторы, они будут вышибать у вас сотни процентов прибыли, они будут наживаться около вас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать, и тогда только вы сумеете построить коммунистическую республику» (ПСС, т. 44, с. 167).

В работе «О кооперации» есть и такие строки: «...Практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий» (ПСС, т. 45, с. 374). Сколько лет мы читали эти строки и... не видели их.

Тут Ленин невольно вступает в полемику с тов. Бубновым, нынешним экономическим обозревателем ТАСС, который, упрекая со страниц «Московских новостей» американского советолога г-на Голдмана за искаженное представление о характере привлечения в СССР иностранного капитала, считает, что не следует придавать слишком большое значение совместным предприятиям.

Что ж, может, Ленин был и не прав.

Зато свое понимание правоты у тов. Бубнова: «...могу заверить г-на Голдмана, что «условия, когда бизнесмены смогут рассчитывать на получение здесь прибыли большей, чем в Гонконге», в Советском Союзе не возникнут никогда: СССР не Гонконг».

Действительно, не Гонконг. Там доходы на душу населения не сравнимы с нашими. А если сравнить природные ресурсы? На сколько сотен Гонконгов потянет хотя бы Коми республика?

Парадокс: страна богатая, народ бедный.

Но и горделивая поза — «СССР не Гонконг» — не столь безобидна. Так формируются новые очаги напряженности в массовом сознании: не позволим продавать Россию!

Владимир Ильич писал: «...мы посадили бы в сумасшедший дом того коммуниста, который поехал бы заключать договор с буржуазной державой на основе коммунистических принципов.., недалек был бы от сумасшедшего дома и тот коммунист, который в отношении концессионной политики желал бы свой коммунизм проявить в договоре. Тут надо понимать капиталистическую торговлю, а если ты не понимаешь, то ты не годишься. Надо либо не совершать концессий, либо понять, что эти капиталистические условия надо использовать в нашу пользу, дав полную свободу заграничным рабочим и техникам» (ПСС, т. 43, с. 179).

Вот так и открываем все заново.

В 1923 году был принят декрет о государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета, цель которого — расширить самостоятельные предприятия в оперативном отношении. Сегодня мы ломаем голову над хозрасчетом территорий. Каким ему быть? А на архивных полках пылится подобный декрет СНК СССР, предназначенный для предприятий, находящихся в управлении местных органов, где изложены принципы местного самоуправления, региональной самоокупаемости.

Еще одно наше «открытие» — акционерные общества. Какая пальба шла еще год назад! Акции — не наше слово, чужое. А в 20-х годах в нашей стране были многочисленные акционерные общества — как частные, так и государственные.

Сколько разговоров об аренде, которую поначалу сочли чуть ли не покушением на социализм. Сенсация: рабочие Бутовского комбината строительных материалов перешли на арендный подряд! А к концу 1921 года количество сданных в аренду предприятий приблизилось к 5 тысячам. И сдавали-то предприятия не только государственным организациям, но и частным лицам. Нерентабельные заводики с примитивным оборудованием, с высокой себестоимостью изделий стали давать прибыль.

В ту пору нередко можно было слышать: «Далеко Камчатка, не вовлечь ее в «общесоюзное строительство» — пусть выручает концессия!». Этот принцип — когда руки не доходят — как в прямом, так и в переносном смысле,— вообще был основным в большевистских планах о концессиях. А планов было громадье. Намечалось строительство железной дороги от юго-восточных районов Казахстана прямиком через будущие целинные земли и Урал в северо-западный угол Арктики — к Белому морю. Смелая рука рисовала пучки нефтепроводов.

Сроки аренды были под стать грандиозным планам: для лесных и горных концессий — 50, 60, 70 лет и более, для продовольственных — всего 20—30 лет. Только в 1990 году истек бы срок предполагаемой аренды Камчатки, на которую целился американский миллиардер Вандерлип.

Да и сегодня беспримерно богатая Камчатка убыточна, не способна заработать средства на прокорм своего населения. Все еще не доходят руки до ее природных сокровищ? Если бы так, меньше огорчений — пусть сохранится для потомков. Увы, не так. Вот строки статьи, переданной в 1989 году в редакцию «Родины»:

«Гибнут нерестовые реки Камчатки, горит в кострах лес, эти реки берегущий. Оседает в долинах копоть от 2,5 миллиона тонн мазута, угля, дизельного топлива. Губят уникальную природу союзные отраслевые монополии».

Но вернемся к планам Кремля 20-х годов. Одним из главных условий сырьевых концессий, везде — и на Камчатке, и в Кузбассе, в Восточной Сибири — являлось их расположение в шахматном порядке — вперемежку с русскими разработками. Таким образом большевики собирались попутно снабдить техникой и машинами и свои участки, оживить их, обеспечить подъездные пути, облегчив вывоз оттуда леса, руды, изделий и пр. Подобное расположение давало б реальную выгоду не только в транспорте — концессии должны были сделаться «школой высокого технически развитого производства для русских рабочих, научить их техническому и квалифицированному труду». Крепкая, деловая хватка!

Считалось, что концессии 20-х обязаны были сыграть примерно такую же роль, которую в 80-х возлагают на совместные предприятия: техническое перевооружение страны. Советское правительство желало получать свою долю не в сырье, а в виде изделий и полуфабрикатов. Эти товары предполагалось вывозить за границу. А на заработанные доллары, марки и фунты стерлингов красные купцы России собирались закупить машины, станки и оборудование, так необходимые для оживления советской промышленности.

По истечении же сроков концессии все созданные образцовые крупнокапиталистические предприятия, все шахты, машины, тракторы, весь скот, подсобные отрасли — все это целиком переходило бы к Советской России и, разумеется, совершенно бесплатно.

Можно сказать иначе: если практическая цель нэпа, по словам Ленина, состояла в заключении концессий, то практическая цель концессий состояла в том, чтобы накормить и одеть обнищавшую страну. Именно поэтому Ленин придавал такое колоссальное значение факту заключения договоров: «...нужно поставить своей задачей добиться концессий, минуя все имеющиеся предрассудки на этот счет, нежелание идти на передвижку, нежелание пожертвовать старыми нравами, неудобство от того, что одна часть рабочих будет получать лучше, а другая хуже. Таких неудобств и таких претензий, которыми мы можем сорвать всякое деловое улучшение, можно придумать еще миллион... Если мы не сумеем из-за наших предрассудков улучшить положение рабочих и крестьян, то этим мы... окончательно подорвем престиж Советской власти... Нам не жалко дать иностранному капиталисту и 2000 процентов прибыли, лишь бы улучшить положение рабочих и крестьян» (ПСС, т. 43, с. 182).

Эта ленинская цитата в 1989 году была переведена президенту западногерманской фирмы «Тебимпекс» Яношу Бочанци — с его участием в СССР создано несколько совместных предприятий, в Иванове готовится к пуску завод для сборки 100 тысяч персональных компьютеров ежегодно. Бочанци, уже хорошо знакомый с манерами нашей бюрократии, был обрадован: ему нечасто приходилось встречаться в Союзе с таким здоровым пониманием коммерции, как у Ленина.

Капиталисты действительно собирались улучшить положение советских рабочих. Вот предложение американца Вандерлипа: «Я бы желал платить рабочим средний заработок, скажем, полтора доллара в день. Затем я устроил бы на своей концессионной территории лавки; в этих лавках у меня будут все предметы, необходимые для рабочих, а получать из лавок сможет тот, кто получит определенные боны, а боны я буду давать только тем рабочим, которые будут заняты в моих концессионных предприятиях».

Большевики не жадничали — за предоставление концессий они собирались взимать всего 2—7 процентов от валового дохода будущих рудников, шахт, заводов и фабрик. И это при беспошлинном ввозе-вывозе продукции и товаров в течение десятков лет! «Если эти концессии осуществятся,— говорил Ленин,— то улучшение положения рабочих будет несомненно, потому что мы получим известное долевое отчисление, кажется, 2 процента, но когда у нас ничего нет, то и 2 процента — это уже кое-что. Если мы от миллиона получим 20 000 и пустим это в обмен с крестьянами, то это даст часть продуктов, необходимых рабочим» (ПСС, т. 43, с. 189). Позднее было сочтено более рациональным прямое и некомпенсируемое изъятие продуктов у крестьянства.

— Своих капиталистов выгнали, свою промышленность разорили, и приглашаете еще более хищнический и грабительский капитал из-за границы, и таким образом восстанавливаете капитализм,— так отреагировали на идею концессий меньшевики.

Сегодня тоже не молчат защитники «чистых принципов»:

— Это не наш путь! Не позволим разрушать социализм! (Кстати, какой? Сталинско-брежневско-сусловский?)

Только начато создание совместных предприятий, но уже появились опасения: а вдруг иностранный капитал получит возможность выжимать из наших трудящихся прибавочную стоимость? Еще нет в стране ни одного настоящего акционерного общества, а маститый ученый уже спешит объявить дивиденды нетрудовыми доходами.

Может, и впрямь идем к капитализму?

За справкой вновь обратимся к Ленину. Новая экономическая политика 20-х брала курс на формирование **государственного** капитализма. «А у нас государство пролетарское,— заявил на открытии XI съезда РКП(б) Владимир Ильич.— Государственный капитализм это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки... И уже от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм» (ПСС, т. 45, с. 84).

Каким же он был, этот пролетарский капитализм?

К январю 1923 года на толкучках червонец шел за 4,36 доллара или 0,47 фунта стерлингов, а к январю 1924 года потяжелел до 4,54 доллара или 1,07 фунта стерлингов.

Еще три года назад голодали в деревне, а осенью 1923-го случилась с крестьянами новая «беда»: хлеба на рынки навезли столько, что и не знали, кому этот хлеб сбыть. За пуд пшеницы давали лишь 25 копеек, а рожь упала до 16 копеек за пуд. Не берут, лешие!

Как придирчивая Агафья Тихоновна, выбирала себе Россия завидных «женихов». Это была разборчивая невеста! Из поступивших 2211 предложений Советская Республика к 1 ноября 1927 года приняла и подписала всего 163 договора. Особенно старалась Германия: 30 процентов всех предложений, больше, чем Англия, Франция, Америка, вместе взятые, были сделаны ею. (В 1990 году история повторилась — вновь большинство совместных предприятий за ФРГ.)

14 ноября 1925 года фирма «Лена Голдфильдс Лимитед» заключила с Советским правительством договор о концессии на бывшие собственные рудники и прииски. Не сразу решилась — большевикам было о чем напомнить бизнесменам: пролетариат не забыл о Ленском расстреле.

Дело вновь пустило корни, и уже к 1928 году 30 процентов получаемого в России золота добывалось фирмой.

Через 60 лет новый старт совместной деятельности оказался не таким бурным. «Мы сталкиваемся с такой разветвленной и хорошо отлаженной системой бюрократической волокиты,— жалуется Феликс Розен, вице-президент советско-американского совместного предприятия «Комед»,— что подчас у многих из нас просто опускаются руки, появляется желание прекратить свой бизнес в вашей стране».

Знаменитая история 1989 года. Астраханский исполком решил загнать гниющие в Волге суда. Сделка сказочно простая: инофирма сама вытаскивает железный лом из воды, сама вывозит, а исполком получает валюту. Куда там! Минчермет, до этого в упор не видевший кладбище судов, отравляющих реку, поднял крик. Сделка не состоялась. Кладбище оборонено от посягателей.

Сегодня из каждой тысячи бизнесменов, приезжающих в Москву, девятьсот двадцать возвращаются ни с чем. Остаются достойнейшие? Как сказать... Остаются самые упорные и стойкие — те, кому не достался кусок «мирового рыночного пирога», для кого Россия — это едва ли не единственный шанс встать на ноги, закрепиться. Рука об руку с такими же «не совсем обутыми и одетыми» советскими коммерсантами они «бьются» за светлое будущее своего бизнеса. Чем мощнее инофирма, тем меньше у нее охоты повторять путь «Лены Голдфильдс».

Вспомним недавний эпизод с Фордом, который в самый последний момент уклонился от участия в автоконсорциуме.

Капиталист тоже человек. И он ищет защиты, уверенности в завтрашнем дне. Феликс Розен не новичок в своем деле. Крупный бизнесмен, он приехал в Россию с серьезными предложениями — наладить производство современной медицинской техники. Вложены средства, готовится производственная база для выпуска диагностической аппаратуры в Москве. Есть план строительства завода одноразовых хирургических скальпелей в Обнинске. Нужное дело? Бесспорно. Но нервы у Розена уже на пределе: «...все эти планы могут в любой момент сорваться, и причиной тому — порой нелепейшее вмешательство вашей бюрократии, которая на каждом шагу возводит нам все новые препятствия. Даже последние и внешне прогрессивные решения таят в себе такую опасность».

Сдаваться — не в правилах американского бизнесмена. Но один в поле не воин, и вице-президент совместного предприятия решает заняться созданием в СССР Ассоциации западных партнеров. По сути, это движение в защиту прав и коммерческих интересов деловых людей Запада. «Я думаю, что, объединившись, мы сможем последовательно предъявлять требования по соблюдению всех тех документов, которые гарантируют нормальную работу совместных предприятий. Мы сможем входить с запросами в правительство, а если понадобится, то и в Верховный Совет СССР».

Выход ли это? Не набегавшись из-за каждого застрявшего на таможне ваго-

на в Верховный Совет. Временная мера. Шаг отчаяния. Плохо знают еще западные коммерсанты круговую поруку советских чиновников.

Владимир Ильич, возмущаясь очередной сорванной сделкой, в письме к Каменеву предложил очень своеобразный способ борьбы с волокитчиками: «Москвичей за глупость на 6 часов клоповника. Внешнторговцев за глупость плюс «центрответственность» на 36 часов клоповника». Шутка. А через пару строк пишет почти серьезно: «Переведи на тантьемы наших чинодралов можем и научимся: со сделки такой-то процент (доля процента) тебе, а за неделание — тюрьма» (ПСС, т. 44, с. 429).

Но где сегодня взять столько клоповников?

Идущие в нашей стране процессы демократизации постепенно развязывают руки и нашим доморощенным коммерсантам. Принцип **«валюту зарабатывают все»** настойчиво пробивает себе дорогу. Но и сегодня, на пути каждого веника, который колхоз или совхоз решился запродать иностранцам, встает гранит монополии внешней торговли. «Пока есть Советская власть, монополия внешней торговли будет жить несмотря ни на что». Немало найдется людей, готовых подписаться под этими словами. Ленинская мысль? Нет, так говорил Сталин.

Да, декрет о национализации внешней торговли был принят еще в 1918 году. Да, Ленин до конца своих дней отстаивал право государства на монополию. Но за какую монополию он боролся? За выгодную для государства. Что бы сказал он, увидев плоды деятельности сегодняшних «монополистов», разоряющих страну?

Выступая на XI съезде партии, Ленин ругательски ругал тех, кто искал определение нэпа в старых книгах, иронизировал, что даже Маркс как-то не додумался оставить ни одной точной цитаты по этому поводу.

Ленин умер, когда нэп был еще в пеленках. По пальцам можно было сосчитать договоры с иностранными представителями. Шло время. Размножались торговые синдикаты и хозрасчетные тресты. Под крылом новой экономической политики вылуплялись акционерные общества со смешанным капиталом, совместные предприятия. Трещала по швам монополия внешней торговли — посытневшие советские граждане тянулись торговать сами.

Первую трещину монополия дала осенью 22-го, когда части местных и прочих организаций и предприятий была дана возможность заключать сделки, хоть и под строгим государственным контролем. Вторая трещина прошла весной 23-го, когда упрощалась система экспорта — импорта, разрешалось создание внешнеторговых синдикатов и акционерных обществ. Крепнущие хозяйственные связи с капиталистическими державами требовали упрощения въезда и выезда, совместного проживания советских и иностранных граждан. Революционные червонцы все увереннее опирались на доллары, марки, фунты, кроны.

Быстро вставали на ноги концессии. К 1928 году капиталисты успешно добывали золото, уголь и цветные металлы. Площадь «захваченной» пашни достигла 145 тысяч гектаров. В 1925 году была заключена рыболовная конвенция между СССР и Японией. Побережья Японского, Охотского, Берингова морей сдавались в аренду.

С 24-го года по 27-й валовая продукция концессионных предприятий выросла в пять раз. Экспорт горных и лесных концессий привлек в СССР значительные валютные ресурсы.

Но кое-кто подозревал, что буржуя в Россию заманивают. И с особым умыслом. Вот что писал в своих мемуарах Б. Бажанов, бывший секретарь Сталина, по поводу нашей знакомой «Лены-Голдфильдс»: «Большевики предложили очень выгодные условия... Правда, в договор ввели такой пункт, что добыча должна превышать определенный минимум в месяц; если добыча упадет ниже этого минимума, договор расторгается и оборудование переходит в собственность Советов. При этом советские власти без труда объяснили концессионерам, что... они должны оградить себя от того, что концессионер по каким-то своим соображениям захотел бы «заморозить» прииски. Компания признала это логичным...

Было ввезено все дорогое и сложное оборудование, английские инженеры наладили работу, и прииски начали работать полным ходом. Когда Москва решила, что нужный момент наступил, были даны соответствующие директивы в партийном порядке, и «вдруг» рабочие приисков «взбунтовались»..., была объявлена общая забастовка.

Представители компании бросились к местным советским властям. Им любезно разъяснили, что у нас власть рабочая, и рабочие вольны делать то, что считают нужным в своих интересах... Представители компании бросились к центральным властям — там им так же любезно ответили то же самое... Забастовка продолжалась, время шло, добычи не было, и Главконцесском стал напоминать компании, что в силу вышеупомянутого пункта договор будет расторгнут и компания потеряет все, что она ввезла.

Тогда компания «Лена-Голдфильдс» наконец сообразила, что все это — жульническая комбинация, и что ее просто-напросто облапошили».

...Фундаментальное исследование под названием «СССР в системе мирового хозяйства» увидело свет в 1929 году. Есть там величины экспорта и импорта СССР в целом, по годам и с разбивкой по странам. Есть сравнение и анализ структуры ввоза-вывоза в СССР и в царской России 1913 года. Есть даже краткий обзор международных событий.

Но одного в этой книге нет. Ни на одной из 350 страниц невозможно отыскать ни слова о концессиях.

Куда они все подевались? Где, в каких туманных далях истаяли золотые мечты тех, кто отозвался на призывный клич молодой Советской республики?

Как мыльные пузыри, пополопались частные лавочки под тяжелой дланью налога. Канули в небытие акционерные общества со смешанным капиталом. Исчезли во мгле многочисленные компании и совместные предприятия. Почему?

Нэп, задуманный и воплощенный Лениным как капитализм под неусыпным контролем государства, ускользал из-под присмотра. Зарождались мануфактуры. Так, в 24-м в городе Великого Октября сапожники организовали стачку с требованием открыть мастерские. Требование удовлетворено.

Частный капитал теснил государственные организации. Примером может служить гневное письмо Всекопромсоюза наркомторгу относительно роли частного капитала в кустарной промышленности: «Всекопромсоюз считает, что многочисленные акционерные общества частников представляют угрозу для самого существования промысловой кооперации» (1926 г.). (Через несколько лет промысловую кооперацию и без того прихлопнут.)

Социалистическо-капиталистический рынок был неподвластен директивам. Хозрасчетные тресты, сильные и почти самостоятельные, настаивали на децентрализации. Промышленные гиганты объединяли усилия к совместному овладению рынком и созданию торгово-промышленных синдикатов. Союз хозяйственного расчета «низов» и жесткого централизованного планирования «верхов» распадался на глазах.

Комиссары, умеющие командовать, но так и не научившиеся хозяйничать, поняли, что могут остаться не у дел. У кого в конце концов в руках власть?

Первый гром грянул в апреле 1928 года. Известное Шахтинское дело. Однако в постановлении по «делу» еще звучит призыв «организовать систематическое привлечение иностранных специалистов». Кто бы распознал в нем предвестника будущей бури?

Давно ли в стране радовались каждой заключенной сделке, каждому торговому соглашению? А теперь так — «Грабят Россию!».

Усиливалась монополия внешней торговли. Сегодня можно лишь удивляться наивной изобретательности ее воинствующих защитников. Оказывается, что монополия внешней торговли спасает советских трудящихся от... безработицы. Вот так, и никак не меньше!

«Если бы у нас были открыты границы,— разглагольствовал автор популярной брошюрки в 1928 году,— то частный капитал начал бы вывозить от нас сырье — лен, пеньку, кожу. При значительном вывозе... фабрики и заводы без сырья не могли бы работать. Рабочие остались бы без работы». Примечательно, что не уголь, не нефть и даже не золото — невосполнимые природные богатства — так взволновали автора. Их вывоз приветствуется, им гордятся.

Монополия, и не только внешней торговли, но и торговли вообще, выполнила свою «благородную миссию». От безработицы были спасены, но не рабочие, крестьяне, интеллигенция, а отечественные бюрократы. «Монополия внешней торговли,— объяснял автор дальше,— представляет как бы высокий забор на нашей границе. В этом заборе есть калитка. Ключи от калитки находятся у советского государства. Государство может пропустить тот или другой товар, а может и не пропустить». Поправим — не государство, а чиновник, по-прежнему считающий себя государством.

Присвоив себе право распоряжаться чужой продукцией, право торговать ею, советские бюрократы тем самым обеспечили свою незаменимость. Нэп приказал долго жить. Вставала над страной зловещая заря Реконструкции.

Помним ли мы уроки истории?

Мария МАКСИМОВСКАЯ,
инженер-экономист

«Железный Лазарь»: конец карьеры

Фото Евгения ХАЛДЕЯ

Сергей ПАРФЕНОВ

ФАКТ ИЗ БИОГРАФИИ

Многие жители Асбеста знают дом № 85 по Уральской улице — на первом этаже его магазин «Овощи-фрукты». Но далеко не каждому известно, что в 1957 году в этом здании, на втором этаже, в квартире № 9, жил ближайший соратник Сталина. Здесь отбывал ссылку Лазарь Моисеевич Каганович.

«ЗАГОВОР»

Очередной номер «Правды» — от 4 июля 1957 года — поверг страну в шок.

На первой странице было опубликовано информационное сообщение о состоявшемся 22—29 июня Пленуме ЦК КПСС, который обсудил вопрос об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.

Они, писала «Правда», встали на путь групповой борьбы против руководства партии. Сговорившись между собой на антипартийной основе, поставили цель изменить политику партии, возвратить ее к тем методам руководства, которые были осуждены XX съездом... Они прибегли к интриганским приемам... против Центрального Комитета.

Заговорщиками названы те, кого в течение многих лет видели рядом со Сталиным. Среди них — Лазарь Моисеевич Каганович — человек, канонизированный еще при жизни. В Каганович были переименованы Терновск, что в Подмосковье, поселок городского типа в Товарковском районе Тульской области, село Ново-Троицкое в Киргизской ССР, райцентр в Читинской области. На карте страны, словно грибы после дождя, появились Кагановичабад (Таджикская ССР), Кагановическ (бывший Старый Чарджуй, Туркмения), Кагановичи — поселок, центр Кагановичского района Киевской области... В честь Лазаря Моисеевича назывались железная дорога и Московский метрополитен. В Свердловске существовал Кагановический избирательный округ № 550 по выборам в Верховный Совет РСФСР.

Из личного листка по учету кадров:
Фамилия, имя, отчество — Каганович Лазарь Моисеевич.
Год и месяц рождения — 1893, 22 ноября.
Место рождения — дер. Кабаны Мартыновичской волости Киевской губернии.
Национальность — еврей.

Социальное происхождение — рабочее.
Партийность — член КПСС с декабря 1911 года.
Партбилет № — 00000008.
Образование — самообразование.
(Дело № 1767, партийный архив Свердловской области).

Из автобиографии:

«Факты и даты моей жизни, партийной и государственной деятельности изложены точно в заполненном одновременно с этим «Личном листке по учету кадров».

По существу моей партийной и государственной деятельности могу сказать, что на протяжении всей политической жизни я был верным сыном партии и рабочего класса, работая неустанно и борясь за победу учения Маркса — Ленина, за победу коммунизма.

В 1957 г. я совершил серьезную политическую ошибку, июльским Пленумом ЦК был исключен из состава ЦК и его Президиума...

Л. Каганович».

Собрания партийных активов в Москве, Ленинграде, Киеве, Ташкенте, Тбилиси, Риге, Горьком обсуждали материалы июльского Пленума 1957 года.

Думаю, в те июньско-июльские дни Лазарь Моисеевич Каганович живо вспомнил март 1938 года, процесс по делу «правотроцкистского блока». Параллели напрашивались сами собой.

И Лазарь Моисеевич решил себя обезопасить, позвонил в ЦК:

— Товарищ Хрущев, я тебя знаю много лет. Прошу не допустить того, чтобы со мной поступили так, как расправлялись с людьми при Сталине.

Никита Сергеевич сдержал слово. Каганович был выведен из состава Президиума ЦК и Центрального Комитета партии, лишился кресла первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, но тем не менее остался в «номенклатуре» — правда, гораздо ниже рангом, и был отправлен на хозяйственную работу на Урал.

Выписка из протокола № 77 § 3 заседания бюро Свердловского обкома КПСС от 12 июля 1957 года:

«Асбестовскому горкому КПСС, сектору учета обкома КПСС. О тов. Кагановиче Л. М. Утвердить тов. Кагановича Л. М. управляющим трестом «Союзасбест». Секретарь обкома КПСС Кириленко».

О предстоящем приезде Кагановича в Асбест знали очень немногие. Естественно, в горкоме партии, главный инженер треста М. П. Тутов, начальник АХЧ И. В. Бабушкин... Накануне первому секретарю городского комитета КПСС Л. И. Свиридову позвонил из Свердловска А. П. Кириленко:

— Как настроение? Ну-ну, не трусь, держись на высоте... Да, вот еще какая штука. Коллегу Кагановича, Маленкова, назначили директором Усть-Каменогорской ГРЭС, он туда приехал, а ему, понимаешь, встречу закатили — с оркестром, буфетом, цветами... Надо же додуматься! Так что давай — официально, по делу, без лобызаний...

Встреча состоялась в старом двухэтажном здании «Союзасбеста». В кабинете Тутова собрались директора всех рудоуправлений, обогатительных фабрик, других подразделений, главные специалисты — всего более 40 человек. Многие из них живы, помнят тот день до мельчайших подробностей (к примеру, какого цвета рубашка была на Кагановиче), а главное — первые слова «железного наркома», произнесенные им почему-то от третьего лица:

— Перед вами Каганович, Лазарь Моисеевич. Да, тот самый, но в ином качестве...

Через час он пришел на прием к первому секретарю горкома партии.

Спрашиваю у Леонида Ивановича Свиридова (сейчас он на пенсии, живет в Свердловске):

— Узнал вас Каганович?

— Нет. А я напоминать не стал. Зачем?

...Познакомиться им пришлось в 1946-м, когда Каганович — зам. Предсовнаркома и министр промышленности строительных материалов — после инспектирования Оренбургской области пожаловал в Асбест. Визит вызвал нешуточный переполох. Встречать члена правительства отправились «отцы города», передовики производства, знатные фронтовики.

Когда поезд прибыл, из него, как вспоминают очевидцы, сперва высыпали дюжие молодцы в одинаковых синих костюмах, адъютант, генерал охраны и лишь после — «сам». Скупо поздоровался. Взгляд строгий, холодный. Осмотрел перрон, встречающих. Прошел вдоль шеренги, возле Петра Яковлевича Степанова, бывшего в ту пору начальником Асбестовской железной дороги, остановился, ткнул пальцем в многочисленные боевые ордена участника войны, обронил:

— Ты зачем эти побрякушки навесил? У меня, может, не меньше, но ведь я не ношу...

Все молчали.

Потом началось знакомство с городом. Вдруг Каганович спросил:

— А почему не везете на фабрику № 1? Ее что, нет?

— Есть...

— Немедленно едем!

Первая фабрика, «Ильинка»,— старейшая в Асбесте. Со временем она поизносилась, в годы войны ее, по сути, растащили, производство было обесточено, дышало на ладан. И в те дни предприятие как раз восстанавливали, главным образом немецкие военнопленные. Шум, суета, грязь... Ситуацию усугубило короткое замыкание на одном из агрегатов, сноп искр едва не накрыл Кагановича.

— Как же вы довели фабрику до столь скотского состояния? — завелся Лазарь Моисеевич.— Где руководители?

Вперед вышел невысокий крепкий человек в армейской фуражке, в длинной артиллерийской шинели:

— Свиридов, главный инженер... В войну у фабрики не было собственной рудной базы, не хватало рабочих рук... Брали отсюда узлы, запчасти...

— Вы почему в таком виде? Фронтовик?

— Да, демобилизовался буквально на днях...

Каганович погасил свой гнев, «отошел». «Поехали отсюда!» — бросил он сопровождающим и быстро зашагал прочь.

На следующий день главного инженера первой фабрики срочно вызвали к Кагановичу. Свиридов обреченно подумал: хана, видать, все...

На самом деле, как оказалось, строгий гость подводил итоги командировки. Крупный разнос получило местное начальство за обнаруженные недостатки и невыполнение планов. Возникло ощущение, что от Кагановича ничего невозможно скрыть...

Теперь, в 1957-м, Каганович прямо сказал Свиридову, что в горном деле не разбирается, просил помощи. Уровень некомпетентности управляющего обнаружился особенно остро чуть позже, когда он поинтересовался: а внесен ли асбест в периодическую таблицу Менделеева? Что вы, ответили ему, асбест — сложнейшее химическое соединение... Но несмотря ни на что, за новое дело Каганович брался всерьез. Кстати, известно, что в молодости он был очень работоспособен, энергичен, смекалист и, что самое поразительное, мягок. Только со временем в его обиход вошли крик, рукоприкладство, жестокость. В Асбесте он старался избавиться от привычек сталинского наркома. Стоило кому-нибудь из собеседников повысить голос, Лазарь Моисеевич тут же вскакивал и заявлял:

— Не кричите! В знак протеста я покидаю кабинет!

Но одно дело изменить манеру поведения, другое — научиться смотреть на жизнь не из окон кремлевского кабинета. Каганович привык к необъятной власти. К тому же идеи XX съезда дошли далеко не до всех, и в новом управляющем многие по-прежнему видели первого заместителя Председателя Совмина СССР, соратника Сталина, всемогущего, может быть, незаслуженно обиженного Хрущевым руководителя.

Поэтому в первые дни и недели пребывания Кагановича в Асбесте посетители к нему валили гурьбой — из города, окрестных деревень, из других районов. С шести утра у дома на Уральской собиралась внушительная толпа, кто с чем: с жалобой на местные органы власти, похлопотать за арестованных родственников, испросить пенсию, пожаловаться на того или иного чиновника, а некоторые просто поглазеть на легендарного «железного Лазаря».

Каганович никому не отказывал, со всеми охотно беседовал, обещал разобраться, иногда, случалось, тут же помогал, если это не выходило за рамки его полномочий.

То же и в тресте. Приемная Кагановича ежедневно набивалась битком. Но вскоре для многих стало ясно, что Лазарь Моисеевич совершенно не знает обыденной жизни, законов и элементарных правил. Работники «Союзасбеста» особенно изобретательно пользовались его некомпетентностью в жилищном кодексе. Стоило поведать об удручающем состоянии дома, многодетности, различных коммунальных неудобствах,

как управляющий решительно накладывал на очередное заявление размашистую резолюцию: «Моему заместителю по быту. Товарищу (такому-то) срочно выделить квартиру. Каганович».

Новый управляющий не знал, как и когда можно выдавать новую спецодежду, имел весьма отдаленное представление о зарплате, тарифах, продолжительности отпусков, порядке предоставления материальной помощи (а ведь в свое время он входил в ВЦСПС!).

Как-то Каганович простудился, пролежал три дня и на работу, естественно, не выходил. А когда появился, к нему заглянула М. Г. Шорникова, начальник производственного отдела и председатель местного профсоюзного комитета:

— Вы член профсоюза, Лазарь Моисеевич?

— Конечно.

— А какого?

— Кожевников.

— Тогда позвольте ваш профсоюзный билет.

Каганович замялся. Да, свой трудовой путь он начал на кожевенном заводе, затем работал на обувных фабриках, в 1921—1922 годах входил в отраслевой ЦК и руководящее ядро Московского союза кожевников. Но факт остается фактом: членского билета у него не оказалось. Интересно, сколько же лет Лазарь Моисеевич не платил профсоюзных взносов? Конечно, в Асбесте управляющему выписали новый билет. А Каганович, говорят, не покраснел, не смутился...

Совершенно беспомощным оказался бывший «железный нарком» и в быту. Выяснилось, что он не умеет распоряжаться деньгами, не ведает им цены. На рынке его не раз «надували» — за небольшую тарелку ягод драли 30—40 рублей, и Каганович их безропотно отдавал.

— Узнав о «дележке» жилья, обо всем этом,— вспоминает ветеран комбината Ю. А. Надеждинский,— мы с ужасом поняли, какое у нас было правительство, кто нами повелевал! Это не боги на Олимпе — баре и проходимцы...

Каганович на подобные высказывания в свой адрес реагировал спокойно. Он очень дорожил здоровьем. Квартира у Лазаря Моисеевича была, вспоминают, «застегнута на все пуговицы»: щели в дверях и окнах обязательно заклеивались и затыкались ватой — в городе тогда пыль стояла столбом. Любил играть в шахматы, гулять. Когда переехал в дом на улице Комсомольской, частенько ходил на стадион, благо тот был под боком.

Еще одна слабость наркома — любил вкусно поесть и выпить (правда, всегда знал меру). Из Москвы с ним приехала экономка, она же и повар. Врачу велел проверять доброкачественность подарков от населения — ягод, рыбы, грибов.

О прошлом Каганович говорил неохотно. Но однажды поехал с начальником ОТЗ Поляковым в Свердловск, зашли в ресторан «Большой Урал», и Каганович, раскритиковав первое блюдо, с грустью вспомнил, какие щи они, бывало, кушали с Иосифом Виссарионовичем...

Видимо, от долгого и тесного общения со Сталиным выработалась в Кагановиче и болезненная подозрительность. Начальник производственного отдела «Союзасбеста» Шорникова вспоминала: «Каганович меня вызывал дважды в день. Утром — для доклада, с диспетчерским журналом, рапортом: где что случилось, как в тресте идут дела. А вечером — «задушевная» беседа, всегда тет-а-тет. Интересовался: что собой представляют главные специалисты, кто чем дышит, о чем думают и говорят... Никому не доверял! Такие же разговоры, как выяснилось, управляющий вел с другими работниками. И однажды огорошил:

— Вы, Мария Григорьевна, в группировке. Я вас вижу насквозь...

— Я даже не знаю, о чем вы...

А навстречу — холодные глаза, взгляд, который пришивал к стенке:

— Не притворяйтесь...»

Он даже собирал досье на своих подчиненных.

Вот что рассказывает о стиле работы Кагановича бывший главный инженер Южного рудоуправления А. П. Егоров: «После одной из аварий управляющий, рассвирепев, вызывает нас с директором к себе, выпытывает причины случившегося. По ходу разговора я что-то вставил, уточнил. Лазарь Моисеевич глянул на меня и сквозь зубы:

— А вас я буду допрашивать в другом месте.

Я был молод, ершист и возразил: дескать, допрашивать меня будут другие, если, конечно, сочтут необходимым. Но только не вы. Каганович вскочил, желваки ходуном, глаза налились бешенством. Мне тогда подумалось: вот после таких, наверное, «бесед» он стрелял людям в спину в своем рабочем кабинете. И стало не по себе. А меня он в тот же день снял с работы».

В случае любой аварии Каганович срочно сигнализировал «наверх»: происки вредителей, требую создать правительственную комиссию и разобраться... На Урале хорошо знали, что означает «разобраться» с точки зрения бывшего сталинского наркома. В 1937 году, будучи во главе тяжелой индустрии, Каганович провел в Свердловске Всесоюзное совещание работников медной промышленности. 26 ноября в «Уральском рабочем» был опубликован подробный отчет. О чем же говорилось?

Выступает Щербак, начальник отдела капитального строительства Красноуральского медьзавода:

«Вредители прежде всего загазировали металлургические цеха путем устройства газоходов явно неправильной конструкции. Заводу еще до сих пор не удалось ликвидировать проникновение газа к рабочим местам. Ликвидация последствий вредительства идет на заводе медленно. Деньги, которые ассигнуются на это дело, не используются...»

Эту тему уверенно продолжает бурильщик Левихинского рудника Васильев:

«На Левихинском руднике долгое время орудовали враги народа. Они хищнически эксплоатировали шахты, сильно запустили горно-капитальные и подготовительные работы...»

Хватит. Атмосфера совещания работников медной промышленности страны понятна. И что любопытно! Эти и другие речи часто прерывались репликами, непрофессиональными вопросами «нашего дорогого и любимого наркома тов. Кагановича», с молчаливого одобрения которого поиск и выявление врагов, засевших в отрасли, продолжались три дня. И хотя за это время не было названо ни одного «гнезда», ни одной фамилии вредителей, они подразумевались сами собой. Это, конечно же, командиры производства, «проклятые интеллигенты», портящие кровь передовому рабочему классу, — руководители медных заводов и управляющие рудников, инженеры и техники, начальники цехов и участков. Доводы ИТР, что, дескать, в новое производство нужно делать соответствующие капиталовложения, что требуются хорошее оборудование, запасные части, что людей и специалистов надо основательно учить, практически не принимались в расчет.

Совещание закончилось 25 ноября поздней ночью, причем нарком тяжелой промышленности щедро наградил рабочих-стахановцев отрасли именными часами, а сам, «встреченный долго не смолкавшими овациями», произнес «яркую заключительную речь», которая «неоднократно прерывалась аплодисментами».

27 ноября не только «Уральский рабочий», но и сама «Правда» откликнулась на это событие большой передовой статьей «Нашей Родине нужно больше меди!». И снова: враги, вредители, агенты...

Но в конце пятидесятых в Свердловске быстро привыкли к «бдительности» Кагановича и перестали присылать проверки, здраво рассудив: его «сигналы» — это синдром утерянной власти.

ПРОЩАНИЕ «ПО-АНГЛИЙСКИ»

В сентябре 1958 года Каганович был избран делегатом XXII городской партконференции. Мне довелось изучить все ее материалы.

Из выступления первого секретаря Асбестовского горкома КПСС Свиридова:

«Необходимо остановиться на стиле работы и методе руководства управляющего трестом тов. Кагановича.

Тов. Каганович до сих пор не отрешился от присущих ему порочных привычек: грубости и оскорблений.

В работе треста ввел министерский стиль, заменив живую организаторскую работу заседательской суетней, сбором виз и справок при решении малозначительных и непринципиальных вопросов.

Тов. Каганович претендует на особое к себе отношение. Свое величие тов. Каганович пытается демонстрировать в публичных выступлениях, увлекаясь обсуждением вопросов общегосударственного значения, в массовых фотографированиях, в решении вопросов, в которых он не компетентен...

Многие коммунисты предполагали, что тов. Каганович честно и открыто на собраниях расскажет о своих антипартийных действиях, раскритикует их и попросит помощи у парторганизации встать на правильный и честный путь.

Однако действия тов. Кагановича говорят о противопо-

ложном и дают полные основания видеть его неискренность перед партией...»

О грубости, тотальном недоверии, бумаготворчестве, угрозах говорили и другие делегаты конференции.

Попросил слова и Каганович:

«Я должен сказать, что трест действительно перегружен текучкой и в этом ему помогают предприятия, загружая его мелкими вопросами, которые они с успехом могли бы сами решить. Моя ошибка состоит как раз в том, что я проявил слишком большую осторожность и медлительность в перестройке работы аппарата.

Я признаю, что у меня есть недостатки, бывают отдельные срывы на резкий тон. Я свои ошибки стараюсь каждодневно анализировать и устранять, не всегда это удается, нервы потрепаны, и здоровье подорвано, но мне кажется неправильно выпячивать эти отдельные ошибки, безбожно преувеличивать их и возводить в квадрат, в куб и объявлять стилем моей работы.

Я могу иногда вспылить, но люди меня знают, что я, как говорят, быстро отходчивый, не злопамятный, не мстительный, я не умею втихую ужалить. Я не любитель выговоров и снятия с работы (анализ приказов по тресту не подтверждает этих слов.— **Прим. автора**)...

В своих неоднократных выступлениях в городе Асбесте я со всей резкостью признавал и сейчас признаю свои ошибки, осуждал свою политическую ошибку, первую и последнюю в моей жизни. Я всегда призывал и сейчас призываю к неуклонному выполнению решений XX съезда партии и всех последующих решений и постановлений ЦК партии.

Я сам со всей энергией делаю все для того, чтобы их успешнее осуществлять на том участке, где я сейчас работаю...»

Речь Кагановича значительно превысила регламент по прениям, председательствующий несколько раз ему напоминал об этом, однако зал требовал выслушать «живого ученика Сталина» полностью и в конце концов наградил оратора рукоплесканиями...

На другой день Свиридову позвонил из Свердловска Кириленко:

— Что там у тебя происходит? Говорят, вчера Кагановичу даже президиум аплодировал... Ты-то куда смотрел?

После этой конференции Лазарь Моисеевич заметно поскучнел, дела в тресте интересовали его все меньше и меньше. Однажды пришел к Свиридову на прием. Объявил, что хотел бы уйти на пенсию, все-таки возраст — 65 лет, попросил устроить встречу с Кириленко. Не сразу, но отпустили управляющего.

И тогда еще одно удивительное обстоятельство открылось для асбестовцев. В тресте, а затем в собесе у Кагановича для оформления пенсии, естественно, запросили трудовую книжку.

— У меня ее нет,— заявил Лазарь Моисеевич.

— Как же мы оформим документы?

— Да вы что!— стал сердиться Каганович.— Возьмите любую энциклопедию или словарь, там вся моя жизнь расписана!

— Нет, так не годится. Делайте запрос в Москву.

Так он скрепя сердце и поступил. Вскоре оттуда пришли все выписки и справки. После расчетов Кагановичу объявили: будете получать 1150 рублей (до денежной реформы 1961 года). Он спорить не стал. И тут же снялся с партийного учета.

Собрав пожитки, Лазарь Моисеевич тихо и незаметно покинул Асбест. Но отбыл «сталинский нарком» не в Москву (его туда не пустили), а в Калинин. И лишь много позже ему разрешили вернуться в столицу. Закончилась карьера малограмотного сапожника, ближайшего соратника вождя.

В прошлом году Кагановичу исполнилось 96 лет. Он пережил всех своих сподвижников и врагов и в отличие от большинства политических деятелей, не публикует мемуаров и не дает интервью.

Может быть, ему вспоминается порой давнее застолье в Асбесте — прием в честь китайской делегации. Тогда директор Северного рудоуправления Звездинский, крепко выпивший, подошел к «железному Лазарю», взял за пуговицу:

— На вашей коже нет ни сантиметра чистого, все в крови...

Каганович, не дрогнув ни одним мускулом на лице, ответил:

— Так надо было.

Считает ли он так и сейчас?

Свердловск

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

ЯРОПОЛЕЦ

В пятнадцати километрах к северо-западу от Волоколамска, около реки Ламы, расположено большое село Ярополец — бывшее поместье гетмана Украины Петра Дорофеевича Дорошенко, пожалованное ему в 1684 году. Здесь он и был похоронен в 1698 году. Над могилой гетмана, находящейся почти в центре села, еще несколько лет назад стоял небольшой каменный мавзолей. В 1717 году часть поместья купил один из соратников Петра I генерал-аншеф Г. П. Чернышев, оставшиеся земли в 20-х годах XIX века стали собственностью Гончаровых, на дочери которых, Наталии Николаевне, был женат А. С. Пушкин.

Въезд в усадьбу Гончаровых имитирует въезд в средневековую крепость, что сразу придает ей живописность и своеобразный колорит. Центр усадьбы — небольшой дом изящных классических форм, соединенный переходами с двумя флигелями. На фасаде из красного кирпича четко выделяются коринфские колонны. Такой прием декорировки, а также стрельчатые переплеты некоторых окон превращают дом и усадебную ограду с псевдоготическими башнями в единое целое. Между воротами и левым флигелем (если смотреть со двора) находится церковь, сооруженная в 1755 году и перестроенная в 1808 году в духе позднего классицизма. С юго-запада к строениям усадьбы примыкает липовый парк.

Изящество архитектурных решений и умелое соединение классики с псевдоготикой свидетельствуют, что неизвестный нам автор созданного в 80-х годах XVIII века архитектурного ансамбля скорее всего входил в круг великого зодчего М. Ф. Казакова.

Здесь бывал и Александр Сергеевич Пушкин. Первый раз поэт посетил Ярополец в августе 1833 года. Отсюда он писал жене: «Наталья Ивановна (теща поэта.— **В. И.**) встретила меня, как нельзя лучше... Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение... Я нашел в доме старую библиотеку, и Нат. Ив. позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и прибудут с вареньем и наливками. Таким образом, набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен».

Фото и текст Вадима ИВАНОВА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

МОЖЕТ ЛИ ИНТЕЛЛИГЕНТ ПРЕДСТАВЛЯТЬ В СОВЕТАХ РАБОЧИХ?

Михаил ПОПОВ, доктор философских наук

Я думаю, что в принципе может. Многие в связи с выборами народных депутатов СССР убеждали нас: интеллигенция способна выражать интересы рабочих даже лучше, чем это они способны сделать сами. Рабочие, мол, в застойные годы дружно поднимали руки за «развитой социализм». А уж кто разрабатывал этот «развитой социализм» и кто воспевал — об этом почему-то умалчивается. Так давайте не будем противопоставлять рабочий класс и интеллигенцию. И среди рабочих, и среди интеллигентов, к сожалению, кроме людей порядочных, принципиальных, были, есть и будут политические проститутки, для которых хорошие отношения с власть предержащими важнее интересов тех, кого они должны представлять и чьи интересы защищать. Вопрос может стоять лишь о том, представители какого класса или слоя, как правило, более тверды, решительны и последовательны в защите коренных интересов трудящихся? Ответить на этот вопрос мы должны как материалисты. Давайте не будем морочить голову ни себе, ни другим и признаем, что каждый класс или слой, при всех возможных исключениях и отступлениях от правила, защищает прежде всего свои собственные интересы, а потом уже выражает и защищает интересы других классов и слоев. Рабочий класс также борется прежде всего за свои интересы. Но если при этом он объективно оказывается выразителем коренных интересов всех трудящихся, то это связано вовсе не с необыкновенными качествами тех или иных рабочих, а с тем, что рабочий класс не может улучшить своего положения, не улучшая положения всех трудящихся.

Вот почему любой Совет народных депутатов должен состоять прежде всего из передовых, сознательных рабочих, которые понимают объективные интересы своего класса и ведут себя как проводники интересов всех трудящихся. Во-вторых, в Советы предпочтительнее избирать тех представителей других классов и слоев, которые стоят на позициях рабочего класса и помогают рабочим осознать свои классовые интересы, помогают им уйти от профессиональной и цеховой узости, чтобы стать государственными деятелями. Но и без интеллигентов, подчеркну, научно выявивших, осознавших интересы рабочего класса и вносящих в сознание класса понимание его интересов, рабочий класс не может выполнить своей объективной роли. К сожалению, узок круг тех интеллигентов, кто не забыл о своей исторической миссии — служить народу, учить его и просвещать, и в этом — трагедия нашего рабочего класса.

По идее, учить, просвещать людей, служить их интересам должна бы партия, поскольку Коммунистическая партия — это не что иное, как соединение научного социализма с рабочим движением. Но партия наша, и тут уж виноваты ее руководители, заблудилась и никак не может понять, чья она партия, какому классу она должна служить.

У каждого класса есть своя интеллигенция. И во всех движениях — от коммунистических до фашистских — активно, в качестве руководителей, участвуют интеллигенты. Но быть интеллигентом, который думает только о себе, значит, на деле быть не интеллигентом, а мещанином, пусть человеком просвещенным, но все же обладающим всеми чертами мещанина. И вот те интеллигенты, которые добиваются власти для самих себя, прикрываясь разговорами о народе, на деле, как показывает практика, ведут себя, как мещане и как идейные выразители мещан. Они быстро поэтому оказываются противниками народа и слугами тех новоявленных советских буржуа, которые ныне желают выкупить народные средства производства (благо деньги у них есть) или взять государственные предприятия в аренду, чтобы хотя бы таким путем легализоваться и обогащаться за счет народа еще быстрее.

Какой травле подвергли эти люди выдвинутую Объединенным фронтом трудящихся идею о возрождении ленинского принципа выборов по производственным округам! Сколько было сказано лживых слов, как пугали обывателя тем, что якобы его лишают при этом права голоса. Кричали даже, что этот проект направлен против интеллигенции! В борьбе с ОФТ объединились и дельцы теневой экономики, и Демократический союз, и народные фронты, и вся консервативно-бюрократическая часть партийного и государственного аппарата. Еще бы! По округам, созданным трудовыми коллективами, всяким проходимцам труднее попасть в Советы, ибо критерии, которые им предъявляются, требуют от кандидатов в депутаты умения защищать интересы людей труда. Выборы по производственным округам кончают с независимостью депутатов от избирателей и делают их легко сменяемыми в любое время. При выборах по территориальным округам отозвать кого-либо из депутатов практически невозможно. Так что многие из избранных начинают со временем вести себя как вельможи, свысока поглядывая на простой народ, который отдал им свои голоса.

Только при выборах по производственным округам Советы могут создаваться снизу, в порядке самодеятельности, какими они и были по своему рождению и какими просуществовали вплоть до 1936 года. Тогда в Конституции СССР был введен территориальный принцип выборов, и с тех пор, вот уже 54 года подряд, продолжается такая практика, когда одни выдвигают кандидатов, другие голосуют, а третьи расставляют «слуг народа» по местам. Все зависит от этих третьих, а не от самих трудящихся масс, не от народных низов.

Летом 1989 года рабочие во многих районах страны забастовали. Это сигнал о том, что отчуждение их от власти зашло столь далеко, что многие люди уже не считают ее своей и добиваются от нее удовлетворения своих требований силой. Как же может быть разрешено противоречие между органами власти и рабочим классом? Либо в Советы всех ступеней будут входить рабочие, которые сегодня состоят в стачечных комитетах, те, кто не смотрит в рот начальству и кому рабочие доверяют. Либо Советы перестанут быть органами власти самих трудящихся, трудящиеся отвернутся от них и станут создавать параллельные органы власти вроде тех же рабочих и стачечных комитетов и их союзов.

Татьяна ПАВЛОВА,
кандидат
исторических наук

ТРИ ЛИКА РОССИИ

Россия особенно любопытна под углом зрения гуманизма... Отсюда потрясающий конфликт между ее фанатической жестокостью и духовной нетронутостью, которая является основным принципом национальной идеологии. Отсюда также материалистичность некоторых важных частей ее населения и глубокое чувство братства, которое порождается идеализмом и духовной устремленностью российского гения, выраженного через ее народ как целое. Отсюда также правильность ее духовного девиза, который еще не понят ею, но который сам по себе заметно действует на тех из нас, кто может видеть внутренние стороны жизни. Этот девиз — «Я связываю два пути». Ее задача, которая будет развиваться по мере того как народ ее будет приходить к более истинному пониманию, — это связь Востока и Запада, а также мира желаний — и духовных устремлений, фанатизма, который рождает жестокость, — и понимания, которое рождает любовь, развитого материализма — и совершенствуемой святости, эгоизма материалистического режима — и альтруизма мистически и духовно настроенного народа, и все это в самом ярко выраженном и любопытном сочетании. За закрытыми границами этой таинственной и могучей страны продолжается великий духовный конфликт, и истинно религиозная ориентация народа служит вечной гарантией, что истинная и живая религия и культура в конечном итоге проявят себя. Из России... выйдет та новая и магическая религия, о которой я так часто говорила. Она станет продуктом великого и неминуемого Сближения, которое будет происходить между Человечеством и Иерархией. От этих двух центров духовной силы, в которой свет, всегда сияющий на Востоке, распространится на Запад, весь мир будет затоплен сиянием Солнца Справедливости. Я имею в виду здесь (в связи с Россией) не навязывание какой-либо политической идеологии, а появление великой и духовной религии, которая оправдает распятие великой нации и которая явит себя и сосредоточится на великом и духовном Свете, что будет поднят ввысь полным животворной силы русским выразителем истинной религии — тем человеком, кого взыскуют многие русские и кто станет исполнителем самого древнего пророчества.

Эйлис БЕЙЛИ,
американская писательница
и философ

Вокруг меня собралось человек пятнадцать. Хозяйка снова и снова называла мое имя прибывающим гостям. Вопросы сыпались со всех сторон.

— Как вам удалось приехать? Это в связи с перестройкой?

— А раньше вас не пускали? Вы к нам надолго?

— А почему вас интересует история Англии?

— Скажите, вы думаете, Горбачеву удастся сделать то, что он задумал?

— Это правда, что у вас нет мыла?

— Как вы думаете, что будет у вас в стране года через два? Через пять лет? Есть ли опасность, что вашу гласность опять прикроют и победят консерваторы?..

В маленькой деревушке в Девоншире, на юге Англии, все хотели знать последние новости из России.

Женщина средних лет с умным, серьезным лицом, Беата Бишоп, отводит меня в сторону. Мы садимся.

— Я всегда видела два лица России,— говорит она.— Одно — это лицо тоталитарного, бесчеловечного государства, враждебного личности, враждебного инициативе, свободе, религии... Мы здесь привыкли бояться вашей страны и не доверять ее правительству. Но второе лицо — это лик Руси, мудрой мученицы, которая поможет погрязшему в материализме Западу обрести духовное обновление. На эту Русь мы смотрим с надеждой. Что вы об этом думаете?

Я думала об этом все два месяца, пока находилась в Англии. Квакеры-социалисты пригласили меня принять участие в ежегодном собрании «Общества друзей» и прочесть там лекцию о Джерарде Уинстэнли, вожде диггеров, которые в XVII веке пытались установить в Англии общность имуществ и добиться тем самым социальной справедливости. «Пора вернуть квакерское движение к его подлинным социалистическим истокам» — было написано в официальном приглашении. Но разве можно сейчас рассуждать о социализме, его сущности, его истории, не учитывая опыта России, ее путей, ее трагической судьбы, ее сегодняшнего дня? Тем более что везде, где бы я ни появлялась — а я пересекла весь Британский остров от горной Шотландии до крайнего юга, до этой крошечной деревушки в Девоншире,— десятки, сотни людей буквально вцеплялись в меня и задавали на все лады одни и те же бесконечно важные для них самих, как и для всех нас, вопросы:

— Удержится ли Горбачев у власти? Удастся ли преодолеть экономический кризис? Будет ли разрешено заменить обязательную службу в армии гражданской службой? Насколько глубоки происшедшие изменения, или это только косметический ремонт? Возможен ли новый террор, военная диктатура? Сильна ли оппозиция справа? Что такое «Память»? Пошатнется ли власть правящей партийной номенклатуры? Что я думаю о Ельцине?

И я старалась отвечать всем с полной искренностью — говорила о своих опасениях, отчаянии, надежде. Иногда меня спрашивали, не боюсь ли я высказываться столь откровенно. Я отвечала словами Кромвеля: «Сейчас время говорить или навсегда замолкнуть».

Ныне мы все больны Россией. Мы заново пристально вглядываемся в ее отдаленную и недавнюю историю — одно признаем, другое пересматриваем, третье отвергаем. В какие бы политические понятия мы ни облекали свои раздумья, мы все в конце концов говорим о России. Одни из нас стараются вернуться к истокам ее самобытности, ее духовного величия, ее традиций. И, увлекаемые своею болью за поругание великих идеалов Руси, за долгое подавление достоинства народа, стараются подчеркнуть отличие наше от Запада, уберечь молодежь от скверны западного материализма, практицизма, рассудочности, от западного «модернового» искусства, морали, моды, обычаев. Послушаешь их, так все беды наши не от нас самих, а от внешних, чуждых «русскому духу» поползновений. Другие же, наоборот, готовы зачеркнуть все, что составляет нашу сущность, все богатство наше, махнуть на него рукой и сказать: только там, на Западе, человек имеет условия для нормальной жизни, только там его достоинство соблюдено, права не попираются, инициатива не подавлена, талант и работа ценятся по достоинству...

Но почему столь многие на Западе полагают иначе? С той же горечью, с которой мы говорим о наших бедах, англичане говорят о себе: мы холодны, черствы, мы во всем ищем прежде всего выгоды, мы оцениваем человека главным образом по толщине его кошелька, мы забыли Бога, наши церкви пусты, наша показная мораль лжива, мы погрязли в своем материальном благополучии, как в болоте. А Россия ищет. Ее духовные силы разбужены, они поистине огромны. Она пытается доискаться Добра, и Правды, и Справедливости. И люди ваши — щедрее, шире, добрее нас. Мы жертвуем на благотворительность доли процента от наших доходов, а вы способны отдать последнее. Нам есть чему у вас поучиться.

И мой взгляд на Россию из «прекрасного далека» становится иным, более обобщенным, очищенным от досадных каждодневных помех — всей этой изнурительной борьбы с тупостью, грубостью, ложью, идиотизмом, хамством, дикостью и убожеством нашего существования здесь, на Родине. И я начинаю остро ощущать то, что давно уже сказано: все человечество едино. Земля на всех одна, и спасение в том, чтобы всем нам было дело до всего: «людям Востока было бы сплошь небезразлично, что думают на Западе; людям Запада — сплошь небезразлично, что совершается на Востоке». Поистине стоит съездить на Запад, чтобы лучше понять Россию.

И в последней своей лекции в Лондоне, в Международном квакерском центре, я говорю о трех ликах России: это итог моей поездки и многих-многих бесед с людьми — на двухтысячном международном форуме в Абердине, в квакерских центрах, в частных домах, в университетах, библиотеках, клубах, кафе, поездах и на улице. Я говорю умышленно только о своем опыте. Я не решаюсь обобщать. Слишком многое вмещает понятие «Россия». Слишком сложна, неисчерпаема, полна событиями (во многом еще скрытыми от нас) история последних ста лет. Собственно все мы, говоря о России, субъективны, даже когда думаем, что открываем новые или оперируем известными и всеобщими непреложными закономерностями.

К тому, что сказала Беата Бишоп, мне есть что добавить.

Да, я знаю страшное лицо нашего государственного тоталитаризма. Мой отец, инженер, строил Беломорканал. Вся его вина перед Родиной, как я теперь понимаю, заключалась в том, что он еще до революции окончил Петербургский политехнический институт и для власть имущих являлся, таким образом, «буржуазным специалистом». Я его не помню: он умер 53 лет от роду, когда я была совсем маленькой, и мать избегала рассказывать мне о нем, боясь, что на меня может пасть зловещая тень. Она и фамилию-то дала мне свою, не отцовскую.

Вскоре после войны у нее, уже вдовы, в метро в давке вырвали из рук сумку, в которой находились деньги, продовольственные карточки на весь месяц и паспорт. Так вот, больше всего она убивалась о паспорте — я это хорошо запомнила, я училась тогда во втором классе. Паспортный отдел милиции, анкеты и официальные бумаги до сих пор наводят на меня почти мистический ужас.

В 30—40-х годах в семье моего мужа дома постоянно хранился узелок с вещами на случай ночного визита и ареста. Его, мальчишку, мать наставляла, к кому из родственников идти, если «нас заберут».

Я привыкла жить в страхе, он смешан с моею кровью. На работе мне шептали, что все письма, даже рождественские открытки, я должна посылать за границу через иностранный отдел; что любой факт неконтролируемого контакта с иностранцем опасен. И даже официальная переписка с коллегами-англичанами не поощрялась. «Они не любят, когда слишком много контактов»,— намекали мне. Из трактатов XVII века, которые я переводила на русский язык, меня заставляли вымарывать куски, где говорилось о Боге,— советскому читателю этого знать не полагалось. В 1986 году (!) мне за два дня до полета запретили ехать в Англию по приглашению тех же квакеров (а они, прознав о моей книге, посвященной истории их движения, уже оплатили билет на самолет, позаботились об отеле, о встречах с коллегами-профессорами, объявили о моей лекции в Ассоциации британско-советской дружбы). По телефону «они» — те, кто решал, достойна ли я ехать в Англию или нет,— мне сказали: «Ваша поездка признана нецелесообразной. Сошлитесь на здоровье или семейные обстоятельства».

Когда американские квакеры, полные дружелюбия и расположения к нашей стране, прослышав, что я занимаюсь их историей, захотели встретиться со мной и обратились для этого в Дом дружбы, им ответили с ходу: «Она очень занята. И вообще на улице сильный мороз. Это невозможно». А потом чиновник оттуда позвонил мне и сказал: «Я вам встречаться с ними не советую. Во всяком случае, мы вам такой встречи устраивать не будем: они не по нашей линии приехали». И я опять почувствовала леденящее дыхание этой безликой угрожающей машины, античеловеческой машины, несущей в себе тайную угрозу.

Правда, сейчас все это как-то сдвинулось, помягчело. Чиновники становятся любезнее. В ОВИРе, паспортных столах, на таможне разговаривают попроще, повежливее. Но зато, Боже мой, какая коррупция расцвела во всех тех учреждениях, которые, казалось бы, должны быть совершенно неподкупны! Одна моя лондонская знакомая, прожившая в нашей стране два месяца по частному приглашению, рассказывала мне о том, с чем она сталкивалась. Вот группа молодых ленинградских художников едет за границу с выставкой. Три дня они провели в Москве, добиваясь виз, паспортов, печатей на бумагах. Они выстаивали в долгих очередях. Секретарша, от которой зависело их дело, была чрезвычайно недружелюбна и агрессивна; она никак не хотела помочь. Художники сложились, сбегали в магазин — им удалось достать коробку конфет (небывалая удача!). Получив шоколад, секретарша стала намного добрее и на следующий день выдала требуемые документы. Снова долгие очереди, неприступные чиновники, проволочки. Становилось ясно, что вовремя они не поспеют, организованная с таким трудом поездка сорвется. Тогда кто-то шепнул им, что каждому надо положить в паспорт десятку. Они, уже платившие за этот паспорт немалые деньги, скрепя сердце согласились.

Дело после этого пошло и вскоре совершенно уладилось.

«Как теперь могут относиться эти молодые люди к такому государству?» — спрашивала потрясенная англичанка, никогда не встречавшая ничего подобного у себя дома. Чиновники государственных учреждений, приспособленных для подавления свободной воли и свободной мысли, чиновники эти, развращенные властью и разнообразными привилегиями, в условиях растущей демократии становятся бесстыдно продажными. Устрашающий лик тоталитаризма сменяется циничной и не менее враждебной личности харей (да простится мне это гоголевское словечко!) взяточника — откровенного преступника, который чувствует за собой силу и безнаказанность. Что уж говорить о коррупции в нашей торговле, приобретшей поистине чудовищные размеры!

Но есть и другой лик у России. Бесконечная доброта простых людей — все мы так много встречали их среди родных и соседей, где-нибудь в деревне или в маленьком захолустном городишке. Кротость, доходящая порой до невероятных высот самоотверженности и непротивления. Доброта — не от принципов, не от убеждений и знаний идущая, а от внутренней врожденной потребности творить добро, от способности в самом деле поделиться последним куском. Теплота, гостеприимство, щедрость — этими качествами мы все еще не оскудели, и те, кто приезжает к нам, всегда с благодарностью их подчеркивают.

И конечно, огромная потребность в духовной жизни, прежде всего в вере. Слишком уж во многом мы разуверились в последнее время. Нет веры государству. Нет веры партии, комсомолу, министерствам и ведомствам, Госкомстату, газетам, милиции. Колеблется у многих и вера в успех перестройки. Но не может душа человеческая без веры. И на смену всем этим временным и частным верам — верам в возможное совершенство руководителя, или организации, или построенного человеком на Земле нового общества, а также верам-суррогатам: в летающие тарелки, экстрасенсов и гороскопы — приходит ко многим иная вера — в вечные и нетленные ценности. Ибо «и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится», а эта вера никогда не исчезнет. И дух человеческий будет вечно искать и стремиться к немеркнущему свету. Пытками и угрозами, муками сталинских лагерей, надругательством над храмами и священными текстами, леденящим страхом, взращивавшимся в нас с детства, вытравляли из народа эту вверу, ан нет, жива она, убить ее невозможно.

Церкви не пустуют. Под изуродованными сводами вновь открываемых храмов горят сотни свечей, гремят славословия хора, тесно стоят молящиеся.

Это ощущается не только в церкви. Вся литература, хоть как-то связанная с религией, произведения русских и зарубежных философов, историков, религиозных деятелей, столь долго находившиеся под запретом, с жадностью читаются, передаются из рук в руки, обсуждаются. От тех же студентов постоянно узнаешь новости: вышли воспоминания участников толстовских коммун, вышла «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци, то там, то здесь публикуются произведения С. Булгакова, Н. Бердяева, П. Флоренского, А. Лосева. Наши духовные горизонты расширяются небывало быстро, и это, право же, вселяет надежду.

Сейчас много пишут о том, что генофонд большинства народов нашей страны подорван в результате чудовищных репрессий, начавшихся сразу же после революции 1917 года и продолжавшихся долгие десятилетия. Да, все лучшее — и в крестьянстве, и в рабочем классе, и в интеллигенции — тщательно искоренялось: уничтожалось физически, подавлялось, держалось в жестоком страхе. Но все-таки не убьешь, не изведешь народ. Его лучшие силы способны возрождаться из пепла. Душа его жива. Мы видим свидетельства тому и читая прессу, и слушая дебаты в Верховном Совете, и глядя на молодых людей, обретающих собственный независимый взгляд на вещи. Родина наша по-прежнему рождает «собственных Платонов» — вопреки нависавшей над нею долгой тьме безвременщины. Мы наблюдаем это в сотнях неформальных объединений — оздоровительных, экологических, художественных, воспитательных, семейных, пацифистских.

Русский духовный потенциал знают и высоко ценят на Западе. В лучших представителях русской интеллигенции всегда виделось нечто особенное, отличавшее ее от интеллигенции западной: ее разбуженная совесть, сознание ответственности за судьбы всего мира, высокий нравственный императив и озаренность изнутри идеей и ощущением трансцендентного бытия — идеей Бога, руководившей исканиями лучших людей России. Не потому ли еще в начале XX века Рудольф Штейнер предрекал, что в конце столетия Россия воспламенит западный мир огнем духа, принесет ему нравственное обновление?

Так я размышляла над словами Беаты Бишоп о двух ликах России. Но встает передо мной и третий лик ее, о котором не упомянула умная англичанка. Надо жить здесь, чтобы видеть и ощущать его. Этот лик — лик стихии, необузданной нутряной силы нашего разноплеменного народа, силы, которая может обернуться и бесконечной добротой, и высоким талантом, и порывом великой самоотверженности, а с другой стороны, способна явить себя как неуправляемая слепая волна, сметающая на своем пути все, безжалостно льющая кровь человеческую.

Мы в массе своей эмоциональны и не привыкли сдерживать себя. Нам не хватает культуры общения, самодисциплины, сдержанности, цивилизованности. Русская душа стремится «закружиться, загуляться, сказать иногда «черт побери все!» — констатировал Гоголь. Пушкин называл русский бунт «бессмысленным и беспощадным». «Широк русский человек»,— говорил Достоевский. «Европа шла культурою огня, а мы в себе несем культуру взрыва»,— писал Волошин. И еще: «У нас в душе — некошеные степи. Вся наша непашь буйно заросла разрыв-травой, быльем да своевольем».

Это своеволье, этот разгул страстей могут быть очень привлекательными для британца, привыкшего всегда «keepsmiling» и «control himself» — улыбаться и владеть собой.

Но мне за этими чертами угадывались и дикие, необузданные страсти; они прорываются сейчас там и сям в нашей Отчизне — то многотысячной демонстрацией, а то непростительным по жестокости избиением демонстрации, то озлобленными криками в очередях, то озверением солдат друг против друга в воинских частях, то ожесточенной борьбой этнических групп в Закавказье, в Средней Азии и Эстонии... Вся история наша являет нам этот лик народной стихии — восстания Разина и Пугачева, покорение Сибири Ермаком, голодные бунты, схватки на окраинах, зверства в революции, в гражданской войне, коллективизации. Не эти ли стихийные силы разгуливаются и сейчас, грозя перелиться через край и заглушить разумные голоса, призывающие к сдержанности и взвешенности поступков?

С Запада к нам пришла рок-музыка и попала на восприимчивую почву. Молодежь, освобожденная от менторства старших и от указующего жезла комсомола, нашла себя в роке — искусстве ужаса и отчаяния, порой отвращения к жизни, неприятия ее, бесстыдной насмешки, циничного разгула низменной природы в человеке. Визги, вопли, истерическое мотание нечесаными головами — массы юных граждан наших упиваются этим безумием, выражая с его помощью свою внутреннюю дисгармонию и разочарование. Они поют:

Подохнуть у порога обетованной
земли.
Сорвать противогаз
и легким сердцем — об асфальт,
У каждого из нас
быть могут разные ходы,
Но цель у нас едина — суицид.
(Егор Летов)

И не этот ли лик, лик стихии, делает столь удобным поворот к тоталитаризму? Ведь право же, чтобы стихия не смела все на своем пути, не ввергла нас в хаос, надо уметь управлять ею. Надо подчинить ее сильной воле, направить по нужному руслу, а если что — подавить жестоко и держать в страхе. Многие сейчас именно так и думают.

— Но что будет дальше? Как повернутся события в ближайшие год-два? — снова и снова спрашивали меня. Я не могла предсказывать. Вряд ли и другие, более уверенные в себе, сумеют сейчас ответить точно.

— А грустно у вас получилось,— сказал мне слушавший мою лекцию журналист.— Но вы на что-то все-таки надеетесь? На что?

И я ответила: на любовь.

Наталья ПИРУМОВА,
доктор исторических наук

РАЗРУШИТЕЛЬ

Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства.
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. «Бесы»

Человек с самыми распространенными в России именем, отчеством и фамилией — Иван Иванович Иванов — стал первой жертвой русского революционного террора. Он был убит 21 ноября 1869 года сотоварищами по конспиративной организации «Народная расправа» из-за несогласия с действиями их главы Сергея Геннадиевича Нечаева.

На суде министр юстиции сообщал, что труп Иванова был обнаружен «с камнями на шее и ногах в пруде Петровского парка, принадлежащего академии... Дознание пришло к заключению, впоследствии оправдавшемуся, что убийство совершено лицами, имевшими основание или мстить ему за что-либо, или вообще желать его погибели в интересах общего дела, то есть членами Тайной организации... Иванов, как оказалось, был убит ими по приговору Нечаева за неповиновение Комитету [Народной расправы] и для этого завлечен был обманом, как бы для открытия типографии в академический грот, где они сначала принялись его душить, но потом Нечаев схватил принесенный Николаевым пистолет, выстрелил из него в голову Иванова, после чего труп последнего был погружен в пруд».

Чтобы понять смысл и значение преступления, оставившего мрачный след в истории, попытаемся разобраться в явлении «нечаевщины».

I

Вольнослушатель Петербургского университета Сергей Нечаев, которому было чуть более двадцати лет, увлекался идеями заговора, террора, революционной диктатуры. Юноша из мещан Иваново-Вознесенска, народный учитель по образованию, нежный сын и внук, он всецело предался политической деятельности, состоял в студенческом кружке, где читали Луи Блана, Томаса Карлейля, Максимилиана Робеспьера, а особое внимание сосредоточил на учении Макиавелли. Зимой 1868/69 года Нечаев участвовал в составлении студенческой «Программы революционных действий», а затем самостоятельно создал «Катехизис революционера» — свод правил для членов революционной организации.

В этом документе утверждался макиавеллиевский принцип оправдания любых средств борьбы революционной целью. Известный публицист, к которому Нечаев был близок в эти годы, П. Н. Ткачев утверждал: **«Пока представители народных интересов будут добровольно опутывать себя схоластическими представлениями о добре и справедливости, пока они не проникнутся мыслью, что право и справедливость только на той стороне, где есть реальная возможность, то есть совокупность всех средств — умственных, нравственных и материальных, для осуществления этого права, до тех пор все их благородные стремления не принесут никакой осязательной выгоды».**

Убийство Иванова оказалось одним из таких «средств». Каковы были «благородные стремления» Нечаева? Он безусловно руководствовался общественным идеалом, который должен был увенчать «великое дело» разрушения, и предельно ясно изложил его в статье «Главные основы будущего общественного строя». («Издание общества Народной расправы», зима 1870 года).

Тотчас после «низвержения существующих основ» предлагалось сосредоточить все **«средства для существования общественного в руках нашего Комитета»** и объявить обязательную для всех физическую работу. **«В течение известного числа дней, назначенных для переворота и неизбежно последующей за ним сумятицы, каждый индивидуум должен примкнуть к той или иной рабочей артели, по собственному выбору... Все оставшиеся отдельно и не примкнувшие к рабочим группам без уважительных причин не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни... одним словом, не примкнувшая без уважительных причин к артели личность остается без средств к существованию. Для нее закрыты будут все дороги, все средства сообщения, остается только один выход, или к труду или к смерти».**

Вот идеал «казарменного коммунизма», этого торжества «равенства в рабстве» при железной диктатуре комитета.

Отсутствие независимости мысли, уважения к себе, а значит охотное и легкое подчинение чужой власти, чужому авторитету, отсутствие уважения к народу, а значит возможность эксперимента над ним во имя «общего будущего и великого дела» — таковы черты самого Нечаева и ему подобных. Это о них роман Ф. М. Достоевского «Бесы».

Конечно, личность лидера во многом определила и его теорию, и характер созданной им организации. **«Нечаев,—** вспоминала Вера Засулич,— **не был продуктом нашего мира, он не был продуктом интеллигенции, среди нас он был чужим». «Не взгляды, вынесенные им из соприкосновения с этой средой,—** продолжала она в другом месте,— **были подкладкой его революционной энергии, а жгучая ненависть и не против правительства только... а против всего общества, всех образованных слоев, всех этих баричей, богатых и бедных, консервативных, либеральных и радикальных. Даже к завлеченной им молодежи он если и не чувствовал ненависти, то, во всяком случае, не питал к ней ни малейшей симпатии, ни тени жалости и много презрения».**

Но дело было отнюдь не только в нечаевской индивидуальности. И не случайно Достоевский прямо высказал неоднозначное отношение к прототипу своих «бесов». В 1873 году, в ходе полемики по поводу романа, журнал «Русский мир» выступил с утверждением, что «идиотический фанатик» мог найти последователей только среди праздной, недоразвитой молодежи. Реакция Достоевского на эту статью была резкой и неожиданной. Он вспомнил, что «тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни... стоял в компании людей образованных». Именно Достоевский впервые задумался над тем, почему само время способствовало расшатыванию моральных понятий.

«Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем! Это и не у нас одних, а на всем свете так всегда с начала веков, во времена переходные, во времена потрясений в жизни людей, сомнений, отрицаний, скептицизма и шаткости в основных общественных убеждениях. Но у нас это

более чем где-нибудь возможно, и именно в наше время и эта черта самая болезненная и грустная черта нашего теперешнего времени. В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть не мерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость — вот в чем наша современная беда!»

В значительнейшей мере во всей ситуации оказывается виновато время. Время переходное, полное сомнений, отрицаний, скептицизма.

Прав ли Достоевский? Очевидно — да.

После того как первый демократический натиск на самодержавие был отбит, общество охватила апатия и инертность. Обратимся для сравнения к свидетельству другого современника, писавшего в конце 60-х — самом начале 70-х годов XIX века с других позиций и из другого лагеря.

«Правилом прогрессистов на ущербе стало «довольствуйся, что жив», или, точнее, «радуйся, что выжил». Вскоре они, как и та безличная толпа, которая десять лет тому назад составляла силу прогрессивного движения, отказались даже слушать «про разные сентименты»... Их кодекс житейской философии заключался теперь в пословицах: «Сила солому ломит», «Лбом стены не прошибешь» и тому подобных, которых, к несчастью, так много в русском языке». Эти слова принадлежат известному революционеру и ученому П. А. Кропоткину. Близко к ним и свидетельство рядового участника движения, одного из членов кружка чайковцев: **«Старые традиции революционных движений успели почти совсем вымереть — людей от них тоже почти не осталось. Масса людей не имела под ногами даже чисто эмпирической почвы, концы не были сведены с началами».**

Время, когда «концы не сведены с началами», когда нет твердых моральных, человеческих ценностей, когда сомнение и отрицание порой заменяет твердую веру в тот или иной идеал, бесспорно было трудным для молодых незащищенных душ. Вот где корни нечаевщины.

II

Весной 1869 года, распространив легенду о своем аресте и заключении в крепость, Нечаев отправился за границу и в начале апреля появился в Женеве. Он заранее выслал на имя А. И. Герцена прокламацию «Студентам Университета, Академии и Технологического института». Цель Нечаева состояла в том, чтобы, добившись материальной поддержки со стороны Искандера, организовать пропагандистскую кампанию, наладить конспиративные пути в Россию. Однако Герцен от встречи отказался и прокламацию не одобрил. Зато на Бакунина и Огарева Нечаев сразу произвел большое впечатление. За несколько месяцев он сумел осуществить свои планы.

Несмотря на резкую антипатию к Нечаеву, Герцен вынужден был выделить Огареву половину так называемого Бахметьевского фонда, оставленного издателям «Колокола» — помещиком Бахметьевым для революционной пропаганды. На эти деньги было организовано издание серии прокламаций самого экстремистского содержания, авторами которых выступали Нечаев, Бакунин и Огарев. В числе этих изданий был и «Катехизис революционера».

В июле Нечаев выехал в Россию. По дороге он наладил связи и явки среди болгарской эмиграции в Румынии, предпринял попытки создать ячейки тайного общества в Одессе. В сентябре он был в Москве, где за три с половиной месяца смог объединить рвавшуюся к активным действиям молодежь в несколько кружков — «пятерок». Они и составили централизованную «Народную расправу». Руководил ею мнимый комитет, в действительности — один Нечаев.

После убийства Иванова и провала организации, когда несколько сот людей было арестовано, Нечаеву удалось скрыться.

Отчеты о судебных заседаниях во время процесса над нечаевцами (1 июля — 11 сентября 1871) регулярно публиковались в «Правительственном вестнике»; информация о «Катехизисе» и убийстве Иванова потрясла русское общество. Опасность, которой грозили людям подобные социальные эксперименты, была очевидна.

Из процесса 1871 года молодежь извлекла практический урок: ни в коем случае не строить организацию по типу нечаевской. Революционер-народник О. В. Аптекман утверждал: **«отношения молодежи к Нечаеву... были принципиально отрицательные... Я считал ее [организацию] тяжелым, кошмарным эпизодом в нашей истории революционного движения».**

А сам автор «Катехизиса» продолжал энергично готовить почву для осуществления своего проекта. В начале 1870 года он снова объявился в Женеве, где стал настоятельно требовать от Герцена и Огарева вторую часть Бахметьевского фонда для продолжения агитационной кампании, в том числе возобновления издания «Колокола». Деньги эти Нечаев получил уже после смерти Герцена. В новой серии прокламаций и шести номерах «Колокола» Бакунин, по существу, не принимал участия, авторами выступали Нечаев и Огарев.

Вскоре после второго появления в Женеве в жизни Нечаева произошел эпизод, который трудно вписывается в биографию этого человека.

Все знавшие его сходились на том, что для него на первом плане всегда стояли интересы революции. Люди, не умевшие отрешиться от своих личных забот и чувств во имя революционного дела, чувствовали неловкость в общении с ним. **«Мне стыдно было сознавать,—** вспоминала А. И. Успенская,— **что у меня есть личная жизнь, личные интересы. У него же ничего не было — ни семьи, ни личных привязанностей...»**

Тем не менее за границей Нечаев серьезно увлекся старшей дочерью Герцена, Натальей Александровной. Не отвечая ему взаимностью, она приняла, однако, участие в некоторых его конспиративных предприятиях. В том же году в Женеву приехал Г. А. Лопатин, который разоблачил перед эмиграцией обстоятельства убийства Иванова и некоторые нечаевские мистификации. Это оттолкнуло от Нечаева практически все его окружение (в том числе и Наталью Александровну). Ее черты Нечаев воплотил позже в героине романа «Жоржетта», написанного в Петропавловской крепости.

Из Швейцарии он отправился в Лондон, где попытался организовать издание нового журнала. Однако отсутствие средств и сотрудников не дало возможности продвинуться в этом начинании далее первого номера («Община», № 1, сентябрь 1870). В нем Нечаев поместил, в частности, «Письмо к Огареву и Бакунину». **«Не предвидя скорой возможности лично видеться с вами, я прошу вас через посредство старшей дочери Герцена, заведующей нашей кассой, доставить в редакцию «Общины» остатки того фонда, которого части получены мной при жизни А. Герцена и еще в недавнее время».** Далее он заявлял, что, несмотря на разногласия, не перестает смотреть на них **«как на лучших представителей поколения, к сожалению, бесследно сходящего со сцены истории».**

Пережив неудачу в Англии, Нечаев перебрался во Францию. Во время Парижской коммуны (18 марта — 28 мая 1871) он жил в Париже. Сведений о его участии в событиях нет. Очевидно, он был лишь наблюдателем. Целиком погруженный в организацию «русского дела», Нечаев смотрел на западную жизнь со стороны: как на неподходящий для России опыт.

После подавления Коммуны, скрываясь в Цюрихе, он занимался разработкой политической программы партии, которую намеревался организовать. Целью ее должна была стать революция, создание «социал-демократической республики» в России и союза всех социал-демократических славянских государств.

В «Основных положениях» Нечаев писал: **«Политические событие в истории западных наций представляют нам много печальных примеров революционных движений, оставшихся без положительных результатов, и все потоки народной крови, пролитые до сих пор, не привели еще к желанной цели, главным образом потому, что восставший народ не имел в своей среде сведущих и опытных людей, интересы которых были тождественны его интересам».**

Призывая к борьбе с **«громадной дисциплинированной организацией деспотизма»**, он требовал строжайшей централизации во время и после революции, **«до тех пор, пока результаты, добытые революцией, не будут вполне обеспеченными, как от попыток внутренней реакции, так и от притязаний внешних врагов».**

Намечая далее основные черты будущей республики, Нечаев опять же проявлял склонность к строгой регламентации. Земля, фабрики и заводы должны были принадлежать государству, которое распределяло бы их между сельскими общинами и рабочими ассоциациями. Организация работ, их регулирование, решение вопроса «о производительности или непроизводительности труда», опять-таки оставались прерогативой государства.

Но в целом последняя программа Нечаева была значительно мягче его «Издания Народной Расправы». Умеренность тона объяснялась тем, что документ был рассчитан на предполагаемых союзников, а именно — польскую демократическую ассоциацию, которую Нечаев хотел использовать в своих целях.

И на этот раз его расчеты оказались ошибочными. Связанный с польской ассоциацией Адольф Стемпковский, которому Нечаев доверился, был агентом Третьего отделения.

Три года Нечаев, незаурядный русский конспиратор, успешно скрывался от агентов всех европейских полиций, разыскивавших его как уголовного преступника, но в августе 1872 года дважды нарушил правила: несколько раз подряд ночевал в квартире у Стемпковского, а 14 августа днем, с ним же и неизвестным отправился в кафе. Здесь он и был арестован.

Цюрихский муниципальный совет проголосовал за высылку Нечаева, и он был передан в руки властям.

2 ноября 1872 года Бакунин писал Огареву: **«Итак, старый друг, неслыханное совершилось. Несчастного Нечаева республика выдала... Какой-то внутренний голос мне говорит, что Нечаев, который погиб безвозвратно и без сомнения, знает, что он погиб, на этот раз вызовет из глубины своего существа, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную энергию и доблесть. Он погибнет героем и на этот раз ничему и никому не изменит. Такова моя вера. Увидим скоро,** прав ли я. **Не знаю, как тебе, а мне его страшно жаль...»**

III

В самой тайной тюрьме царской России — Алексеевском равелине Петропавловской крепости — для Нечаева был создан особый, наиболее секретный режим. Ни он сам, ни кто другой не мог более употреблять его имя, значился же он под № 5. Еженедельные бюллетени о его здоровье и времяпрепровождении в течение многих лет представлялись шефу жандармов, начальнику Третьего отделения.

Долгое время Нечаеву разрешалось читать и (до 1876 года) писать, даже приобретать за счет Третьего отделения книги и журналы. Вот какое письмо передал заключенный № 5 коменданту крепости, не получив однажды нужную ему книгу: **«Генерал! Если сочтено на основании каких-либо соображений неудобным доставить мне книгу Луи Блана «Histoire de la Revolution Francaise», то позвольте просить вас заменить оную сочинениями, допущенными в России».** Далее он требовал французский журнал 1872 года, **«в книгах которого помещались мои статьи, весьма нужные мне теперь для работы».** Просьба была доложена царю. В результате шеф жандармов Шувалов предоставил управляющему делами Третьего отделения Шульцу разрешить книги по своему усмотрению. Шульц не только разрешил, но и по поводу «Revue»... добавил, что пришлет свои 12 книжек за 1872 год.

Подобные любезности были не в обычае чиновников Третьего отделения. Размышляя о том, чем диктовалось предупредительное внимание, снисходительное отношение к Нечаеву со стороны высших представителей власти, историк П. Е. Щеголев справедливо полагал, что ответ следует искать «в плоскости построений психологических». **«В боязливом и почтительном изумлении они должны были убедиться в том, что вера Нечаева в свой революционный идеал была безгранична и неколебима, исключительна до фанатизма. Люди III отделения не верили в православного бога так, как Нечаев верил в русскую революцию...**

Эта вера своей глубиной, громадностью и непреложностью смущала его следователей, судей и высоких тюремщиков — что бы они там ни декламировали о Нечаеве и как бы ни старались от самих себя скрыть такое воздействие фанатической личности,— смущала до такой степени, что они теряли при обращении с Нечаевым свой обычный тон, свою манеру... В отношениях III отделения к Нечаеву не было **спокойствия и выдержки; на протяжении его заточения оно не раз нервничало: уж не заражалось ли оно нервностью Нечаева? От послаблений режима начальство с каким-то сладострастием переходило к ожесточению, и мучительству...».**

В феврале 1876 года, после обращения Нечаева к царю с просьбой о пересмотре дела и гласном судебном разбирательстве, у него были отобраны все письменные принадлежности и бумаги. Среди них оказались части романа «Жоржетта», наброски к другим романам и ряд фрагментов незавершенных беллетристических работ. Были в литературном наследстве Нечаева и публицистические статьи, «самая замечательная» из которых, по мнению чиновника III отделения, разбиравшего бумаги, посвящена описанию и анализу характера студенческого движения 60-х годов.

Кстати, следует заметить, что распространенное в литературе мнение о том, что Нечаев не обладал достаточным умом, образованием и литературными способностями, нельзя считать вполне справедливым. Мы полагаем, что он обладал и тем, и другим, и третьим. Он выступал со статьями в европейских газетах, писал и издавал не только прокламации и листки «Народной расправы», но и журналы («Колокол», «Общину»). В крепости он писал статьи, романы, воспоминания, читал массу книг на трех европейских языках. Очевидно, близок к истине был его анонимный рецензент, полагая, что **«нельзя назвать автора личностью дюжинной. Всюду сквозит крайняя недостаточность первоначального образования, но видна настойчивость и сила воли в той массе сведений, которые он приобрел впоследствии».**

Автора обзора бумаг Нечаева поразили мысли узника равелина о ненависти как о необходимом чувстве, придающем силу общественному деятелю. Он увидел **«какое-то самоуслаждение в созерцании силы своей ненависти ко всем достаточным людям, намеренное развитие в себе непроверенных в своей основательности и законности инстинктов, ставивших его во вражду с существующим порядком, почти слепую,— все это черты революционера не по убеждению, а скорее по темпераменту, каким автор сознает себя не без некоторого самодовольства. Может быть, им он обязан частью своего влияния на людей, еще меньше развитых и привычных критически относиться к своим мнениям».**

После составления обзора нечаевские бумаги были сожжены, а сам узник, который слишком бурно выражал протест, переведен в другую камеру в ножных и ручных кандалах. Ноги ему освободили через три месяца, а руки оставались скованными почти два года. Право пользоваться книгами Нечаев вновь отвоевал лишь в 1880 году. Но еще раньше узник начал пропаганду среди солдат караульной службы. Основываясь на нечаевских письмах из крепости, член Исполнительного комитета «Народной воли» Лев Тихомиров заключил: **«В равелине не сменяются несколько лет. Нечаев имел возможность приглядываться к каждому и, пользуясь этим, наметить много лиц, пригодных для его планов. Еще сидя на цепи, он умел повлиять на многих своих сторожей... случалось, что согласно приказу тюремщик ничего не отвечал, но Нечаев не смущался. Со всей страстностью мученика он продолжал говорить о своих страданиях, о всей несправедливости судьбы и людей. «Молчишь [...] Тебе запрещено говорить. Да ты знаешь ли, друг, за что я сижу! [...] За них же, за его же отцов и братьев погубишь свою жизнь, а заберут тебя, да на цепь посадят, и этого же дурака к тебе приставят...». Случалось, что солдат, задетый за живое, не выдерживал и бормотал что-нибудь о долге, о присяге. Но Нечаев только этого и ждал. Он начинал говорить о царе, о народе, о том, что такое долг и т. д.».** Использовал он и другие приемы. Так или иначе команда равелина в большинстве своем оказалась распропагандированной секретным узником.

В ноябре 1880 года, когда в крепость был заключен осужденный на бессрочную каторгу член Исполнительного комитета «Народной воли» С. Г. Ширяев, Нечаеву удалось сразу же при посредстве охраны завязать с ним переписку: узнать о состоянии революционных дел за тюремными стенами, а затем вступить в непосредственный контакт с «Народной волей», готовившей очередное покушение на царя. Письмо из равелина, откуда ни один звук не доходил до воли, оказалось неожиданностью для революционеров.

«Письмо Нечаева,— рассказывала член Исполнительного комитета В. Н. Фигнер,— **носило строго деловой характер: в нем не было никаких излияний, ни малейшей сентиментальности, ни слова о том, что было в прошлом и что переживалось Нечаевым в настоящем. Просто и прямо он ставил вопрос о своем освобождении. Он писал, как революционер, только что выбывший из строя, пишет к товарищам, еще оставшимся на свободе. Удивительное впечатление производило это письмо: исчезло все, темным пятном лежащее на личности Нечаева, вся та ложь, которая опутывала революционный образ Нечаева. Оставался разум, не померкший в долголетнем одиночестве застенка; осталась воля, не согнутая всей тяжестью обрушившейся кары; энергия, не разбитая всеми неудачами жизни. Когда на собрании Комитета было прочитано обращение Нечаева, с необыкновенным душевным подъемом все мы сказали: надо освободить».**

Однако все немногочисленные силы «Народной воли» были в это время заняты подготовкой покушения — подкопом под Малую Садовую улицу, по которой пролегал один из маршрутов Александра II. К тому же, по справедливому мнению Тихомирова, освобождение «из такого государственного тайника, как Алексеевский равелин, должно было возбудить в правительстве панику и сделать надолго невозможным нападение на царя. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самим решать, какое из двух предприятий ставить в первую очередь, и они подняли голос за 1 марта (дата покушения на Александра II.— **Н. П.**), несмотря на то, что

Желябов уже лично осмотрел равелин и признал побег, при хорошей помощи извне, не только осуществимым, но даже не особенно трудным».

Отказавшись от свободы, Нечаев продолжал внимательно следить за деятельностью «Народной воли», читать ее издания, даже давать революционерам рекомендации. Тактику «Народной воли» он считал чересчур «добросовестной». **«Не забудьте, что из-за этой буржуазной добросовестности задерживается успешная организация, а стало быть дается время окрепнуть врагам народа. Из-за добросовестности затрудняется борьба, и потом придется уничтожать не сотни, а сотни тысяч человек».**

Он настоятельно требовал единоначалия, революционной диктатуры в партии, выдвигал Андрея Желябова на вакантное место диктатора.

Недоволен был Нечаев и отношением народовольцев к обществу. Зачем, спрашивал он, в «Вестнике «Народной воли» было сообщено о пожертвовании 5—8 тысяч рублей, когда к этой сумме следовало бы прибавить два нуля? Зачем вообще надо просить поддержки у общества? **«Комитет... должен возбуждать общество или народ и обещать им свою поддержку, а не просить ве у них».** Врагов и друзей, учил он народовольцев, надо ослеплять **«блеском своей силы».**

1 марта 1881 года Александр II был убит взрывом бомбы, брошенной народовольцами. Вслед за этим началась цепь арестов, основные силы организации были разгромлены. При аресте Желябова и затем Перовской обнаружились письма Нечаева, но авторство их удалось установить не сразу. Некоторое время Нечаев оставался вне подозрений. Да и сама мысль о возможности противоправительственной деятельности в изолированном от мира равелине казалась невероятной.

П. Е. Щеголев, опираясь на документы, попытался представить картину жизни равелина осенью 1881 года: **«В дежурной комнате... солдаты читают не только газеты, но и свежие прокламации и последние номера «Народной воли», некоторые из них учатся шифровать письма по рецепту Нечаева; по коридору без всякой субординации ходят дежурные, а около двери номера 5, вынеся стул из дежурной, сидит жандармский унтер-офицер и наслаждается рассказом узника № 5. Или же узник № 5, который был лишен права писеть и писал свои жалобы по нечальству, за неимением чернил собственной кровью, усидчиво писал и зашифровывал за своим столом записочки на волю, а конвойные охраняли его: не ровен час! А с вечера ходившие за старших в караул... выписывали из наряда фамилии часовых, которые должны будут на другой день стоять не часах у номере 5, и передавали списочек Нечаеву. Нечаев обдумывал списочек и давал наряд на работу. По временам производилась выплата гонораре солдатам. Нечаев получал деньги с воли, но сам не раздавал их: передавал кому-либо из солдат, сем выдавал билетики с обозначением суммы, а казначей выдавал деньги предъявителю билетика».**

Нечаев строил новые планы побега из крепости. Но его выдал второй узник равелина, Л. Мирский. 29 декабря были арестованы и заключены в одиночные камеры Трубецкого бастиона крепости 42 человека — команда Алексеевского равелина. Затем произведены аресты солдат вне крепости. В итоге к дознанию привлекли 69 человек. В тот же день, 29 декабря, Нечаев был приведен в камеру № 1, где и оставался до конца. Умер он 21 ноября 1882 года.

Тайна, которой власти пытались опутать его жизнь в равелине, сохранялась и после смерти узника. Тело его было перенесено в один из казематов Екатерининской куртины Петропавловской крепости «для устранения огласки о существовании в Алексеевском равелине преступников». Министр внутренних дел В. К. Плеве распорядился передать тело для погребения приставу Панкратову, сохраняя строжайшую тайну.

Последнее донесение Панкратова гласит: **«Тело умершего в 1 час ночи из крепости доставлено на Преображенскую станцию Николаевской железной дороги».** Место погребения осталось неизвестным.

...В 1934 году в журнале «Тридцать дней» были опубликованы воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича «Ленин о художественной литературе». Вот отрывок из них:

«До сих пор не изучен нами Нечаев, над листовками которого Владимир Ильич часто задумывался, и когда в то время слова «нечаевщина» и «нечаевцы» даже среди эмиграции были почти бранными словами, когда этот термин хотели навязать тем, кто стремился к пропаганде захвата власти пролатариатом, к вооруженному восстанию и к непременному стремлению диктатуры пролетериата, когда Нечаева называли — как будто бы это особо плохо — «русским бланкистом», Владимир Ильич нередко заявлял о том, что какой ловкий трюк проделали реакционеры с Нечаевым, с легкой руки Достоевского и его омерзительного, но гениального романа «Бесы», когда даже революционная среда стела относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, что этот титан революции обладел такой силой воли, таким энтузиазмом, что и в Петропавловской крепости, сидя в невероятных условиях, сумел повлиять даже на окружающих его солдат таким образом, что они всецело ему подчинялись.

«Совершенно забывают,— говорил Владимир Ильич,— что Нечаев обладал особым телантом организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачить в такие потрясеющие формулировки, которые оставались памятные на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос — «Кого же надо уничтожить из царствующего дома?», Нечаев дает точный ответ: «Всю большую ектению». Ведь это сформулировано тек просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или другим причинам, бывали в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царствующий дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель.— Да весь дом Романовых,— должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до ганиальности!

«Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писел, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать»,— неоднократно говорил Владимир Ильич».

Сергей НЕЧАЕВ

«КАТЕХИЗИС РЕВОЛЮЦИОНЕРА»

ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К САМОМУ СЕБЕ

§ 1. Революционер — человек обреченый. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглосчено [1] единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§ 2. Он в глубине своего сусчества, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованым миром и со всеми законами, приличиями, обсчепринятыми условиями, нравственостью этого мира. Он для него — враг беспосчадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будусчим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй медицину. Для этого изучает он дено и носчно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоясчаго обсчественаго строя, во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганаго строя.

§ 4. Он презирает обсчественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ея побуждениях и проявлениях нынешнюю обсчественую нравственость. Нравствено для него все, что способствует торжеству революции.

Безнравствено и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер — человек обреченый. Беспосчадный для государства и вообсче для всего сословно-образованаго обсчества, он и от них не должен ждать для себя никакой посчады. Между ними и им сусчествует тайна или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

[1] Орфография автора

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежныя, изнеживаюсчия чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционаго дела. Для него сусчествует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Дено и носчно должна быть у него одна мысль, одна цель — беспосчадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ея достижению.

§ 7. Природа настоясчаго революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженость и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мсчение. Революционерная страсть, став в нем обыденостью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личныя, а то, что предписывает ему обсчий интерес революции.

ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К ТОВАРИСЧАМ ПО РЕВОЛЮЦИИ

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционым делом, как и он сам. Мера дружбы, преданости и прочих обязаностей в отношении к такому товарисчу определяется единствено степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционаго дела. Товарисчи-революционеры, стоясчие на одинаковой степени революционаго понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупныя дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенаго плана, каждый должен расчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помосчи товарисчей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждаго товарисча должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьяго разрядов, то есть не совсем посвясченых. На них он должен смотреть, как на часть обсчаго революционаго капитала, отданаго в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченый на трату для торжества революционаго дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарисчества вполне посвясченых, распоряжаться не может.

§ 11. Когда товарисч попадает в беду, решая вопрос спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользою революционаго дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарисчем — с одной стороны а с другой — трату революционых сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

ОТНОШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА К ОБСЧЕСТВУ

§ 12. Принятие новаго члена, заявившаго себя не на словах, а на деле, в товарисчество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственый, сословный и так называемый образованый мир и живет в нем только с велю [1] его полнейшаго, скорейшаго разрушения. Он не революционер, если ему чего нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого либо человека, принадлежасчаго к этому миру, в котором — все и все должны быт ему равно ненавистны.

Тем хуже для него, если у него есть в нем родственыя, дружеския или любовныя отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспосчаднаго разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обсчестве, притворясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все слои высшия и средния, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военый, в литературу, в третье отделение и даже в зимний дворец.

§ 15. Все это поганое обсчество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденых на смерть. Да будет составлен товарисчеством список таких осужденых по порядку их относительной зловредности для успеха революционаго дела, так чтобы предидусчие нумера убрались прежде последуюсчих.

§ 16. При составлении такого списка и для установления вышереченаго порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товарисчестве или в народе.

[1] Вероятно: «верою».

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и кремего [?] полезными, способствуя к возбуждению народнаго бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционаго дела. Итак прежде всего должны быть уничтожены люди, особено вредные для революционой организации, и такие, внезапная и насильственая смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять имено из тех людей, которым даруют только времено жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимаго бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленых скотов или личностей, не отличаюсчихся ни особеным умом, и энергиею, но пользуюсчихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистосчимой сокровисчницей и сильною помосчью для разных революционых предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственых честолюбцев и либералов с разными отенками. С ними можно конспирировать по их програмам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до нельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§ 20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголюсчих кружках и на бумаге.

Их надо беспрестано толкать и тянуть вперед, в практичныя головоломныя заявления, результатом которых будет безследная гибель большинства и настоясчая революционая выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория — женсчины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одне — пустыя, обезсмысленыя и бездушныя, которыми можно пользоваться, как третьею и четвертою категориею мужчин.

Другия — горячие, преданыя, способныя, но не наши, потому что не доработались есче до настоясчаго безфразнаго и фактического революционаго понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории.

Наконец, женсчины совсем наши, то есть вполне посвясченыя и принявшия всецело нашу програму. Они нам товарисчи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценейшее сокровисче наше, без помосчи которых нам обойтись невозможно.

ОТНОШЕНИЕ ТОВАРИСЧЕСТВА К НАРОДУ

§ 22. У товарисчества ведь [1] другой цели, кроме полнейшаго освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденые в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушаюсчей народной революции, товарисчество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобсчению тех бед и тех зол, которые должны вывесть, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному возстанию.

§ 23. Под революциею народною товарисчество разумеет не регламентированое движение по западному классическому образу — движение, которое, всегда останавливаяс с уважением перед собственостию и перед традициями обсчественых порядков так называемой цивилизации и нравствености, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замесчения ее другою и стремилось сосдать так называемое революционое государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственость и истребит все государственыя традиции, порядки и класы в Росии.

§ 24. Товарисчество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будусчая организация без сомнения выработывается из народнаго движения и жизни. Но это — дело будусчих поколений. Наше дело — страстное, полное, повсеместное и беспосчадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственой силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвено связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гилдейскаго мира и против кулака мироеда. Соединимся с лихим разбойничим миром, этим истиным и единственым революционером в Росии.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушаюсчую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача.

[1] Следует читать: «нет».

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

СПАСЕТ ТОЛЬКО ЧУДО

Виктор АСТАФЬЕВ, народный депутат СССР

Советы представляют народную власть, а у нас вот уже долгое время — безвластие. Комиссаров, не видавших в глаза сохи, когда-то посылали в деревню учить мужика пахать землю. На стройках коммунизма парторги делали вид, будто понимают в производстве и технологиях больше дипломированных инженеров. А попытка политотделов командовать армией, как, например, Мехлис в Крыму, привела к тому, что мы быстро половину страны провоевали. Самонадеянно занимаясь не своим делом, партия многое порушила и погубила, задавила народную власть, но при этом упустила свое: воспитание людей, диалог с народом.

В местные Советы меня избирали в Перми, Вологде, Красноярске, депутатского стажа наберется в общей сложности лет двадцать. Везде одно и то же. Председатель исполкома, нередко человек и знающий, и авторитетный в народе, пляшет под дудку партийного начальства. Впрочем, толковых людей из Советов быстро забирают и переводят на другую работу. Что касается поселка, деревни — там власти, по сути дела, нет никакой, об этом я писал еще в «Печальном детективе». Без власти народ — как в пустыне. Ни справку получить, ни зубы полечить, ни мыла, а порой и хлеба купить. Наладить снабжение продуктами и товарами — конечно, это важно. Но скажите, кому человеку пожаловаться на несправедливость, кому излить душу, где найти защиту от жизненных невзгод? Даже стадо нуждается в вожаке. Давно надо бы позаботиться, чтобы самая близкая народу власть — поссоветы и сельсоветы — встала бы на ноги...

Сегодня у партии появился еще один конкурент — духовенство. Святые отцы умеют разговаривать с людьми так, как не научились тому многие партийные работники. Пока последние вещают с трибун, народ повалил в церкви. Ныне у нас в крае самый маленький собор проводит ежедневно до 300 актов крестин. Священнослужители выходят на прямые контакты с народом, не брезгуя ездить даже к арестантам в лагеря, в тюрьмы. Многие же депутаты надеются завоевать популярность в народе количеством своих выступлений с разных трибун, и в первую очередь с трибуны Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета — речи-то транслируются по телевидению. У некоторых людей, как, например, у А. А. Собчака, депутатство сразу же сделалось профессией, этакие депутаты депутатычи появились. Конечно, толковые законы нам нужны, но разве через них лежит путь к душе человека? Тем более если вспомнить, что большинство людей тексты законопроектов и законов не читают — больно они длинные и часто непонятные людям. И Кремль, и выборы в местные Советы, и укрепление власти — все это прекрасно, но все это, так сказать, имя прилагательное — и не больше!

Получаю много писем, пачки писем, люди жалуются на нищенскую жизнь, требуют добавок к зарплате. А где взять, если страна в развале? Если работаем мы мало и плохо, а многие люди желают иметь блага, вообще ничего при этом не делая?! Взять что-то можно — только работой! Я недавно побывал в Америке, там после семи утра все уже на своих рабочих местах, никто не кричит, не суетится и никому в голову не приходит мысль в часы работы толкаться в магазинных очередях за дефицитом. Там порядок. По возвращении домой мне тоже захотелось засучить рукава, почти месяц я не вставал из-за рабочего стола, писал, писал, писал. А попал в Москву на II Съезд народных депутатов, послушал, что говорилось в Кремле и вокруг него,— заболела голова, руки опустились, появилось чувство безысходности. Неохота работать!..

Есть, конечно, у нас в стране, в России, здоровые силы, есть подвижники, энтузиасты, готовые страдать за Родину и радеть за перестройку. Происходят и кое-какие перемены, меньше дураков, например, остается на руководящих постах. И все равно до главного мы никак не доберемся — до поддержки человека, который хорошо работает, гнет спину в колхозе или берет землю в аренду, сеет-сажает, собирает урожай, не спекулирует, и не ловчит, и не кичится тем, что валяет дурака и имеет за это полный кошелек денег. Мы славили «шпану», которая в 30-х годах с наганом в одной руке и со стаканом в другой проводила в стране коллективизацию. Мы демонстрировали гуманизм по отношению ко всякого рода алкоголикам, преступникам, разгильдяям, лелеяли братство народов, делая вид, что не замечаем, как иные братья паразитируют на добрых чувствах народов России, сосут ее богатые природные ресурсы — кое-кто сегодня не прочь бы жить со своим собственным знаменем, но чтобы при этом Россия давала бы им, как прежде, хлеб, нефть и лес. Недурно бы теперь и о России позаботиться — поддержать ее настоящих людей труда, подлинных производителей, кормильцев наших, на которых мы давно рукой махнули.

Престижно стало не работать или работать кое-как, воспитывать в том же духе и своих отпрысков. В нашем государстве рабочих и крестьян дети растут барчуками, как же — одно дите в семье, слабое оно, хворое, ему же, страдателю, еще надо учиться, в армии служить, в институт поступать, свое дите растить, себя и жену кормить, нервишков надо, чтобы самого кормили, всю жизнь за руку водили. Глубок в обществе «кризис человека», пожалуй, сменится одно-два поколения граждан, прежде чем все сдвинется с худого места.

Нет, не вижу я быстрых путей возрождения страны и России, и обнадеживать, обманывать людей в скорых переменах к лучшему, по-моему, не стоит. Народ живет на асфальте, в домах-коробках, он с детства не знает запаха травы, не видит красоты настоящего дождя, не слышит народных песен.

Сегодня кругом все синтетическое: нравственность, чуества, совесть. Больному человеку вставляют в спину пластмассовые позвонки, но какой операцией поправить здоровье общества, когда равнодушием поражено большинство народа? В душах его избранников равнодушие тоже сидит глубоко — это я наблюдал и на Съездах народных депутатов СССР. Слушают вполуха. У микрофонов — «базар» по любому пустяку. Базар некультурных, плохо мыслящих людей, так что мне порой становилось жалко сидевших в президиуме Лукьянова и Горбачева.

Боюсь, что бескультурье после выборов в местные Советы «перенесется» и в «маленькие парламенты» страны.

Крепко подорваны силы народа, не вижу я скорого выхода из кризиса, не вижу возрожденной страны и России, даже если об этом говорим и мечтаем мы все. Нет, не вижу. Возвращение к богу, конечно, произойдет, об этом гадать уже не стоит. А вот Россия?! Как всякий русский человек, я надеюсь, что спасет ее, может быть, чудо. Откуда его ждать — из Москвы, с окраин страны, с неба,— не знаю. Адреса чуда и времени его явления народу назвать не могу. Но я на него надеюсь. Проснусь утром, а за окном — чудо! Страна воскресла!

Александр КАЗАКОВ

Национальное самосознание: *искания и соблазны*

> ***Лучше отказаться от патриотизма, чем от совести...***
> ***ВЛ. СОЛОВЬЕВ***

На мой взгляд, русскому человеку сейчас более чем когда бы то ни было необходимо здоровое национальное самосознание. Этого не следует бояться. Вспомним, что русская религиозная философия не боялась даже слова «национализм», понимая под ним духовно здоровую любовь к своему народу и противопоставляя его, по выражению выдающегося мыслителя И. А. Ильина, «больному, уродливому, извращенному национализму», ведущему народы к обособлению, взаимной ненависти и культурному застою. «Национализм есть ЛЮБОВЬ к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии,— писал философ. — Национализм есть ВЕРА в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть ВОЛЯ к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть СОЗЕРЦАНИЕ своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть СИСТЕМА ПОСТУПКОВ, вытекающая из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания».

Не останавливаясь подробнее на этом определении (надеюсь, что оно более или менее раскроется в дальнейшем изложении), хочу сказать о самом главном, наверное, на сегодняшний день для нас — русских в Латвии. Это главное есть осознание соблазнов и опасностей национализма, которые, если им не противостоять духовно, приводят к болезненному и извращенному национализму.

Первейший из соблазнов состоит в том, что русскому человеку свойственно в своем национальном чувстве подменять главное в жизни народа, то есть его культуру — средоточие духовной жизни,— неглавным и второстепенным. Это происходит, когда русский подменяет любовь к Родине и Отечеству любовью к государству, к его политической, военной, хозяйственной или экономической мощи, к размерам его территории (которые для такого соблазненного больного национального сознания должны быть неизменны во что бы то ни стало, даже если приращены неправедным путем). При такой подмене национальное самосознание становится болезненным чувством и только способствует имперской политике государства, нарабатывая новые болезни. Избавиться от такого отождествления Отечества и государства русскому человеку нелегко, учитывая давние исторические корни этой болезни.

Важно отметить, что такая подмена духовной Родины ее материальными эквивалентами особенно свойственна русскому человеку во времена духовных и национальных кризисов (как, например, сейчас), когда пути в будущее затемнены, а настоящее бурлит противоречиями и грозит срывом. Когда все существовавшие до того основы раскрылись в своей безнравственной сущности, расшатаны и вот-вот рухнут, русский человек, предчувствующий приближающееся состояние невесомости и как следствие распыление нации, настойчиво стремится отыскать какую-либо опору для выхода из национального кризиса и движения вперед. При этом русским до сих пор была свойственна слабость национального характера, когда начинают искать опору в том, что лежит ближе всего и на поверхности — в наличном государстве. Хуже всего то, что русский человек идет на такую подмену даже в том случае, если эта власть и это государство нравственно скомпрометировали себя.

Порочность и болезненность такого отождествления и такой подмены состоят в следующем. Полноценная духовная жизнь нации может быть осуществляема только при наличии положительных национальных идеалов, которые должны быть осознаны нацией и постоянно проводимы как в политике, так и в повседневной жизни. При этом следует всегда помнить непреложный закон: национальные идеалы должны быть обоснованы и оправданы прежде всего нравственно, а уже потом национально. Все это, конечно, значимо лишь тогда, когда речь идет не просто о физическом существовании нации, но о достойном существовании. На самом элементарном уровне это национально-нравственное самосознание основывается на том, что «во всяком деле не о том нужно спрашивать, свое или не свое, а о том, хорошо или худо» (Вл. Соловьев), то есть любой поступок, в том числе и национальный, должен быть подвергнут суду нравственному еще до его совершения.

При наличии осознанных положительных идеалов народ ищет и находит силы для возрождения, для выхода из кризиса, в самом себе и прежде всего в своей духовной культуре, в своей истории. Человек, созерцающий культуру и историю своего народа, должен признать необходимость во всех своих мыслях и действиях сообразовываться не с сиюминутными или материальными интересами и запросами, но с ценностями вечными и абсолютными. Вот и сейчас нам жизненно необходимо воспитать в себе заново (ибо 70 лет нам навязывали иное — классовое, партийное, групповое) способность нравственного суждения в вопросах национальных. Надо услышать наконец голос лучших людей России: «Я не могу служить как следует своему Оте-

честву,— писал Вл. Соловьев,— если я при этом не служу истине и справедливости, если я не подчиняю безусловно и себя, и свой народ высшему нравственному закону». Только при этом условии — при заново воспитанном нравственном национальном самосознании — мы сможем духовно оздоровиться и прийти к полноценной, не ущербной национальной жизни.

Такова положительная опора, которую может и должен найти народ на пути выхода из национального кризиса. Но в духовном помрачении он может в поисках этого выхода пойти не по пути своего утверждения, а по пути отрицания другого народа. Это поиск отрицательной опоры, попытка оттолкнуться для того, чтобы стать на ноги. При этом всегда забываются достоинство и права этого другого народа, забывается простая и очевидная истина: «Всякая народность имеет право жить и развивать свои силы, не нарушая таких же прав других народностей» (Вл. Соловьев). В результате такая попытка, неизбежно безразличная в выборе средств (ведь речь идет о собственном спасении), приводит к агрессии духовной или физической. Нация пытается самоутвердиться за счет другой нации, вплоть до гибели последней. И особенно безнравственно и безбожно это выглядит, когда большая и мощная нация (например, русские) пытается утвердиться за счет малой нации (как латыши). Такой путь выхода из национального кризиса ложен, потому что нация при этом не излечивается от своих болезней, а утверждается в таком виде, в каком она есть, и взор нации так и не обращается на самое себя, ибо он обращен в бессмысленно обвинительном акте на другую нацию. Более того, возникают новые болезни, которые в конце концов нацию губят. Причины выбора этого ложного пути имеют духовную природу — «тут и наивная исключительность примитивной натуры, и этнически врожденное самодовольство, и жадность, и похоть власти, и узость провинциального горизонта, и отсутствие юмора, и, конечно, неодухотворенность национального инстинкта. Народы с таким национализмом очень легко впадают в манию величия и в своеобразное завоевательное буйство, как бы ни назвать его — шовинизмом, империализмом или как-нибудь иначе» (И. А. Ильин).

От этих двух пороков — отождествления нации с государством и властью и перенесения своих болезней и своей вины на другие народы — мы должны избавиться как можно скорее для духовного возрождения нации.

Но мы должны учитывать и тот факт, что государство и власть могут поддержать русский народ в этом соблазне, в этом заблуждении, ибо главная и первейшая задача всякой действующей власти — самосохранение, и в большинстве случаев при помощи любых средств и методов. Поэтому о взаимоотношениях нации и государства эта власть предпочитает отмалчиваться, создавая на деле иллюзию, что русский народ — «всесоюзный» народ (вспомним об отсутствии Российской академии наук, Российской академии художеств и даже (!) отсутствии столицы России).

Одна из важнейших задач учреждающихся сейчас в национальных республиках Русских обществ состоит, на мой взгляд, в том, чтобы не дать русским людям поддаться на искушение раздора. Но эти проблемы должны иметь в виду и лидеры национального возрождения, так как смыкание — в очередной раз — русской нации с государством и властью очень возможно сейчас (и уже происходит — только слепой этого не заметит!), и не следует опрометчивыми действиями в политике подталкивать русских на путь, губительный как для них самих, так и, учитывая реальную ситуацию, для других народов. Надо действовать, имея в виду такую возможность.

Если взять Латвию, здесь разрыв нации и власти, государства и отечества затруднен не только сам по себе, но и сегодняшней ситуацией в республике (а она отражает ситуацию во всей стране). Пробуждение национального самосознания латышей и их справедливые требования национального суверенитета воспринимаются русскими в Латвии (и, что гораздо хуже, многими в самой России) как какое-то ущемление их национальных интересов. Они видят в естественном и оправданном латышском национализме труднообъяснимое «попрание прав русской нации», и в результате такого отношения к здоровому в целом (хотя и не без болезненных отклонений) процессу, происходящему в республике, у русских появляется агрессивное противостояние всему, что хоть как-то связано с самоутверждением латышской нации на своей земле и в своей родной культуре. И, как это ни парадоксально, средством для излечения от агрессивности может быть именно рост русского самосознания — духовный процесс, не поддающийся соблазнам и провокациям. Это возродит веру в творческие силы своего народа — без помочей, навязанных государством, поможет нам заново выработать утерянное чувство собственного духовного достоинства и снять неоправданный страх.

Честь России и совесть русского народа обязывают нас не мешать латышскому народу самому и только самому устраивать судьбу своей земли. Наш народ — гость на этой земле, и наше вмешательство должно быть ограничено только помощью (в том случае, конечно, если латыши согласны ее принять). Мы не имеем никакого морального права навязывать что бы то ни было.

Необходимо сказать и о трудностях, мешающих утверждению такого здорового духовного национализма. Главная из них заключается в том, что само понятие «национализм» скомпрометировано — и прежде всего болезненным и слепым прославлением не духовного, а природного, инстинктивного, национализма — того, который Вл. Соловьев назвал в свое время «зоологическим патриотизмом» и который с особой выразительностью пропагандируется обществом «Память».

Первым шагом национального возрождения должно быть, несомненно, искреннее и глубокое национальное покаяние, единственно способное привести к очищению и духовному росту. Сегодня часто раздаются голоса, утверждающие, что русский народ сам не меньше, если даже не больше других оказался жертвой. Но ведь каждый из нас, как русский, должен чувствовать на себе вину. Во-первых, за то, что **мы позволили** всего за 70 лет практически развалить великую нацию и безропотно взирали на разрушение нашего культурного наследства, что не смогли противостоять напору политики денационализации. А во-вторых, за то, что мы в духовном ослеплении поддались искушению оголтелого шовинизма, проповедовавшегося Сталиным и его подручными.

Волею судеб мы оказались жителями Латвии, нередко коренными жителями. Это в равной степени и наше преимущество, и наша боль. Преимущество состоит в том, что русские в Латвии и русские в России могут видеть состояние своей нации с разных сторон. Для русского в России более очевиден процесс угнетения и распыления русского национального самосознания со стороны государственной идеологии. А для русских в Латвии (или в другой республике) более очевиден — при честном взгляде, конечно,— процесс подавления других наций со стороны русских, которые, к своей беде, снова стали орудием в руках государства. И в этой ситуации наша прямая обязанность — способствовать совмещению этих двух взглядов, двух сторон.

Но есть в нашем положении и свои трудности. Главная из них состоит в том, что в отличие от русских в России, которые ощущают реальное давление с одной стороны — со стороны государства, мы чувствуем на себе двустороннее давление. На нас не меньше, чем на наших соотечественников в России, давит государственная машина, но, с другой стороны, мы ощущаем еще и недоброжелательное отношение к себе со стороны коренной нации, латышей. которые в данном случае повторяют нашу ошибку и отождествляют Россию с Советским Союзом. Но и в этом положении мы должны сохранить спокойствие и трезвость мысли и не поддаваться соблазну снова связать себя с государственной машиной. Нас может спасти только национальное духовное достоинство, которое не позволит опуститься до озлобленности, и трезвость мысли, которая даст понимание неизбежности временных болезненных уклонов при столь мощном взрыве нравственно оправданного национального самоутверждения, которое переживает сейчас латышский народ.

Вот что, пожалуй, самое главное: только тогда мы, русские, сможем деятельно участвовать в государственной и культурной жизни Латвии, когда осознаем себя таковыми.

Рига

«Увядание человечности производно от отбора на безоговорочную исполнительность, неотъемлемую от «систвмы», отныне составляющей собственность Хозяина и осознающей себя таковой»,— писал М. Гефтер о тридцатых годах в 1971 году.

Почти в то жв самое время (конец шестидесятых годов) Людмила Петрушевская начала писать рассказы, герои и героини которых неосознанно и тем более беспрограммно стремились проломить смоделированность текущей жизни. Эти «партизанские» вылазки неувядшей человечности, жаждущей возрождения и распространения, породили сюжеты ее рассказов, которые коротки так же, как стремительны, мгновенны, быстротечны сами эти вылазки и набеги.

Фраза у Петрушевской часто развертывается виражами, захватывая строку за строкой, за слоем слой, втягивая в себя ненароком новые судьбы и новые голоса, друг друга уточняющие и вытесняющие. Лишь во взаимодействии они обнаруживают бессчетность своих интонаций и модуляций. Фраза ее, как роковая воронка, втягивет в себя говоры современной речи, и эти говоры, независимо от того, откуда они взялись — из каких временных и культурных слоев,— самоценны перед талантом рассказчицы. Каждый голос мало того, что суверенен, но и необычайно существен. Остается лишь удивляться, как голос рассказчицы, предоставляющей слово любому и всякому, сохраняет свою самостоятельность и свою власть, не давая всем разбежаться, распылиться. Видимо, оттого, что голос автора — это голос живого, крайне чуткого собеседника, у которого нет другого интереса, как выслушать и услышать тебя.

Однако успех пришел к Петрушевской, когда она стала драматургом, когда ее герои, как бы покинув лоно авторского голоса, заговорили сами. И зритель узнал в них своих ровесников, современников, собеседников, единомышленников. При аншлагах ее пьесы идут в лучших московских театрах: во МХАТе и «Современнике», в «Лвнинском комсомоле» и на Таганке, они ставятся в США и Швеции, в ФРГ и Финляндии.

В 1984 году на плебисците кинокритиков в Лос-Анджелесе фильм «Сказка сказок» удостоился звания «Лучший мультфильм всех времен и народов». Фильм был снят режиссером Юрием Норштейном, а сценарий фильма — совместно с Ю. Норштейном — написан Л. Петрушевской.

Это третье русло в ее творчестве. Еще она пишет стихи. Но рассказы и пьесы занимают главное место. Однако лишь полтора года тому назад вышла первая книга ее прозы — книжку не достать.

Драматургия открыла читателю ев прозу. Проза позволяет театру понять ее драматургию как совокупность голосов, как хор, как подвижное, перемещающееся, несущееся множество.

Инна **БОРИСОВА**

ПЛАТЬЕ

Наконец настает момент, и эта несчастная женщина, эта Алевтина, надевает свое знаменитое платье с отстегивающейся манишкой и идет туда, куда ее пригласили или куда она сама запланировала пойти. На ней это самое платье, темно-вишневое, затканное сверкающими черными кружевами, и с этой нашлепкой на груди, нашлепкой в форме банта, которую она в определенный момент, словно ей стало жарко, вдруг как бы в забытьи отстегивает, не глядя, и куда-то ее девает, возможно, в сумочку. Однако делает это она настолько же привычно и машинально, насколько машинально люди вообще расстегивают ворот, когда им становится жарко. Так и она расстегивает вполне невинно, отстегивает эту свою манишку в форме банта, чтобы в один прекрасный момент, в тот момент, когда всем действительно становится жарко и весело, чтобы все вдруг заметили ослепительное декольте Алевтины, которое она прежде скрывала под манишкой, имеющей форму огромного, невероятно растянутого банта, из-за своей громадности уже кажущегося не бантом, а просто каким-то странным сплетением лучеобразных складок. Все это многообразие складок Алевтина и бывает вынуждена носить до того момента, когда возникает возможность трансформировать платье, освободившись от этой груды складок, от этого наивного портновского сооружения, долженствующего прикрывать до поры до времени ослепительно сверкающее, простое и очень открытое платье.

Когда происходит эта трансформация, Алевтина уже обычно не знает удержу и действует все по одной и той же схеме, которая увенчивается осо-

бым хитроумным битьем бокалов, совершаемым как бы в рассеянности просто расслаблением пальцев. Этот коронный номер своей программы Алевтина выполняет не всегда, словно сообразуясь с обстоятельствами и выбирая наиболее благоприятный момент, когда все танцуют и на столе беспорядок. Тут-то она, оставшись одна, и производит свое знаменитое действие с бокалом, отпускает его, и он грохается об пол среди всеобщего шума и веселья.

Но иногда до этого дело не доходит, Алевтина ведет себя так же, как и остальные,— так было, к примеру, на том скандальном банкете в маленьком зальце ресторана, куда она явилась совершенно одна и где ей должно было быть скучно, так как она знала из всего собрания едва двоих-троих. Несмотря на это, она в положенный момент, сидя в одиночестве за столиком, откуда все разошлись танцевать, отстегнула с полным сознанием того, что делает, свой чудовищный бант и некоторое время сидела так, полуобернувшись к танцующим: возможно, она просто не представляла себе, что ей еще можно с собой сделать, поскольку она вдруг поднялась и пошла с бокалом в руке и сумочкой в другой руке. Ее видели потом среди танцующих, где она бог знает что выделывала ногами, все еще со своей сумочкой и бокалом. Потом она вдруг пристала к своей старой приятельнице с просьбой познакомить ее с молоденьким мальчиком, и знакомство состоялось, и через минуту они вдвоем уже бешено плясали в общей сутолоке. Молоденький мальчик весь выложился в этом танце, он обливался потом, когда они после всего пили у столика. Однако глупая Алевтина нарушила очарование этого момента и повела себя, как загулявшая кинозвезда, как Клеопатра, которой подвластно мироздание и желания которой исполняются тут же. Алевтина буквально с места в карьер заговорила с этим молодым человеком в форме приказа, что уже одно могло вызвать резкое сопротивление. Однако Алевтина заговорила именно тоном приказа, как еще могут говорить избалованные красавицы, пресыщенные всеобщим поклонением и выбирающие себе развлечения поострее. Алевтина осведомилась, как зовут молодого человека, словно забыв, что их уже знакомили, и сказала этому Коле, который стоял перед ней запыхавшийся, с мокрым воротником,— она сказала буквально следующее: «Коля — мальчик — хочу». Она сказала это, впрочем, не ему, а как бы в пространство, что, кстати, ничего не меняло. Коля встрепенулся, и тут Алевтина обратилась непосредственно к нему с предложением поехать к ней домой. Коля гневно ответил, что у него есть, слава богу, жена Татьяна, и он ее, слава богу, еще любит. Алевтина же в ответ на это выплеснула ему в лицо свое красное вино, и Коля остался стоять мокрым у столика, в то время как бравая Алевтина уже скакала в толпе танцующих, неизвестно к кому примкнув в этой сутолоке.

Однако через минуту Алевтина уже рыдала в фойе, ища телефон-автомат, и сумочка была при ней, и Алевтина все дозванивалась, дозванивалась до кого-то безрезультатно, а затем пристегнула свою манишку, накинула пальто и канула в темную ночь.

СВЕТЛАНА

Прежде всего пришла Светлана со всем семейством, с вернувшимся из длительной экспедиции мужем и дочерью, причем муж сразу же завалился спать в другой комнате, так что Светлана снова оказалась как бы одна, как много лет подряд. Светлана была агрессивно настроена и сразу стала обращать внимание хозяев дома на то, как ее Таня похожа на отца, что у нее рост, фигура, ресницы и подбородок совсем как у Петра и так далее. Такое поведение совершенно не соответствовало тому, как Светлана вела себя все эти годы, скорее можно было тогда заподозрить ее в том, что она излишне явно делает вид, что все прекрасно, что у нее Татьяна ни в коем случае не останется без отца, что в Таллинне один человек зовет к себе насовсем, что вокруг много друзей, что они постоянно толкутся в доме, что девчонки готовы для нее на все и нет такой вещи, которой бы они для нее не сделали. В то же время Петр в краткие перерывы между экспедициями мог ходить в гости то с одной, то с другой не известной никому девушкой, непонятно где подобранной, а в последний год вообще появлялся везде только с девушкой по имени Настя, совсем молоденькой учительницей пения.

Однако тогда Светлана высоко держала марку и никто никогда не слыхал от нее ни слова жалобы, наоборот, только одни проекты будущей жизни, в особенности тогда, когда они приходили в гости втроем вместе с Настей и Светлана вела себя как ни в чем не бывало, как будто ничего вокруг нее не происходило, и болтала о том, что летом возьмет отпуск, потом отпуск за свой счет, потом устроит себе еще на месяц бюллетень и таким образом проведет все три месяца в Таллинне, вдали от забот.

Тем временем подошла и завершилась последняя в этом году экспедиция Петра, настала осень, и Петр замолчал о Насте и пришел в гости только со своей семьей, и хоть и завалился спать, однако все указывало на то, что мир в этой семье каким-то образом воцарился, и уж теперь тем более ничто не могло оправдать поведения Светланы, когда она с такой яростью начала всем своим поведением требовать к себе милосердия и в этом зашла так далеко, как далеко вообще можно в таком деле зайти.

К примеру, она разыскала и поставила для своей дочери пластинку «Лебединое озеро» и начала комментировать музыку, рассказывая своей дочери содержание, что уже само по себе было делом достаточно странным, если учесть, что такая же пластинка была у них дома, и уж наверняка Светлана могла успеть все это проделать дома, не говоря уже о том, что она такое плела, склонив свою дочь над проигрывателем. «Вот слышишь,— говорила она,— вот здесь он ее предал, забыл, изменил ей. Ты слышишь, она погибает, ведь ты знаешь, что самое плохое — это изменять своим друзьям».

Девочка слушала заинтересованно, хотя выглядела в этот вечер особенно инертной и малоподвижной. Светлана пыталась вдолбить, втесать своей дочери в голову какие-то основы прямо сейчас, при всех, вся сгорая от нетерпения, и тем самым открытым текстом передавала всем находившимся в данный момент в комнате все, что думала и переживала, а к этому времени пришли еще гости, а именно Олег со своей новой женой, которая только что вышла из больницы после выкидыша, родив пятимесячного ребенка, которого не удалось спасти, но Светлана этого не знала и все продолжала трактовать о любви и об измене.

Покончив с проповедью на тему «Лебединого озера», Светлана села наблюдать эту пару к столу, но долго не продержалась в молчании и снова завела свою старую песню об огромном количестве подруг, которые сделают все для нее, что только возможно, в любой момент жизни.

В это время пришел хозяин дома, бегавший в магазин за водкой, и все оживились, что так хорошо все получается, потому что все собрались непреднамеренно, ни к чему не готовились, а тут позвонил пьяный Петр и сказал, что придет с семьей, а потом приехал Олег со своей женой — все очень старые друзья, не видевшие друг друга по крайней мере полгода, а уж Светлану с ее ребенком вообще видели в этом доме чуть ли не год назад, когда она и изложила свои планы насчет Таллинна.

Таким образом, все произошло непреднамеренно, но это было и плохо, как выяснилось впоследствии, потому что никто не хотел бы пережить все то, что произошло вскоре, в первом часу ночи, хотя это все можно было предсказать, учитывая состояние Светланы, которая, без сомнения, должна была быть взбудоражена всеми событиями последних лет, в частности и тем обстоятельством, о котором стало известно совсем недавно, когда в экспедицию Петра пришлось забрасывать на вертолете хирурга, поскольку у одной из девушек оказалась внематочная беременность и виновником всего этого безобразия и чуть ли не смерти этой пострадавшей был именно Петр. И все было бы еще ничего, если бы Петр по возвращении в пьяном виде не проговаривался несколько раз о своем грехе, и в последний раз это произошло непосредственно перед тем, как Петр отправился спать в соседнюю комнату, поскольку один из первых вопросов к нему был, разумеется, вопрос о том, надолго ли он прибыл, и Петр ответил, что теперь надолго, если не навсегда, поскольку его теперь не пустят, по крайней мере теперь, в экспедицию, потому что у них там у одной девушки произошла внематочная беременность и он за это отвечает. Затем он отправился спать, и дальнейшие события развивались без его участия.

Олег появился, как известно, позже, однако он, как будто что-то угадав, сразу стал держать себя со Светланой достаточно безапелляционно, чтобы в какой-то степени отрезвить ее, поставить все на свои места. В самый кульминационный момент Олег, как врач, мог бы начать бить ее по щекам, чтобы хоть таким образом вернуть к действительности потерявшую всякое представление о месте и времени Светлану, которой еще предстояло везти через весь город домой свое дитя. Однако Олег обошелся несколькими словами, сумев вернуть к сознанию Светлану, и весь инцидент занял каких-то три минуты, и дочь Светланы ничего не успела понять, да она и не пыталась ничего понять, а тихо сидела в углу на скамеечке, катая взад и вперед подшипник. Впрочем, никто и подумать не успел в такой момент о дочери Светланы, тем более что именно Светлана завела весь этот разговор о предстоящем дне рождения сына Олега. «Олег,— сказала Светлана, вся пламенея,— ты знаешь, что скоро у твоего Сергея день рождения? Ты не забыл?»

Жена Олега помертвела при этих словах, но сам Олег оказался на высоте положения. Он ответил, что все помнит, но спасибо за напоминание. «Что ты собираешься делать? — спрашивала дальше Светлана.— Ты пойдешь к нему в этот день?»

«Если ты проявляешь столько заботы,— ответил на это Олег,— можешь пойти сама туда вместо меня и передать мои наилучшие поздравления».— «Как ты можешь? — закричала Светлана,— это же твой ребенок! Будут ли у тебя еще, но это твой ребенок!»

«По-моему,— сказал Олег,— каждому следует заниматься своими делами и не лезть в чужие. В частности, ты хотела ехать домой. Не сделать ли тебе это сейчас?»

В это время шел первый час ночи, но Светлана еще не сразу уехала, а вертелась у стола, курила и пила, опять расточала похвалы своей дочери и собралась уезжать только в двадцать минут первого.

Но и это был не конец, потому что, уже одевшись, она отозвала хозяйку дома, чтобы попрощаться с ней, как обычно, но хозяйка дома, движимая благородным негодованием, сказала ей, что она змея, что девка ее вырастет и все раскусит, что было на самом деле.

В таком духе прошло это прощание, и Светлану пошел провожать хозяин дома, который долго отсутствовал, а по возвращении сообщил, что Светлана два раза отказалась от уже подъехавших такси и в конце концов с трудом удалось посадить ее с девочкой в автобус, хотя на этом автобусе надо было ехать с пересадкой, и все это уже почти ночью.

После всего случившегося Олег с женой еще долго не уходили, держась так, как будто ничего не произошло, пока в третьем часу ночи не раздался звонок. «Это я,— сказала Светлана,— мы доехали и ложимся спать». На этом она бросила трубку, и Олег с женой уехали в неплохом настроении, и можно было считать, что все обошлось, если не тот факт, что Петр внезапно проснулся и снова надо было садиться за стол и провести за ним еще три часа, теперь уже с Петром, который почти ничего не говорил, а только щедро разливал пиво и водку, сохранившиеся в неприкосновенности в его портфеле.

СВОБОДА

Теперь дошла очередь и до нашей Норы, пора рассказать, как она любила и страдала в начале своей жизни, хотя многие могут возразить, что тема мелка и взгляд именно со стороны любви на жизнь человека является однобоким; однако взглянем все-таки на жизнь Норы именно с этой стороны, хотя все другие стороны ее жизни тоже могут навести на различные размышления: в частности, взаимоотношения Норы с матерью могут представить интерес для исследователя — все эти психологические особенности сосуществования в одной комнатушке юной девицы, только начинающей жизнь, и зрелой матроны, напрасно пытающейся извлечь для себя из общения с дочерью хоть толику тепла и любви и ожесточающейся все больше и больше при поздних возвращениях юной девицы домой, при ее утренних опозданиях в институт на лекции, при каждом взгляде на это беспорядочное, бессистемное и глупое времяпрепровождение в виде долгого лежания на диване или в виде бесконечных разговоров по телефону, в особенности этих срывов и скачков с дивана при каждом звонке телефона.

Это может представить интерес для исследователя, который будет распределять этапы во взаимоотношениях матери и дочери от первого отдаления до попытки перегородить комнатушку шкафом, до страшных воплей типа «Прости, господи!» — в случае, если дочь пришла в плаще, измазанном на спине какой-то краской. «Обжималась!» — кричала мать, совершенно утратив в этот момент те небогатые культурные наслоения, которые в других обстоятельствах прикрывали ее мятежную, легко доходящую до самых последних крайностей натуру.

В результате одного из таких нервных потрясений Нора ушла из дому и удалилась на водокачку, где работал ночным сторожем некто Рустам, студент, выгнанный из института за кражу книги с выставки зарубежных изданий по искусству.

Рустам отлично жил в своей комнате при водокачке и не казался обрадованным при виде блед-

ной, как бы зачумленной, Норы, которая внезапно очутилась перед ним сидящей на полу.

Впрочем, это уже идет рассказ о великой и первой любви Норы,— незаметно для себя мы сошли с пути, на который нас наталкивало общественное мнение, требующее всего богатства жизни, а не только лишь одних амурных переживаний. Итак, мы переходим к изложению тех однобоких в какой-то мере впечатлений, которые получала Нора в каморке у ночного сторожа Рустама,— и тем самым мы откажемся от изложения всех фактов жизни Норы,— да их было и не так много, этих фактов, сюда можно включить слушание лекций в институте, хождение в читальню и редкие визиты в родной дом, всегда в отсутствие матери — за бельем, на первый раз, за книгами и однажды за зимними вещами, так как, пока Нора жила у Рустама, прошла осень и наступила зима.

И здесь начинается история долгих страданий Норы, словно бы страданий воробья, живущего в одной клетке со львом и не имеющего никаких надежд на контакты с царем зверей.

Рустам вовсе не выглядел царем, это был тщедушный субъект полурусских, полуазиатских кровей, с раскосыми глазами и редкой щетиной на скулах и в некоторых местах подбородка. Рустам ничего не требовал от жизни, он спал или читал, исправно меняя книги в городской библиотеке, а на ночь уходил на дежурство,— только Нора его и видела. Не то чтобы он не притрагивался к пище, приготовленной руками Норы,— нет, он как-то очень легко отучил ее что-либо готовить, и она осталась с пустыми руками, не смея ничего предлагать со своей стороны, когда Рустам садился за стол и ел с ножа брынзу или колбасу. Он не приглашал ее принять участие в трапезе, как не пригласил бы никогда лев своего воробья,— воробей сам клевал что придется и засыпал затем неверным сном, положив голову на еще теплую подушку.

Нора вместе с тем никоим образом не сдавала своих позиций и, что называется, оживляла милым щебетанием бедную хижину сторожа, как бывало когда-то, когда еще сам Рустам приводил ее к себе. Как и тогда, Нора лепетала о своих планах на жизнь, о смысле существования и о характере своей матери и вообще женщин в их роду. Рустам, которому для полного величия не хватало только трубки и молчаливого попыхивания, курил в эти тихие семейные вечера папиросы, время от времени отплевываясь от табачных крошек. Горел огонь в печке, закипал чайник, и чего еще надо было бедному сердцу Норы! Однако даже эти драгоценные моменты были отравлены вечным страхом Норы перед ее властелином. Все дело портила та страшная несвобода и скованность, которая сопровождала малейшие движения Норы, как физические, так и душевные. Говоря о чем-либо, Нора словно оправдывалась, выражение ее голоса казалось неестественным ей самой, но не говорить несчастная Нора не могла, слова так и слетали с ее языка, она даже дрожала от возбуждения и бывала опьянена течением своей речи. Странные это были монологи в тишине, под треск печки и под легкие, еле слышные плевки Рустама, лежащего поверх одеяла в своих вечных бумажных брюках и серой рубашке, расстегнутой у ворота. Нора ходила по комнатке, сама дымила, как паровоз, и излагала все, что приходило ей в голову, излагала со страстью, но и со странным ощущением несвободы, как будто кто тянул ее за язык, а не она сама несла всю ту страшную чушь, которая звучала над лежащим со своей книжкой Рустамом.

Вместе с тем великая любовь распирала сердце Норы, она готова была не ходить на лекции, чтобы только видеть, как укладывается спать тихий, одинокий Рустам, как он снимает с себя рубашку и брюки и аккуратно вешает их на спинку кровати и как тихо и сосредоточенно ложится под одеяло зимним утром, и лампочка озаряет его белое с желтизной лицо и его белейшие руки, сложенные крестом на груди. Но что-то ей мешало остаться и кинуться Рустаму на грудь, и Нора, суетясь, собиралась и покидала своего избранника, чтобы идти на лекции и сидеть там с совершенно пустой головой, ничем определенным не занятой, а занятой только одним безумным желанием — вернуться домой и прижаться к Рустаму.

Добро бы Рустам, кстати, что-либо из себя представлял, был бы каким-нибудь непризнанным гением или светилом разума,— нет. Он и читал-то все больше детективы или мемуары и совсем не готовился на будущий год вернуться в лоно института и продолжить там занятия. Похоже было, что его устраивает это существование в каморке при водокачке, и Нора могла также предполагать, что его устраивает и то, что она с ним живет, и неоднократно пыталась исчезнуть на несколько дней, чтобы раз и навсегда выяснить, занимает ли она какое-нибудь место в жизни Рустама, но все благие намерения Норы разлетались в пух и в прах, она не могла оторваться от него и каждый вечер бежала домой к Рустаму, садилась перед уже горящей печкой и смотрела на огонь. А Рустам в наступившей темноте лежал на койке, одетый, поверх одеяла и курил, тихо отплевываясь.

В один из таких вечеров Нора не выдержала и кинулась к Рустаму на грудь, и он спокойно принял это событие и не отстранился, не сплоховал в предложенной ему ситуации, а Нора, со своей стороны, плакала и свободно целовала его лицо, но, несмотря на такое событие, Рустам вовремя сел за стол и поужинал, а затем отправился на дежурство. Нора ничего не могла понять, мучилась и страдала всю ночь и, наконец, перебрав в памяти всю историю их взаимоотношений, пришла к выводу, что вся ее жизнь с Рустамом — дело ее собственных рук, поскольку никогда он ни разу и пальцем не шевельнул и не выразил никаких мнений по поводу того, что с ним происходит. Нора решила, что Рустам мертв, что его душа мертва, раз он так подчиняется всем обстоятельствам, и решила теперь всюду вести его за собой.

Впрочем, все это, вся эта безумная жалость к Рустаму — это, видимо, было плодом бессонной, проведенной в мучительных размышлениях ночи, потому что утром Рустам явился как ни в чем не бывало, и Нора снова поняла, что этот орешек ей не разгрызть и эту вечную загадку не разгадать и что, вернее всего Рустам потому так мертв, что его душу не освещает никакая любовь, в том числе ему совершенно все равно, кто к нему пришел и кто с ним живет. Короче говоря, Нора поняла, что Рустам ее не любит и не питает к ней ни малейших чувств, ибо, если бы он ее любил, он вел бы себя точно так же, как вела себя она, то есть мучился бы, бегал встречать ее к институту и заботился бы об ее одежде.

Подумав так, Нора ушла на лекции и там в конце концов решила более не отягощать Рустама своим присутствием, а тихо и бесследно исчезнуть, тем самым перейдя из вечно униженного состояния в состояние гораздо более высокое, в состояние женщины, освободившейся и свободной по собственной воле.

Однако и тут не обошлось без душещипательной сцены, поскольку просто так Нора исчезнуть не могла, она долго и горестно собирала свои вещи на виду у ничего не подозревавшего Рустама, а затем дрогнувшим голосом стала прощаться с ним и в заключение, совсем уже одетая, бросилась с рыданиями целовать Рустама, и все дело кончилось обыденным эпилогом, тем, что в конце концов Рустам стал собираться на дежурство, а Нора, сонно жмурясь, глядела на него с кровати, совершенно опустошенная, как будто бы на сей раз из нее вынули душу вместе со всеми надеждами и желаниями жить свободно. Нора на этот раз не страдала бессонницей, а быстро заснула, и утром встала совсем уже другим человеком, полностью бесприютным, цепляющимся только за нынешний способ существования и не имеющим никаких других надежд в своей жизни, кроме надежды на продолжение все тех же обстоятельств.

Этот переворот, освобождение от иллюзий и начало жизни без надежд, суровой и питающейся только одним днем, совпало с концом зимней сессии. Недаром Нора перед тем плакала и прощалась,— она никак не могла решить, оставит ли ее Рустам у себя на каникулы, на те дни, когда они будут вынуждены проводить друг с другом не вечер и утро, а целые дни с вычетом ночей. До сих пор все складывалось удобно, и до сих пор Нора не отягощала жизни Рустама; а вот теперь предстояло, как думала Нора, либо уйти, если Рустам не задержит, либо остаться, если Рустам задержит и скажет остаться.

Как мы помним, Рустам ничего похожего не сказал и в ответ на прямой вопрос Норы промолчал, и Нора, таким образом, осталась по собственной воле. И дальше все, что бы она ни предпринимала, она предпринимала сама, ожесточившись, посуровев, пренебрегая соображениями «любит — не любит» и вообще не думая о том, как к ее поведению отнесется Рустам. И Рустам, словно почувствовав это изменение в Норе, также самым пошлым образом переменился. Если раньше он хранил гордое молчание и это молчание гарантировало ему покой, если раньше он просто не замечал, допустим, стоявшего на столе супа и спокойно обирал с ножа крошки своей брынзы, то теперь Рустам стал взрываться и кричать тонким голосом, что знать не желает эту бурду и эту чистку картошки, это захламленное черт-те чем помещение и склады, и запасы. Рустам словно почувствовал, что над ним осуществляется некое насилие, и его спокойному существованию приходит конец, что Нору теперь ничем не удержать, раз она как ни в чем не бывало начала готовить обеды.

Действительно, Нора словно с цепи сорвалась в каком-то смысле. Ее не удерживали Рустамовы вопли относительно обедов, она готовила, наливала суп в тарелки (она принесла из дому тарелки) и ела свою порцию без всякой оглядки на то, что аскету Рустаму, который лежит без сна за ее спиной и готовится вкусить сухой брынзы, неприятно слушать эти хлебки и глотки. При всем том можно было только удивиться, как быстро Рустам, спустя всего несколько дней, начал в отсутствие Норы заглядывать в кастрюли; правда, это Нору нисколько не радовало и не трогало, она не рассматривала это обстоятельство как свою победу. Мало того, она понемногу стала опускаться с небес на землю, увидев на пятый день, что Рустам сам вечером греет себе суп (зеленые щи с яйцом) и второе (бефстроганов с жареной картошкой) и ест совершенно как ни в чем не бывало, как в доме у родной матери, которой ничем не обязаны за обед.

Нора спустя некоторое время стала думать, что в их прежнем чинном и церемонном сосуществовании содержался какой-то прекрасный смысл и жизнь была полна трепета, и волнения, и безмерного уважения, и даже преклонения; теперь же, в эпоху обедов, высокие материи исчезли сами собой. Все сошло на рельсы удовлетворения сугубо физических потребностей, хотя и здесь, на этом низком и низменном уровне, бывали свои моменты радостей, бывало и ощущение, что нет никого роднее и ближе Рустама, и в эти моменты Нора благодарно целовала руки Рустама. Однако все это было уже не то прежнее безумство и не прежнее счастье.

Однако жизнь устроена так, что даже такое счастье потом может представиться в роли последнего светлого предела, потому что одно состояние не может длиться вечно, оно неизбежно порождает следующее состояние, которое опровергает предыдущее.

Не успела Нора утвердиться в роли сожительницы Рустама, не успела в их каморке наладиться бытовая, приземленная жизнь, как Рустам в полном смысле этого слова забил крыльями. Видимо, это было вызвано тем, что его прежнее существование аскета, анахорета и читателя детективов оказалось разрушенным, и он почувствовал стесненность, желание вырваться и воспарить. Неожиданно для Норы Рустам стал вдруг проявлять кипучую жизненную энергию и несколько дней не спал вовсе, ночью дежурил, а днем изчезал из хибарки. В один из таких дней Нора столкнулась с Рустамом в институте и от растерянности не знала, что сказать, и так ничего и не успела вымолвить вслед промелькнувшему Рустаму; Рустам шел с деканом.

Итак, все говорило о том, что Рустам принялся по-новому устраивать свою жизнь, и там, на этом новом этапе своей жизни, он мог полностью перестать сталкиваться с Норой и мог даже самым простым образом избегать ее (вспомним, что каморка при водокачке была прекрасной приманкой для нашествия извне, и таким же прекрасным местом никак не могла быть койка в студенческом общежитии, ведь не стала бы Нора приходить к нему с обедом и ночевать в общую, густонаселенную комнату общежития!).

И закономерным следствием хлопот Рустама было то, что вскоре он исчез из своей хибарки при водокачке, и Нора, придя вечером в их совместное жилье, застала там женщину в ватнике и двух девочек, и они все обернулись на звук открываемой двери и все разом посмотрели на Нору.

Был весенний холодный вечер, когда Нора шла по хрустящим лужицам домой с чемоданом и узлом.

Нора пришла домой, села на диван и долго глядела в окно, в то время как в комнате постепенно темнело. Пришла мать и зажгла свет, и Нора вновь обрела свои двадцать лет и свое положение дочери, над которой стоит, раскинувши крылья, родная мать.

Александр ОВЧАРЕНКО *

ДОЧЬ ТОЛСТОГО

В 1977 году, находясь в США, я всех и всюду спрашивал: как намерены здесь отметить приближающееся 150-летие Льва Николаевича Толстого? Чаще всего отвечали: «Может быть, напишу статью» или «Прочту лекцию». Меня не очень удовлетворяли такие ответы. Л. Толстой заслуживал, на мой взгляд, чего-то более необыкновенного и грандиозного.

Когда до отъезда оставалось немного дней, IREX (Айрекс — организация по международному исследованию и обмену), благодаря приглашению которой я и находился в США, после недельных переговоров сообщила мне о возможности встречи с младшей дочерью великого писателя — Александрой Львовной Толстой.

Забегая вперед, скажу, что встреча состоялась 14 июня 1977 года. Но сначала о самой Александре Львовне.

Родилась она в Ясной Поляне 18 июня 1884 года. В последние пятнадцать лет жизни Льва Николаевича пользовалась особым, почти исключительным доверием отца. Была его секретарем. Ей он сообщил о задуманном уходе из Ясной Поляны. Вместе с Д. П. Маковицким находилась у постели умирающего отца на станции Астапово. Именно Александре Львовне в завещании от 22 июля 1910 года передавал Л. Н. Толстой все права на свое литературное наследство, передавал «не ради утверждения за кем бы то ни было собственности на его писания, а, наоборот, для того, чтобы предупредить возможность обращения их после его смерти в чью-либо частную собственность».

В соответствии с этим завещанием Александра Львовна вместе с В. Г. Чертковым издала три тома «Посмертных художественных произведений Льва Николаевича Толстого», приобретя на вырученные деньги 1000 гектаров земли вокруг Ясной Поляны и раздав их окрестным крестьянам.

Во время первой мировой войны была на фронте сестрой милосердия, возглавляла санитарный отряд.

Вернувшись с фронта, жила в Москве. С матерью не ладила, обвинив ту в несправедливом отношении к отцу. Эта неприязнь отразилась в книге «Трагедия Толстого», за которую ее осудил М. Горький.

Незадолго до кончины Софьи Андреевны произошло примирение: «Мать умерла у меня на руках. Я сказала: «Мама, я знала, ты была больна». Она ответила: «Я знаю, что мучила твоего отца, простишь ли ты мне когда-нибудь?» — и мы поцеловались и примирились перед смертью... И я была так счастлива».

В 1918 году вокруг Александры Львовны образовался кружок ученых, занявшихся разбором рукописей Л. Н. Толстого. В этом кружке родилась идея полного собрания сочинений великого писателя в 92 томах. Она была поддержана В. И. Лениным, считавшим необходимым издать написанное Л. Толстым «все, до последней строчки». В результате собрание сочинений осуществилось в 91 томе.

Возможно, прикрываясь интересом к творчеству Л. Толстого, к дочери писателя все чаще стали наведываться видные эсеры, меньшевики. В марте 1920 года органы ВЧК арестовали всех присутствовавших на одном из заседаний кружка, включая и хозяйку, и отправили их в Бутырку. Осужденная, кажется, на три года, она в 1921 году по ходатайству А. В. Луначарского и А. М. Коллонтай была выпущена из тюрьмы и назначена хранительницей музея-усадьбы «Ясная Поляна», оставаясь на этой должности до 1929 года. Активно участвовала в создании здесь школы, больницы, детского сада.

В 1929 году при поддержке А. В. Луначарского получила разрешение на поездку в Японию для чтения лекций. Под предлогом того, что большевики насаждают в России «безбожие», отказалась вернуться домой и в 1930 году уехала в США. Она искала работу в Сан-Франциско, в Чикаго, пыталась работать на фермах Пенсильвании и Коннектикута, бедствовала, пока ей — за символическую цену в один доллар (при действительной стоимости в миллион долларов) — не продала свою ферму жена мультимиллионера Эдварда Харкнесса.

Эта ферма находится в округе Роклэнд под Нью-Йорком. Александра Львовна разводила кур, выращивала томаты. Предпринимательская деятельность не удерживала ее от враждебных по отношению к СССР выступлений, свидетельством чему книга «Я работала для Советов» (другое название — «Проблески во тьме», 1934).

В 1939 году Александра Львовна возглавила созданный Т. Шауфус, К. Голицыным и другими фонд Толстого — учреждение по статусу благотворительное и гуманитарное, но и политическое. Фонд имел отделения в Европе и на Востоке, выпускал специальный бюллетень («Толстой Фаундейшн ньюс»), издавал сочинения великого писателя. Однако главной целью фонда было оказание помощи эмигрантам из социалистических стран, за что «Литературная газета» (18 августа 1948 г.) назвала его «змеиным гнездом».

В 1953 году издательство имени А. П. Чехова в Нью-Йорке выпустило двухтомник Александры Львовны «Отец», написанный по личным впечатлениям и проникнутый любовью «к этому необыкновенному, милому, чуткому, веселому и привлекательному, великому в простоте своей человеку...». Без чопорности официальных исследователей, с живым чувством, с пониманием духа времени, точно воспроизводя множество деталей, запомнившихся с детства, без пренебрежения к свидетельствам других, более старших современников — родственников и знакомых — дочь повествует о своем отце: о его происхождении и предках, о родителях, его воспитании, жизни в деревне и на Кавказе, в Севастополе, о первых его произведениях, женитьбе, творчестве и т. д.

Одним словом, весь огромный мир Л. Толстого, о котором мы многое уже знаем. И все же книга «Отец», написанная Александрой Львовной, заставляет нас трепетать, ибо она создана родным и духовно близким ему человеком.

Согласитесь, что визит к дочери Л. Толстого меня, повидавшего немало знаменитых людей, не мог не взволновать. Пусть даже она была в чем-то и не права, и ее имя использовалось против разрядки в наших отношениях с Западом. Но, наверное, и ее обидели, и эта обида мучила ее. Она была любимой дочерью Л. Толстого, его доверенным лицом — разве можно забыть об этом?

Поэтому на запрос из Айрекса — хочу ли я встретиться с фондом Толстого — я отвечал: «С фондом — нет, с дочерью Толстого — да!» При мне в фонд позвонила представительница Айрекса Джулия, к телефону подошел один из директоров фонда князь Голицын. Он спросил: «Ваш профессор намерен иммигрировать?» Она повторила мне его вопрос. Я ответил шутливо: «Нет, но если мне удастся увезти одного из директоров фонда в Москву, буду считать свою поездку успешной». Он посмеялся и дал Джулии другой телефон: госпожи Шауфус. Та сообщила, что Александра Львовна ждет 14 июня в два часа дня, потом добавила, что ленч ровно в час, но что я должен помнить, что Александре Львовне девяносто с лишним, и гарантии, что она примет меня непременно, нет.

И вот мы едем чудным шоссе, переезжаем красивейший мост Джорджа Вашингтона, от него дорога идет вдоль Гудзона, зелень по обочинам неописуемо сочная: каштаны в свечах, акации, дубы, клены. Проехали какое-то расстояние, остановились у бензоколонки, спросили, где ферма, и вскоре уже стояли перед цепью стандартных коричневых домиков. В них жили престарелые. Зашли с другой стороны и по усыпанной серой галькой дорожке двинулись к двухэтажному старому дому. На крыльце нас уже ждал человек — выше среднего роста, лет шестидесяти. Он проворно сбежал по ступенькам и представился: «Князь Кирилл Голицын». Затем сообщил, что Александра Львовна здесь и согласна со мной беседовать, но сначала мы должны пообедать.

Князь провел нас в комнату, заставленную шкафами с книгами (я заметил, что большинство книг было на английском языке). Посредине комнаты стоял стол, сервированный на шесть персон. Но оказалось, что князя Волконского не будет, так как «он, к его великому сожалению, занят». Так, по крайней мере, сказал Голицын.

Вошла сухонькая, среднего роста, черновато-седоватая женщина вся в черном: Татиана (так ее здесь называли) Алексеевна Шауфус. Она пригласила нас за стол и очень заботилась, чтобы я не остался голоден. Здесь была вкусная и знакомая русская еда, включая баклажанную икру, перловый суп, водку, правда, «Смирновскую».

Она спрашивала:

— А в России о нашем фонде народ знает? Не знает? Но «верхи», конечно, знают... За сорок лет через наш фонд прошло семьдесят пять тысяч человек. И через этот дом — двенадцать с половиной. Сейчас здесь живут сто шестьдесят стариков, да шестьдесят человек обслуживающего персонала, двадцать сестер. Я сама работаю сестрой. Вы лично знали Екатерину Пешкову? Вместе с нею и Виновером я работала в Красном Кресте. Сидела пять с половиной лет в советских тюрьмах, но и там работала медсестрой. Потом попросила, чтобы меня отправили в Сибирь... Меня отправили. Двуколка и — шестьдесят километров в округе. Тиф. Я езжу, мужики спрашивают: «Губить нас приехала?» Потом уехала в Женеву, чтобы закончить стажировку. Вы знаете, что лучше русских медсестер в мире нет? Закончила стажировку, приехала сюда, чтобы здесь организовать медкурсы, и осталась. Почему? Меня приехала встречать Александра Львовна. Я ахнула, когда увидела ее — в разных чулках, так бедно одетую. Писала свои статьи, читала лекции, и никто из русских не поинтересовался, как живет дочь Толстого. Дело доходило до того, что ей чуть ли не предлагали быть прачкой. Я ударила в колокола. Завели ферму. А интересно, пустили бы меня в СССР? Говорите, пустили бы? Говорите, что к первой волне эмигрантов уже снисходительное отношение?

Она продолжала:

— У нас в этом доме бывали Уланова, Писецкая (князь поправил: «Плисецкая»). Им за это ничего не было? А вам не попадет? А как у вас относятся к Флоренскому? Не знаете, напечатали его книгу «Рассуждение о культе»? Ведь я ее переписывала. И была крестной одного из его трех сыновей. Один был ботаник. Один стал комсомольцем. Но, по-моему, он коммунистом не был. А Брежнев коммунист? По-моему, он тоже никогда коммунистом не был. Думаете, значит, меня могут пустить в СССР? Знаете, у меня здесь все каналы открыты. И вот Госдеп хотел бы, чтобы я, когда Брежнев откроет двери для желающих уехать, поработала советником при посольстве, чтобы отобрать тех людей, которые нам нужны. А то приезжает много мусора... Извините, я не смогу присутствовать при беседе, очень много хозяйственных дел, сейчас еду снова в Нью-Йорк.

И Татиана Алексеевна ушла, оставив меня размышлять о ее роли в жизни дочери Льва Толстого...

Александра Львовна ждала нас в саду. Она сидела в кресле, у небольшого столика, в простеньком, с голубенькими цветами платьице, в белой панамке. Показалась мне маленькой. Протянула старенькую, в желтых «конопатинках» руку. Я пожал ее, потом поцеловал. Князь поставил мне легкое плетеное кресло у ее ног, чтобы, разговаривая, мы глядели друг другу в глаза.

— Уши слышат хорошо, а вот глаза видят все хуже. И ноги не держат. И часто болит спина,— пожаловалась она.— А вы прямо из Москвы? И тридцать лет в Академии наук? Я буду бояться с вами разговаривать... Знаете, они вот хотят расширить мою спальню, перестроить все. А я не разрешаю. По утрам, на рассвете, открою глаза и вижу деревья, птицы поют. Как у нас поют, хотя (наклонившись ко мне) у них какое-то оперение не такое, цвет даже у пеночек другой... Сколько, вы сказали, миллионов экземпляров издано Толстого? А у вас есть собрание сочинений в девяноста двух томах? Я тут искала его годами. И вдруг нашла... Один американец продал мне. И недорого продал, за тысячу долларов. Вот только одного тома нет. Ведь я начинала работу над ним с группой профессоров. Знаете, Сережа * ничего не понимал в рукописях и выбросил двенадцать ящиков в какую-то не то яму, не то канаву. А я подобрала. И вот приходили Срезневский, Цявловский, Пиксанов, другие, и мы сидели в валенках, в полушубках. Иногда профессор говорил: «Получил сегодня морковки фунт, не питательно-с!». Но работали...

— ...Теперь осталось у меня одно удовольствие: выращиваю помидоры. Вот такие. И пахнут по-настоящему, как у нас...

— ...Я до последнего времени, до девяноста двух лет, водила сама машину. И не полиция мне запретила, а врач. Глаза у меня с детства не хороши... А вы рыбу любите ловить? А я очень. Теперь не разрешают...

Я пытаюсь отвлечь ее от грустных мыслей, напомнив о предстоящем юбилее Льва Николаевича Толстого. Она мне говорит, что в США есть интереснейшие материалы писателя, в особенности у русских американцев.

— Вспоминается ли мне Ясная Поляна? Постоянно. Вот только что видела так ясно, отчетливо, как будто было вчера, как идет отец из лесу нашего и несет полную шляпу грибов. Белых. И маму с Таней постоянно вижу. Говорите, десятки тысяч идут в Ясную Поляну? Ну, и пускайте всех, пусть смотрят. Значит, у вас многое изменилось, если вы решили церкви беречь и о Ясной Поляне думаете. Конечно, представляю, как нелегко вашему поколению было всего этого добиться.

Я спросил ее, не сыграл ли Горький роли в изменении ее отношения к матери?

— Не думаю... Нет, не сыграл. Мама меня не любила. Она была очень ревнива, но у нас не было ревности в отношении к отцу. Мама была очень сильный человек и очень страстный. Умерла она от воспаления легких. Я закрыла ей глаза. Мы, когда прощались, плакали и просили друг у друга прощения... Какая у меня судьба — закрыть глаза Маше, отцу, маме, Илье...— Она заплакала.— Вот, слезливой стала...

— Это святые слезы... А в последних словах Льва Николаевича не было что-либо упущено вами?

— Нет. Он сказал: «Истина... Я люблю... много». Мы с ним жили душа в душу и были очень откровенны, понимали друг друга.

— Да вы и внешне похожи на отца.

— У нас все походили на отца, а не на маму... Искали счастья в славе, в увлечениях, в глупых, ненужных занятиях, во всем этом жизненном мусоре, а порой находит какое-то озарение, смотришь в окно и вдруг — все-все ясно. Природа, солнце, небо, душа — вот главное...

— Быть может, творчество тоже, а не вот то,— показал я на «фонд».

— Может быть. Хотя я всегда боялась писать. В шестнадцать лет написала рассказ, послала в «Ниву». Мне ответили, что он принят, но я так испугалась, что умолила их вернуть мне рассказ обратно.

— Природа не любит распылять-

---

* Александр Иванович Овчаренко (1922—1988) — профессор МГУ, доктор филологических наук, автор двух десятков книг и монографий по истории советской литературы. Работал в ИМЛИ имени А. М. Горького.

* Сергей Львович Толстой (1863—1947) — брат А. Л. Толстой

ся. И то, что она отдала Льву Толстому, было взято и у вас. Во всяком случае, вам трудно было бы состязаться...

Мы рассмеялись.

Потом я спросил о Душане Петровиче Маковицком.

— Он записывал тайком, всегда и везде. Однажды я сказала, что сообщу папе. Он со своим милым акцентом чуть не на коленях умолял меня: «Саша, вы погубите меня, не надо, не надо говорить...». Конечно, его заметки надо печатать. И без каких-либо поправок стиля. Он был очень добросовестен, точен. От себя он не мог ничего добавлять...

— ...Россия! Я прощалась с ней, когда проехала на пароходе от Ярославля до Астрахани. И на поезде до-о-олго ехала от Москвы, через Екатеринбург, Иркутск. Такой и вижу ее...

Спросил, не приедет ли она на столетие...

— Не могу. Ноги не ходят. Спина болит. Очень слезлива стала... Не выдержу.— И, наклонившись ко мне, добавила: — Да и не пустят.

Я сказал, что в следующем году буду в Ясной Поляне и от себя и от нее (если разрешит) поклонюсь могиле, дому. И поцеловал ей руку. Потом, увидев, как потянулась ко мне она, поцеловал в щеку.

Она снова заплакала...

Когда мы возвращались к машине, князь сказал:

— Хотя Александра Львовна этого не любит, но, пока она там сидит, можем взглянуть. Сюда, пожалуйста.

И ввел нас в кабинет Александры Львовны. Комната метров двадцать. Широкий стол с книгами. Все стены увешаны фотографиями и портретами Толстого, других родственников. Фото Александры Львовны и Солженицына. Князь перехватил мой взгляд.

— Да, он был здесь.

Мы вошли в маленькую спаленку с окнами в сад. Кушетка. С нее видны и деревья, и лужайка под окном. Дверь выходит прямо в сад. Здесь Александра Львовна подолгу стоит у окна, слушает птиц.

Здесь будто был уют, покой и красота. Но почему-то запомнилась затаенная, щемящая, тоскливая нота, с которой Александра Львовна рассказывала о своей поездке в Вену к племяннику, когда по дороге она увидела лесок с березками, как в Ясной Поляне, встала, пошла туда и нашла рыжики. А моя жена, посмеиваясь как-то над ностальгией по родным березкам, сказала: «Что березки? Они растут во многих краях. А вот леса такого, как в России зимой, нигде не увидишь. Вот чего не забудешь».

Наверное, каждому свое не забывается в родной стороне.

Прошло около полутора лет. И вот 25 января 1979 года я снова просил у сотрудницы Айрэкса телефон Толстовского фонда.

— Там всем заправляет мистер Багрейшен. Но он откликается и тогда, когда его называют Багратионом. Позвоните сами...

Набрал номер телефона. Какая-то женщина на плохом английском ответила, что мистер Багрейшен отсутствует, и очень обрадовалась, когда я перешел на русский. Узнав, что мне необходимо нанести визит вежливости Александре Львовне, она переадресовала меня к секретарю Толстой, Екатерине Александровне Волконской. Та, посоветовавшись с кем-то, сказала, что Александра Львовна никого не принимает. Все же она позволила приехать на ферму к обеду: «Возможно, на несколько минут вы увидите ее».

Трудность поездки заключалась и в том, чтобы найти сотрудника ООН, имеющего право свободного выезда за 25 миль от Нью-Йорка без специального разрешения. Но тут повезло, я встретил давнего знакомого Сергея Бурка, имевшего такое право.

Мы выехали в ливень, проскочили нужный поворот, но в конце концов попали куда нужно.

Нам открыла высокая статная женщина:

— Профессор Александр Иванович Овчаренко? Милости просим. Пожалуйте к столу. Вас ждут.

В небольшой столовой к нам подошла маленькая кругленькая старушка с типично русским лицом. Это и была Екатерина Александровна Волконская.

— У нас теперь, как и всюду, само... само...

— Самообслуживание?

— Вот-вот... Прислуги не достанешь. Да и платить ей надо дорого...

Нас пригласили за большой Т-образный стол. Во главе его сидели в облачении два священника. Они беседовали весьма оживленно. Перед ними стояла бутылка «Смирновской».

После обеда Екатерина Александровна, надев ботинки и плащ, похожий на зипун, обрядившись в коричневую шляпку не последних времен, предложила нам осмотреть ферму.

Дождь лил как из ведра, но Волконская отказалась от зонтика: моему зипуну, мол, ничто не страшно. Шагая напрямик по лужам, она рассказывала историю приобретения фермы, то, как разводили несушек, свиней...

— А почему перестали?

— Невыгодно. Раньше всю работу выполняли те, кто искал у нас убежища, только за еду. А теперь им надо платить не меньше пяти долларов в час. Сейчас у нас всего шестнадцать коров, не дойных, а на мясо...

Вошли в небольшое одноэтажное помещение, где расположилась выставка. Она состояла из фотографий и редких изданий Л. Н. Толстого. Почти на всех фотографиях — Александра Львовна.

— ...Вот Александра Львовна с гитарой. Это единственная вещь, которую она взяла с собой из России. Ей более ста лет... А книгу «Отец» в России читают?

— Я читал. И другие ученые читали.

— Значит, проникла к вам... А теперь пойдемте узнать, как Александра Львовна. Быть может, примет. Она ведь почти не видит. Катаракта. Но легко узнает каждого по голосу.

Мы подошли к знакомому небольшому домику в саду за оградой. Прошли по мостику через ручеек, который сегодня из-за ливня превратился в речушку. Екатерина Александровна юркнула за дверь, мы остались на невысоком крылечке. Переговоры ее с кем-то длились минут пять. Потом мы услышали:

— Проходите. Разденьтесь вот здесь.

Мы вошли в комнату-гостиную, где в левом углу стояла большая кровать со стеночками-загородками, как у детей, чтобы не упали. В кровати, под белым одеялом, лежала совершенно седая женщина-подросток. Волосы ее были трогательно заплетены в косичку, завязанную красным бантиком. И опять промелькнуло это удивительное сходство с отцом.

Волконская склонилась над Александрой Львовной:

— К вам пришел профессор Овча́ренко...

— Овчаре́нко,— тихо и тактично поправила та.— Я рада, что вы пришли.

Я сказал, что слышал ее выступление в октябре 1978 года по «Голосу Америки», и спросил, насколько обдуманны слова о ее желании возвратиться домой. Она ответила:

— Очень, очень хочу домой. Хочу остаток своих дней провести на родине и умереть на родине...

Прощаясь со мной, А. Л. Толстая сказала, что «Россия — хорошая земля... Хорошая, нет другой такой. Пустят ли меня?»

— У большой страны большое сердце...

Мысленно она уже, наверное, представляла себе Москву. Может, поэтому и спросила, где я там живу. И узнав, что живу рядом со знакомыми ей домами Аксаковых, Танеева, Герцена, что некоторые из них стали музеями, восхитилась: «Какие молодцы!»

Пора было уходить. Я решился подарить сувенир Александре Львовне, но она не приняла:

— Оставьте себе, мне теперь уже ничего не надо. Мне бы только домой.

— Ясная Поляна ждет вас.

— Ну, спасибо.

Мы поцеловали ее.

Татьяна Алексеевна Шауфус и Екатерина Александровна Волконская нетерпеливо дожидались нас за дверью.

— Как вы нашли ее? Абсолютная ясность памяти и сознания, не правда ли? А ведь ей под сотню. Врачи говорят, что остаются недели, если не дни.

Она умерла в октябре 1979 года.

Говорят, Александра Львовна писала в музей Л. Н. Толстого в Москве о своем желании возвратиться в Россию, чтобы быть похороненной рядом с родными.

Настойчиво обращался «наверх» и я, возвратившись в январе 1978 года из США, но увы. И во все последующие годы не оставляло меня щемящее чувство бессилия и невольной вины за то, что не смог добиться исполнения просьбы умирающей дочери Л. Н. Толстого.

Публикация
Ольги СОЛОВЬЕВОЙ-ОВЧАРЕНКО

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Среди множества неформальных структур и политических течений, возникших на волне гласности, выделяются и такие, в которых заметна намеренная неясность программ и политическая демагогия с широким применением «перестроечных» лозунгов. Ярким примером такого рода организации является «Объединенный фронт трудящихся» (ОФТ), возникший в мае 1989 года в Ленинграде и уже в сентябре получивший статус Всероссийского на учредительном съезде в Свердловске. Вводя в заблуждение широкие массы, дезориентируя их, ОФТ, на мой взгляд, представляет серьезную опасность для тех демократических преобразований в экономике, политике и идеологии, которые только и способны вывести страну из состояния глубокого кризиса.

Несообразность, а скорее обман, содержится уже в названии этой организации. Оно подразумевает, что любой честный труженик, если он только пожелает, может стать членом ОФТ. Но в действительности фронт объединяет не просто трудящихся, а исключительно тех, кто признает «ведущую и определяющую роль рабочего класса». Вообще термин «рабочий класс» занимает центральное место в устных и письменных заявлениях лидеров ОФТ, при этом они нигде не конкретизируют это понятие, хотя смысл его настолько размыт, что подчас (когда рабочий класс отождествляется с трудящимися) становится и вовсе бессодержательным. Более того, неясность в этом понятии существует объективно. Если обратиться, например, к Советскому энциклопедическому словарю 1987 года издания, то мы узнаем, что «рабочий класс при социализме — это класс тружеников общенародных предприятий, владеющий средствами производства, самая передовая и организованная сила общества». Ничего более содержательного по данному вопросу ни учебники, ни справочная литература представить не в состоянии. Но из этого определения видно, что и директор, и начальник цеха, и инженер, как ни крути, являются тружениками социалистического предприятия, а значит, принадлежат к рабочему классу!

Именно такая неопределенность (а с другой стороны, привычность) делает термин «рабочий класс» исключительно удобным для манипулирования сознанием тех же трудящихся, попросту говоря, для их обмана. 13 сентября 1989 года газета «Советская Россия» опубликовала высказывания некоторых руководителей ОФТ: народного депутата СССР В. Ярина, ученого М. Попова, кандидата философских наук В. Якушева и других. Еще ранее в вашем журнале («Родина» № 5, 1989) тот же М. Попов поделился мыслями о роли рабочего класса в перестройке.

В упомянутых выступлениях лидеров ОФТ вновь прокламируется разделение общества на враждебные классы, снова, как в 1917-м и 1937-м, звучат призывы к классовой борьбе (причем теперь уже на необозримо длительный срок, поскольку бороться-то нужно до полной победы коммунизма). К сожалению, необходимо признать, что демагогия лидеров ОФТ все еще находит отклик у весьма широких слоев населения. Поэтому так важно проследить ее корни. Опорой в рассуждениях М. Попова является старый тезис о «ведущей и определяющей роли рабочего класса». В его поддержку традиционно выдвигается три аргумента:

— рабочий класс — самый многочисленный;

— он самая передовая и организованная сила современности;

— рабочий класс — основной и непосредственный производитель всех материальных благ.

Прежде чем перейти к анализу этих утверждений, необходимо определиться с «рабочим классом». Наука, как мы видели, нам помочь бессильна, поэтому обратимся к здравому смыслу, а он подсказывает, что нельзя отождествлять всех трудящихся с рабочим классом, разумнее зачислить в эту категорию только промышленных рабочих (как, кстати, поступали и Маркс, и Ленин), то есть тех, кто непосредственно кует металл, добывает руду, работает у станка и т. д. Официальная статистика называет цифру 81,2 миллиона рабочих — две трети занятого населения (СЭС, 1987). Однако цифра эта включает обслуживающий персонал и охрану, продавцов, заводских мастеров, парикмахеров и т. д. По оценке Ю. Качушка («Книжное обозрение» № 35, 1989), ориентировочная численность рабочих в промышленности составляет около 40 миллионов, то есть менее трети занятого населения. Таким образом, утверждение «о численном превосходстве» можно отбросить.

Обратимся к следующему аргументу, что рабочий класс — самый передовой. В его спорности каждый легко может убедиться, обратившись к своему непосредственному жизненному опыту. Во всяком случае, ясно, что по составу рабочий класс ничем не лучше (хотя, может быть, и не хуже) других многочисленных групп населения, объединенных по профессиональному признаку. Принадлежность человека к какому-либо классу, партии или профессиональной группе не делает его автоматически «передовым» или «реакционным» — все определяется его мировоззренческими и нравственными ориентирами.

Об организованности. Действительно, однородный, коллективный характер труда рабочего класса способствует его сплоченности. В период кризиса административно-командной системы это может представлять серьезную угрозу правящей бюрократии, что и доказали забастовки шахтеров в Кузбассе, Донбассе и Воркуте. Однако в условиях «нормального тоталитаризма» рабочий класс наиболее послушен и подвержен давлению той же бюрократии. Таким образом, и второй аргумент, утверждающий, что рабочий класс — самый передовой и организованный, есть не более чем очередной миф.

Наконец, третье утверждение — что рабочий класс является основным и непосредственным производителем материальных благ. Это наиболее глубоко укоренившееся и широко распространенное заблуждение основано на наивном представлении о том, что, когда рабочий стоит у станка, рубит уголь и т. д., он тем самым непосредственно создает материальные блага. Подобный подход не учитывает, что станок, угольный комбайн и т. д. был вначале придуман изобретателем, сконструирован конструктором в соответствии с законами, открытыми учеными, изготовлен под руководством инженера, и лишь затем рабочий получил возможность производить с помощью этого станка продукцию. Следовательно, и последний аргумент в пользу «ведущей и определяющей роли рабочего класса» не выдерживает критики.

Итак, главный тезис, на котором основаны пропагандистские выступления лидеров ОФТ, при ближайшем

рассмотрении оказывается ложным.

Хотелось бы обсудить и еще один важный вопрос, по отношению к которому позиция ОФТ выражена достаточно ясно и обойти который невозможно ныне ни в какой дискуссии. Это вопрос о собственности. Семидесятилетняя история нашего государства показала, что в условиях монополии государственной собственности невозможно создать эффективную экономику, ориентированную на человека. Именно поэтому сегодня необходима денационализация собственности, ее разгосударствление. Субъект труда должен владеть и распоряжаться средствами труда. На деле это означает: землю — тем, кто ее обрабатывает; заводы, фабрики и предприятия — тем, кто на них трудится. Только на этом пути возможен выход из поразившего страну экономического кризиса.

Но лидеры ОФТ последовательно выступают против разгосударствления собственности, против регионального хозрасчета, против передачи предприятий трудовым коллективам, против развития рыночных отношений. Фактически они утверждают, что монополия государственной собственности — вещь очень хорошая, надо только получше ее использовать. Каким же образом? Очень просто: обеспечить повсеместно «ленинский учет и контроль» да еще ввести побольше рабочих в ЦК и Политбюро.

Но такими мерами не решить все накопившиеся за последние десятилетия проблемы. Ситуация такова: либо мы и дальше будем осуществлять лозунг «Чтобы не было богатых», либо мы все-таки изберем иной путь, иную стратегию под противоположным лозунгом — «Чтобы не было бедных». Это главный выбор сегодняшнего дня. И каждый, кому небезразлична судьба страны, должен внести свой вклад в его осуществление.

С. КОВАЛЕНКО
Менделеево, Московская область

Ход перестройки в последние два года омрачился рядом негативных явлений: ростом преступности, национальной вражды, группового эгоизма, ухудшением морального климата в обществе. Может быть, сама перестройка — ошибка? Нет, цели ее (какими их сформулировала партия) верны, благородны и прогрессивны. Но, на мой взгляд, атакуя «белые пятна» истории и «запретные зоны», мы не учли один важный фактор — патриотизм, самоуважение нации.

В годы, предшествовавшие началу перестройки, бюрократический произвол убивал в человеке уважение не только к себе, но и к своему народу, стране, обществу. В массах ширилось безверие, цинизм, презрение ко всему отечественному. Застойные явления многим казались неотъемлемой чертой социализма, и это порождало обращение к «ценностям», враждебным социализму, вплоть до самых реакционных и антигуманных.

Когда же через средства массовой информации хлынул поток однобокого «негатива», эти настроения, приутихшие было в начале перестройки, резко усилились. Действительно, если все в советском прошлом и настоящем так безнадежно мрачно и бесчеловечно, откуда тогда взять веру в успех перестройки? Не лучше ли уничтожить такое общество до основания, забыть эти 70 лет, как дурной сон? А еще лучше — махнуть рукой на все идеалы и, не пытаясь исправить общество, думать только о себе?

Вспоминаю, какой подъем патриотических чувств вызвали в народе антисоветские выпады «раннего» Рейгана (появилось даже «послание» президенту в стиле известного запорожского). С каким презрением смотрели тогда на «бывших», зарабатывавших себе на хлеб разжиганием вражды к бывшей Родине!

И что же теперь? Все советское, отечественное охаивается, все западное, капиталистическое превозносится. А того, кто смеет возражать, ждет ярлык сталиниста, черносотенца, врага перестройки. «Бывшие» же ходят в роли непогрешимых вождей и учителей.

Да какую перестройку, какое вообще добро можно сделать для страны, которую презираешь? И как могут соседи уважать народ, который сам себя не уважает? Не стоит обманываться похвалами, которые Запад расточает перестройке. Ведь в ней он (как ранее в нэпе и реформах 60-х годов) видит шанс реставрации капитализма в нашей стране. Сильная Россия Западу не нужна — ни социалистическая, ни капиталистическая. Поэтому продажный кровавый режим прозападного толка (даже с «советским» фасадом) или расчленение страны на два десятка враждующих государств с подобными режимами империалистов вполне бы устроили.

Послевоенная кампания «борьбы с космополитизмом», безусловно, велась грубо и зачастую принимала уродливые формы. Но все же, по-моему, она имела объективное положительное содержание. Что, если не патриотизм, дало нам тогда силы не унизиться перед капиталистами ради кредитов? И сумели ведь за несколько лет отстроить разрушенное, а затем укрепить хозяйство и оборону настолько, чтобы перестать наконец быть осажденной крепостью с казарменным режимом.

Примечательно, что обливают свою страну грязью и восхваляют капитализм со страниц прессы не рабочие или колхозники, и даже не кооператоры, а люди с дипломами, учеными степенями и званиями. У них презрение к собственному народу доходит до своего рода расизма (интересно, где еще есть расисты, считающие неполноценным свой народ?). Ведь чем, как не расизмом, отдают рассуждения о будто бы непоправимо уничтоженном Сталиным генофонде народа? Получается, что к концу 30-х годов на селе остались одни лодыри и рабы, в науке и искусстве — бездари и угодники, в армии — невежды и карьеристы.

Но позвольте, кто же тогда при всех культах, волюнтаризмах и застоях кормил страну, делал гениальные открытия, побеждал сильнейших врагов, создавал бессмертные творения? Разве эти рассуждения о «генофонде» не оскорбление для тех, кто все эти трудные десятилетия самоотверженно трудился и боролся ради блага страны, а не в угоду очередным власть имущим?

Определенная часть интеллигенции во время застоя не только аккумулировала в себе пороки, поразившие общество, но и придала им «научный» и «идейный» облик. «Аристократы духа» появляются там, где есть аристократы денежного мешка, кресла и т. п. Интеллектуальная элита стремится, особенно в эпоху социальных потрясений, проникнуть в ряды элиты властвующей либо заменить ее собой.

Но у нас была и есть другая интеллигенция — труженики, а не «аристократы» духа. Они не развращают народ, а просвещают его. Хранят лучшие из вековых традиций, а не разрушают их. Служат народу, а не «самовыражаются» за его счет, не рвутся властвовать над ним. Воспитывают в народе высокие, а не низменные чувства. Кому, как не им, возрождать в народе уважение к самому себе и к Родине? Таким людям в Советах не будет тесно рядом с рабочими и крестьянами. Потому что труженику с тружеником, патриоту с патриотом делить нечего.

Д. ДУДКО, историк
Харьков

Сдано в набор 23.12.89. Подписано к печати 22.03.90. А 00259. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 450 000 экз. Заказ № 2105. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-86.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.